

ВАДИМ ШВЕДОВ

К ЧЕМУ СЧИТСЯ
ИМПЕРАТОР?

Annotation

Практика осознанных сновидений привела к неожиданному результату. Наш современник очнулся младенцем. На дворе начало XIX века, а он — сын Николая I. Будущий император начнёт свою историю...

К чему снится Император?

Все началось со снов... Сны были разные: красочные и серые, кошмарные и веселые, скучные и интригующие. Объединяло все эти сны только одно — мой эксперимент с погружением в прошлое. Диковато, конечно, звучит, признаю. Причем здесь сны и какое-то прошлое? Без некоторой предыстории здесь явно не обойтись.

Дело в том, что я работаю преподавателем истории и философии. Казалось бы, вот тебе благо — занимайся изучением прошлого, давай студентам знания. Проблема была только в том, что мои взгляды по преподаваемым предметам категорически не соответствовали официальным. По началу я, правда, пытался высказывать альтернативную точку зрения на те или иные исторические события. Например, я говорил, что многие беды в России из-за отсутствия уважения к частной собственности, подавления гражданского общества, из-за того, что к большинству людей власть относится потребительски. Это все широко освещалось на фоне исторических примеров разного рода. Мои взгляды за короткое время стали широко известны не только обучающимся, но и руководству. Закончилось это все тем, что меня вызвали к начальству колледжа и в ультимативной форме потребовали, чтобы я прекратил подобные мероприятия. Дескать я получаю зарплату от государства и должен говорить строго по утвержденным учебным пособиям. Все во мне бурлило, но пришлось смириться.

Занятия мои стали обыкновенными, а моя творческая натура изнутри бунтовала. Одновременно выяснилось, что и в интернете не все напишешь, будучи официально преподавателем. Приходилось периодически выкладывать свою позицию на разных исторических форумах под ником Чтец (намек на то, что я помешан на чтении). Но интернет как-то не очень цеплял, — не те эмоции как при живом общении. И тут на помощь приходили сны, осознанные сны. Возможно, кто-то не знает, но есть такие сны, в которых ты себя можешь осознавать. Фактически осознанные сновидения — это измененное состояние сознания, при которых можно видеть сон и в той или иной мере управлять его содержанием.

Так вот, осознанными снами, внетелесными путешествиями и прочими духовными практиками я начал заниматься очень давно. Уже лет как двадцать точно практикую и даже скажу, что вроде как почти мастер в некоторых моментах. На Востоке кстати эзотерика давно практикуется. А на Западе и в России как-то все тухло, только в последние годы какие-то сдвиги стали происходить. Жесткий материализм в головах у людей. Студенты во время занятий по философии мне, например, говорят типа мы духов и прочее не видим, а значит этого и нет. Так и хочется ответить в том же духе, — вы же электричества тоже не видите, так какого черта им пользуетесь? Но нельзя, — опять вызовут к начальству и будут теперь «песочить» еще и за философию, и даже не посмотрят на то, что я кандидат философских наук. Нет, приходится не высовываться и заниматься практиками самостоятельно.

Осознанные сны у меня всегда стояли на первом месте. На самом простом уровне ты можешь себя лишь осознавать, потом начинаешь делать то что хочешь, затем чувствовать вкус еды во сне, дуновение ветра. Более продвинутый уровень — реальные встречи во снах с другими людьми, а иногда даже не совсем с людьми. Фактически за двадцать лет непрерывной работы, я мог назвать себя уже мастером. Но я как человек увлеченный

историей, не занимался этой практикой для того, чтобы стать каким-то крутым магом. Вот не интересна мне эта ересь, тем более она легко приводит к страшным последствиям.

Многие мои знакомые, примерно моего уровня подготовки и знаний, теряли свою жизнь, залезая во снах туда, куда не следовало. Магической власти им хотелось, — наивные ребята. Такое желание рано или поздно приводит к столкновению с такими существами, перед которыми человек просто букашка. Я это прекрасно понимал и занимался осознанными снами в чисто развлекательно — утилитарных целях. Это приводило к тому, что меня по большей части даже не замечали, а иногда происходили вообще курьезные случаи. Поскольку я воссоздавал во снах исторические события и постоянно принимал в них деятельное участие, эти сущности порой выступали неявными зрителями данных театральные постановок. Увидеть в своем сне я их не мог, но ощущение инородного во сне было для меня явным. А однажды я словно бы уловил эманацию громкого хохота, после того как я, будучи полководцем во сне, пнул по заднице воина, пытавшегося дезертировать с поля боя.

Все могло продолжаться так и дальше, но вмешалась реальная жизнь. Я дошел до точки кипения с этим лицемерием. На занятии по истории была тема «Правление Александра II» И тут пара студентов — отличников, первокурсников начали восхвалять этого правителя. Дескать освободитель крестьян от рабства, реальный реформатор. Я прямо на занятии чуть не взорвался чтобы все им выложить. Боже, как же я терпеть не могу Александра II! Да не Ивана Грозного с его опричниной, не Сталина с его репрессиями, а именно этого поганого Александра II. Именно этот человек своими казалось бы «благими» намерениями и действиями, заложил основы падения Российской империи. Он продал богатую ресурсами Аляску США, что позволило последним резко усилиться, освободил крепостных крестьян без достаточного количества земли, создав взрывоопасный материал, создал суд присяжных, которые впоследствии из-за своей безответственности и идеализма, оправдывали террористов, организовал такие органы управления страной, которые в итоге оказались парализованными в своей работе, провёл такую реформу образования которое создало целую прослойку профессиональных революционеров.

Внутреннее негодование, помноженное на уверенность в своей правоте и желание доказать, что прав именно я, и породили дальнейший драматический эксперимент. Я решил передать все свои знания Александру II. Я знал, что сон это не просто наши бессознательные мысли о прошедшем дне, а мост, соединяющий разные планы реальности. Именно через осознанный сон проще всего соединить сознание людей разных эпох и изменить тем самым реальность.

Взбурдаженный мыслью стать хотя бы частично императором, я вспомнил сколько я переиграл стратегий, сколько прочитал биографий царей. Как же я мечтал оказаться на месте наших правителей, говоря себе, что вот я бы точно поднял страну. И тут словно все совпало. Я знал, что перенос слепка сознания в человека прошлой эпохи возможен, знал, как это делать, но прекрасно осознавал также что эта та грань, за которую выходить нельзя. На меня явно обратят внимание неорганические сущности, и быстрая смерть в ответ на такую наглость будет еще мягким наказанием.

Следующую неделю я провел в лихорадочном состоянии. На одной стороне весов стояла моя жизнь. То, что меня убьют я даже не сомневался. Остановка сердца, впадение в кому, страшный несчастный случай, гопники с ножами в переулке и многое другое — это все причины смертей моих бывших продвинутых товарищей — сновидцев, перешагнувших порог

дозволенного. Однако на другой стороне, — стояла моя мечта изменить Россию и доказать, что все мои идеи исторического развития верны.

Умирать в мои пятьдесят два года не хотелось. Боялся я смерти, боялся до жути неминуемого наказания. А потом вдруг резко отпустило. Я понял, что дальше жить по-прежнему не смогу. Приняв решение, следующие две недели я посвятил подготовке своего плана. Я уволился с работы и составил завещание. Дети мои жили с бывшей супругой и хоть наследства от меня они не получают большое, — двухкомнатная квартира, да небольшой счет в банке, но и то хоть что-то. Оставшиеся дни до плана, я убирал квартиру до блеска и читал необходимые материалы по эпохе Александра II.

Перед итоговой ночью я вдруг запаниковал. Появился ком в горле, начал дрожать словно кролик. «Господи, какой стыд», — подумал я и резким усилием взял себя в руки. Раз решил, то надо идти до конца.

Привычно войдя в осознанный сон, я отдал намерение войти в сон еще младенца — Александра II. А после этого я сделал то, что могут уже совсем немногие единицы из сновидцев, — вышел прямо из сновидческого тела и вторгся в сознание будущего императора. На следующий день тело пятидесятидвухлетнего преподавателя истории Петра Евгеньевича было обнаружено в его квартире бывшей супругой, которой он до этого предварительно назначил встречу по поводу детей. Дальнейшее вскрытие тела показало причину смерти — инфаркт миокарда.

Перемещение в Александра произошло мгновенно. Не уловив до конца этот факт, столкнулся сразу же с тем, что неожиданно я почувствовал ужасный голод и самопроизвольно заорал. Говорить я не мог, и реально орал как младенец 5 месяцев от роду. Этот факт меня ошарашил, но еще больше шокировало то, что неожиданно мне сунули грудь в рот, и я автоматически стал сосать молоко. Все было очень быстро, непонятно, и на это время сознание ребенка явно взяло надо мной верх. Следующие дни и месяцы я провел мерзко. Освоившись в новом теле, я испытывал унижение и постоянный туман в голове. Все проходило по одному сценарию — ем, какаю, ору (да именно в таком порядке), рассматриваю людей и ничего не соображаю, словно пьяный вдребезги. Ситуация немного улучшилась, когда я начал ползать и пытаться что-то говорить. Правда, первое получалось лучше, хотя я и постоянно при ползании по непонятной причине заваливался на бок. Вместо слов получалось какое-то мычание, что, как ни странно, приводило в дикий восторг окружающих людей. До конца разобраться кто есть кто, я почему-то тоже не мог. Все как-то смутно и крайне расплывчато выглядело. Более или менее ясно стал мыслить лишь года в четыре. Сразу попытался разобраться в текущей ситуации. В идеальном варианте, того, что произошло со мной, быть не должно было никак. Я должен был передать слепок своего сознания и все. Душа как таковая не раздваивается. Новый император постепенно бы овладел бы моим опытом, знаниями и изменил бы в итоге страну. Однако, раз я себя полностью ощущаю в этом теле, то значит «истинного» меня все-таки убили. Неприятное чувство. Судя по всему, душа, пытаюсь спастись, перетянулась в итоге в Александра II. В теле теперь две души, а это не очень хорошо. Скажем так, — вероятность шизофрении крайне высока. Есть, правда, и плюсы. Фактически потенциал физического тела и духовных сил теперь будет в разы увеличен, хотя плюс ли это не совсем уверен тоже. Ладно хоть сообразил взаимодействовать с младенцем, разумно полагая что мышление взрослого будет негибким к усвоению нового. Взрослые же души очень сильны. Они всегда будут бороться до конца. Знаю горе — колдунов, которые боясь ответственности за свои действия пытались

перекидывать свою душу в другие тела. В младенцев практически никто не пытается внедриться, — у последних непробиваемая природная защита, непонятно кем поставленная. Поэтому колдуны обычно внедряются во взрослого человека, и сохранить при этом рассудок здоровым достаточно сложная задача. Окружающие часто при этом не понимают, что происходит с человеком, почему так радикально меняются его привычки, взгляды и прочее. Как я оказался поэтому во младенце — тоже вопрос. У меня только одно предположение, — меня убили как раз в тот момент пока я передавал слепок сознания младенцу, а далее душа в агонии, не понимая что происходит, ошибочно втянулась в младенца. Нда, на фильм ужасов или дурдом какой-то сильно все смахивает. Хренов я сновидец. Не по плану пошло, но жить все-таки надо. Жил я в основном с родителями в Аничковом дворце в Петербурге. Дворец был роскошный, по-другому даже не скажешь, не то что моя прежняя убогая квартира. Единственный и огромный минус состоял в том, что на жилье это не очень было похоже. Очень много людей, покоя никакого. Не только взрослых много, но и детей. После меня еще появились на свет Мария, Ольга, Александра, Константин, Николай и Михаил. А кроме того, — куча великокняжеских и сановных детей. Покоя никакого. Все шастают туда-сюда. Меня с четырех лет определили в детскую, и я там почувствовал себя словно в детском саду. Пытался чаще делать гимнастику, благо с детьми этим занимались. Но все равно целый день не поприседаешь и на турниках не повисишь. Тогда от скуки перешел на темную сторону и начал экспериментировать с детьми и воспитателями. — Маша, эта кукла про тебя плохо говорила. Тебе надо ее наказать. — А что она говорила? — Сказала, что ты некрасивая. — Вот бяка какая. На тебе, — и ударила ее наотмашь. — Отдай куклу нашей воспитательнице, Анне (та зажала для меня лишнюю конфету на обед). Скажи, чтобы передела ее в мешковину и поставила в угол. Это будет для нее наказание. Целый день моя сестра Маша доводила дородную, возрастную Анну чтобы та передела куклу. Напрасно Анна говорила ребенку, что это некрасиво, и кукла ничего не понимает. Маша закатила жуткую истерику. Взмыленная Анна в конце концов, психанула и приделала кусок мешковины для платья куклы. Маша была довольна, я тоже был доволен и даже Анна успокоилась. Кукла в мешковине стояла в углу детской. К концу недели в углу уже было 3 солдата и 7 кукол. С ребятами мы собирались ежедневно и обсуждали кто из игрушек как себя вел и как надо их наказать или поощрить. Воспитатели не понимали, что происходит и как на это реагировать. В итоге они оставили все это дело на самотек. С игрушками же играют дети, пусть сами разбираются.

Глава 2

Вести себя адекватно в детской меня хватило где-то на месяц. Не выдержав в итоге, я подошел к нашему охраннику, молодому парню Ефиму, который в это время откровенно скучал.

— Слушай, Ефим, а что у тебя сабля не наточена?

— Как не наточена ваше величество. Еще как наточена.

— Так ты посмотри сам.

Ефим после этого достал саблю и начал придирчиво вертеть перед собой.

— Ты этой саблей даже нашему петуху Кузьме во дворе голову не снесешь, ей только дрова рубить. Как ты нас то будешь защищать?

— Ефим весь покраснел и неожиданно выбежал во двор.

Во дворе раздались крики, шум падающего Ефима, кукареканье встревоженного Кузьмы. Нда, хоть какое-то развлечение.

Так до 6 лет я «играл» только. В принципе играл я и в «той жизни». Футбол, прятки и все такое... Хвох еще у меня дома стоял, хоть и мне 52 года уже было, да и вроде как не солидно мне, — преподавателю общественных дисциплин. Это меня не останавливало. Но сейчас тяжело было. Всякие солдатики там, салки... — хрень какая-то. Умом я все-таки взрослый, хоть и максимально пытался не показывать этого. Но внутренне раздражала данная ситуация. Тем более относились ко мне как ребенку, что весьма бесило. Туда не ходи, сюда не ходи... Достали просто, вот я и начал страдать ерундой. Мама моя Александра Федоровна была женщиной красивой, но слегка инфантильной. Любила всякие приемы и балы. Она явно не совсем понимала мои поступки, порой попадая в ступор. Папочка же наш, Николай I был высоким, статным, носил усы, говорил быстро и твердо. А по характеру суроват был, по мне так вообще самодур. Контролировал все, считал себя самым умным и бесился что правит его брат Александр I. С ним самое главное, поддакивать и восхищаться его величием. Дядя же мой Александр I был постоянно в печали и практически потерял интерес к правлению. Поговаривали, что он даже хочет передать престол папеньке. Тем не менее именно он подарил мне пони, когда родители запретили на лошади кататься. Эта кобылка мне понравилась. Резвая такая. На лошади эти сволочи — опекающие покататься мне не дают. Считаю, что это перебор. Знаю, что многие дворяне сызмальства учатся верховой езде. Со мной бабушка, немка по происхождению, Мария Федоровна еще часто играла. Я у нее кстати немецкому даже немного научился.

— Саша, не надо так быстро. Будь аккуратнее.

— Но, лошадка, скачи, давай, скачи. Что-то вошел я в раж даже немного и начал размахивать деревянной сабелькой.

— Слушай бабушку и не балуйся, — добавила маменька Александра Федоровна. Я у нее был первенцем, и она постоянно волновалась за меня.

Пришлось послушаться.

— А знаете, Мария Федоровна... Я рада, что он вроде как поживее стал. А то ведет он себя не как ребенок. Представляете я его постоянно застаю за книгами и картами, хотя он даже читать еще не может. Говорит, что просто картинки смотрит. С ребятами вон тоже почти не играет, только если что-то спортивное намечается, интерес проявляет. У меня это первенец. Скажите, это нормально вообще?

— Дочка, не волнуйся. Дети разные бывают. Одни капризничают, другие молчат все время. Ты посмотри хотя бы на моих Александра и Николая. Они же совсем разные.

— Просто взгляд у Саши серьезный какой-то, и он явно недоволен, когда с ним как с ребенком говоришь.

— Что есть, то есть. Тоже такое замечала. Рановато взрослеет. Но оно может даже к лучшему, все-таки иметь ум оно всегда не помешает. Саша же явно умен, причем хитрит даже частенько.

— И как это? Не замечала я.

— Молодая ты просто, всего не видишь. Недавно Николай наш к нему в детскую заходил и начал его маршировать учить. Так наш Саша, стал ему подыгрывать, и говорить, что папа у меня самый лучший генерал на свете. Николай так и расцвел весь.

— Так и где тут хитрость?

— Саша сразу после этого попросил у него станок для работы по дереву и железу, какие-то мелочи. Сказал, что будет солдатиков делать. Николай сразу распорядился.

— Поняла теперь.

— Молодой такой Саша, а уже изворотливый, хитрый. Отцом манипулирует. Удивил он меня. Я такого даже не могу. Николай меня вообще не слушает толком. А про детей остальных и не говорю. Дети полностью ему подчиняются, даже я на них такого влияния не имею. А ведь в детской есть ребята и постарше Саши.

— Узнала, что Николай распорядился начать обучение Александра. Интересно как там он себя проявит.

— Скоро увидим. Не совсем ведь обычный ребенок.

Учить меня начали в июне. Я даже немного обалдел, что не с 1 сентября. Да, привычка вьелась в меня намертво. Все-таки учился столько в школе, вузе, аспирантуре, и всегда начало было с 1 сентября. Главным воспитателем мне назначили генерал-лейтенанта Павла Петровича Ушакова, для преподавания словесности и общего наблюдения за обучением — поэта Василия Андреевича Жуковского (спасибо маменьке, — она настояла, поскольку боялась, что я солдафоном стану). Зато для военного воспитания сам папа наш выбрал командира из школы гвардейских подпрапорщиков капитана Карла Карловича Мердера, добросовестного служаку.

Воспитатели в целом, меня устроили. Карл Карлович меня учил командовать взводом гренадер и уверенно сидеть в седле. Верховая езда мне прямо понравилась. С нуля считай. В той жизни так и не пришлось. Где в городе лошадь то встретишь? Да и командовать несложно оказалось. Но это считай легче мне далось даже. В армии я служил в свое время по контракту, дослужился даже до капитана и потом благополучно с ней распрощался. Армию за грубые порядки не очень любил. Считай только ради денег больше и служил. Сейчас понимаю, что лучше бы в бизнес сразу пошел, но нет. Ленивым и глупым оказался. В «горячие точки» сам напросился чтобы денег на квартиру заработать. Денег получил, звание тоже, а еще три пулевых ранения. Впоследствии военные ранения сильно беспокоили. Пытаясь как-то успокоить боль, стал увлекаться духовными практиками, в том числе и осознанными сновидениями, что в итоге меня сюда и привело. Это после армии и бизнеса я только в преподавание и науку ушел. Стал историком и философом, — давно этими науками интересовался.

Другой мой воспитатель, Жуковский вообще своеобразный человек был. Сентиментальный и наивный такой. Периодически замечал, что у него бывают красные от

слез глаза. Так вот он все время говорил нам, что целью воспитания и учения должно быть «образование для добродетели». Василий Андреевич считал, что должен формировать мой верный нравственный настрой. Он даже моему папеньке заявил: «Его высочеству нужно быть не ученым, а просвещенным». Главной наукой наследника русского престола мой воспитатель считал историю, «наставляющую опытами прошедшего или объясняющую настоящее и предсказывающую будущее». Насчет последнего, в принципе, я был согласен. Это нынешнее общество не ценит историю, прямо-таки ориентируясь на удовольствия и деньги, наивно полагая, что деньги сами по себе могут все проблемы решить. Если бы все так было, то не было бы ни наркоманов, ни алкоголиков, ни просто потерянных и несчастных людей. Меня как-то в колледже студенты спросили зачем я работаю преподавателем истории. Мог бы вроде как устроиться и на более денежное место. Причем вопрос этот был задан с каким-то сожалением, что вроде мужик хороший, а занимается ерундой. В этом и вся проблема нашего общества. Мы потеряли ориентиры, не видим куда идем и даже более того не знаем, кто мы есть сами. Что я деньги не могу зарабатывать? Еще как могу. После армии занимался я бизнесом. У меня был прибыльный строительный магазин. Когда настало время расширяться, то я вместо этого бизнес продал, к несказанному недовольству супруги, которая, кстати, через некоторое время со мной благополучно разошлась. Не приносил мне бизнес радости, не давал он мне полноты жизни. Деньги нужны, но их с собой в могилу не унесешь. Занялся я историей и философией — в них и обрел себя. Не жалел никогда. Жуковский в этом плане прав. История объясняет нам все.

— Итак, господа, мы продолжим наше повествование о жизни и деяниях великого Александра Македонского. Плутарх пишет, что честолюбие Александра не было слепым: он искал не всякую славу и искал ее не где попало. Но всякий раз, когда отец его Филипп одерживал какую-нибудь славную победу, Александр мрачнел и говорил сверстникам: «Мальчики, отец успеет захватить все, так что мне вместе с вами не удастся совершить ничего великого». Но как ошибался Александр!..

Жуковский посмотрел на своих учеников. Все они — и розовощекий, не в меру хитрый и пронырливый наследник, и увалень Адлерберг, и нежный граф Иосиф Виельгорский, и старательный Саша Паткуль устали на него, увлеченным Плутарховым жизнеописанием.

Некий фессалиец привел Филиппу коня Буцефала. Никто из людей царских не смог сесть на него. Филипп рассердился и приказал увести коня. Но Александр сказал: «Этот замечательный конь. Люди просто не могут укротить его по собственной трусости». — Уж не хочешь ли ты сделать то, что не под силу старшим?» — воскликнул отец. Поднялся смех, но Александр подбежал к коню, твердой рукой схватил его за узду и повернул мордой к солнцу. Он успел заметить, что гордый конь пугается колеблющейся перед ним тени. Подбежав несколько шагов рядом, Александр легким прыжком вскочил на коня. Не нанося ему ударов и не дергая за узду, Александр дал волю коню, а когда увидел, что Буцефал успокоился и рвется вперед, сам стал понукать его громкими восклицаниями и ударами ноги. Филипп и свита его замерли в тревоге. Когда торжествующий Александр вернулся к ним верхов на Буцефале, все разразилось громкими криками восторга. «Ищи себе, сын мой, царство по себе, ибо Македония для тебя мала!» — будто бы сказал тогда Филипп...

— Господин Жуковский, — вежливо перебил его Адлерберг. — Можно ли так понять, что Александр более велик, чем его отец?

«Конечно!» — хотел было сказать Василий Андреевич, но удержался. Попробуй понять этого увальня, с детства шастающего по Зимнему дворцу. Вдруг начнет что-то взрослым

рассказывать в непонятно каком изложении.

— Дело в том, господа, что величие государственного мужа с полной очевидностью бывает видно лишь потомкам. Современники пристрастны... Но продолжим. Александр с ранних лет своих был склонен к изучению наук и чтению книг. Список «Иллиады» он всегда держал под подушкой вместе с кинжалом. Достоинно внимания то, что после победы над Дарием Александру принесли шкатулку, сочтенную самым ценным из захваченных трофеев, Александр спросил своих друзей, какую ценность они посоветуют положить ему в эту шкатулку...

Василий Андреевич сделал паузу и вопросительно посмотрел на учеников.

— Золото! — воскликнул Саша Паткуль.

— Драгоценности и золото, — неуверенно высказался Виельгорский.

— Ключ от казны! — твердо сказал Адлерберг.

— Я бы на месте Македонского положил секретные документы, но тут думаю все иначе, — усмехнувшись, уточнил наследник.

— Царь сказал, что будет хранить в драгоценной шкатулке «Иллиаду»! — торжествующе произнес Жуковский. — Так свидетельствуют многие лица, заслуживающие доверия...

Жуковский читал свои лекции три раза в неделю. День мой начинался в 6 утра. После обязательной молитвы, которая здорово напрягала, шел на завтрак, а с 7 до 12 часов были уроки.

Учителя преподавали следующие предметы: Г. П. Павский — Закон Божий, Ф. А. Жилль — французский язык, Альфрее — английский, В. А. Эртель — немецкий и польский языки, Э. Х. Коллинс — математику, А. Р. Рейнгольд — чистописание, А. И. Зауервейд — рисование, а другие еще гимнастику, токарное и слесарное дело.

После занятий отправлялся со своими одноклассниками на прогулку. Если занятия были в Павловске, то бегал с ребятами по аллеям, а если в Петергофе, то гоняли прямо на берег Финского залива, пока не звали на обед. Потом вновь была прогулка, причем уже не беготня, а чинное хождение, а после начиналась игра в мяч.

С 5 до 7 вечера вновь были уроки, причем чаще всего это было изучение Закона Божьего. Отец Павский, человек далеко не глупый, но явно фанатик от православия, хотел внушить мне «религию сердца» и сильно этим напрягал, оставляя периодически на дополнительные уроки. Считал видите ли, что я скрытен, хитер и не сильно в Бога нашего верю. Пришлось слегка над ним подшутить, а то бы замучил меня с этим православием до смерти. Во время одного из занятий, бормоча однотипные выражения, я ввел отца божьего в транс и внушил ему что во мне огромная сила скрыта божья, что де сам наследник должен учить, а не быть учимым святым таинствам. Это сейчас вводить в транс, гипноз, может любой дипломированный психиатр или просто обученный человек, но раньше о подобном и не знали. Выйдя из транса, Павский ошалело посмотрел на меня.

— Истинно ты сын божий, говорю, — и начал целовать мне руки, став на колени. Это меня слегка шокировало. Что-то перестарался я с этим трансом и только захотел отыграть назад, как зашел мой папенька и ошарашено смотрел на эту картину — святой отец у меня в ногах с блаженным лицом.

— Что тут происходит?

— Александр есть сын божий, ангел во плоти. Государь, склонитесь перед ним.

Ошалелый Николай вышел из кабинета. Павского сменили на молодого священника

Василия Бажанова, часы закона божьего мне сильно сократили. Николай, посоветовавшись с моей маменькой, пошел на это, испугавшись что наследник станет священником, что недопустимо. Сам же Павский разносил молву о моем божестве так упорно, что его пришлось отправить на службу в далекий провинциальный монастырь, дабы не смущать народ. Архиепископа со встречей тоже завернули, заявив, что ребенок не должен пока сильно лезть в религию.

Николай I не был сильно религиозным человеком, но все же попытался уточнить ситуацию с главным воспитателем Ушаковым. — Что вы скажете о моем сыне, Павел Петрович в связи со всей этой ситуацией с Павским? — Не думаю, ваше величество, что Саша тот, кем его назвал святой отец. И это не только будет мое мнение. Учителя заметили за Александром небывалую силу характера, хитрость, ум, скрытность, лидерские качества и развитую речь. Он легко также идет на обман и манипуляцию, если ему это выгодно. Судя по всему, Саша как-то внушил святому отцу мысль о своей божественности. — Хм... Спасибо, господин Ушаков, за правду. Была у меня такая мысль, но отгонял ее. Сын тем более отшучивается по этому поводу, говоря, что он теперь Иисус. Заставляет нас Саша попотеть. Как вообще в таком возрасте можно иметь такие качества характера. Не всякий зрелый человек к такому способен. Следите за ним внимательнее, Павел Петрович. Чую, Александр может или стать великим деятелем, или великим преступником. Нельзя давать ему выбрать плохой путь. Это может отразиться на стране. — Да, ваше величество. Усилим контроль.

День мой обычно заканчивался часом гимнастики, иногда разрешали с ребятами идти в манеж. В восьмом часу был ужин. Вечером приходилось писать дневник, причем только мне, а не остальным ребятам. Якобы ведение дневника должно было приучить меня, как наследника, к анализу своих мыслей и поступков. По факту, конечно, это наглый обман, который бы, разумеется, сработал бы с ребенком, но явно не со мной. Что же делать? Сам виноват, так сдавать себя начал. Психологически тяжело постоянно лицемерить и притворяться. Что в той жизни, что в этой, — всегда на этом сыпался. Да, могу обмануть, схитрить где-то, но это вынужденно бывает или когда реально все допекает. Поэтому и не стал большим начальником в той жизни, — элементарно не могу легко прогибаться и постоянно лицемерить. Как-то надо с этой проблемой решать. Дальнейшие проколы подобного рода могут привести к ненужным вопросам. Есть в принципе вариант, в одной психологической книге вычитал, — представлять, что исполняешь роль актера, а для психологической разгрузки хобби найти какое-нибудь. Шпионов вроде бы так и готовят. Других выходов на данный момент не вижу.

Дневник в красивом сафьяновом переплете я заполнял старательно и очень развернуто. Писал как люблю моих папу и маму, как мне нравится учиться. Слащаво выглядело, но оказалось верным подходом. Воспитатели и родители явно успокоились, начитавшись моих записей. Дабы не потерять удобный канал влияния, через некоторое время стал также аккуратно и как-бы невзначай вписывать в дневник свои пожелания и якобы мечты о нужных мне мелочах, — то о том как бы неплохо было если меня начали учить стрельбе, о желании коллекции старинных книг и прочее. Судя по благоприятным откликам, — мой подход оказался весьма действенным.

В десять часов вечера обычно я ложился спать. Жуковский за полчаса до сна читал мне сказки на французском языке. В это время меня психологически отпускало. Я забывал, что вынужден быть в теле ребенка и постоянно себя контролировать, забывал, что потерял часть

своей жизни. За окном Павловского дворца лучи заката освещали рощи лип и вязов, недалеко текла красивая речка Славянка. Начало жизни Александра состоялось...

19 ноября 1825 года в Таганроге умирает после болезни Александр I. Наша семья узнала об этом одной из первых, прямо на службе в Большой дворцовой церкви. Трагическую весть передал отцу Милорадович. Николай подошёл к бабушке и опустился на колени. Службу прекратили. Весь Зимний дворец наполнился звуками рыданий и гулом пересудов.

На экстренно созванном собрании Государственного совета Николай предъявил свои права на престол. Был вскрыт пакет с документами, в которых указывалось, что Александр прямо передаёт права на престол Николаю. Такие же бумаги были привезены из Синода и Сената. Казалось бы, дело решённое, но вдруг петербургский генерал-губернатор М. А. Милорадович заявил, что эти документы не имеют юридической силы, так как Александр при жизни не издал соответствующий манифест. Нагнетая ситуацию, генерал заявил, что гвардия воспримет вступление на престол Николая как узурпацию власти, ибо есть ещё его старший брат Константин. Милорадовича поддержали виднейшие члены Государственного совета Д. И. Лобанов-Ростовский и А. С. Шишков. Председатель Совета П. В. Лопухин в этой ситуации вообще растерялся. Дело заходило в тупик.

Николай смотрел на генералов и чиновников, не понимая, как на подобное реагировать. В этот момент он ненавидел их и одновременно боялся, вспоминая дворцовые перевороты. Он знал, что ранее его старший брат Константин отрёкся от престола, но был вынужден всё равно присягнуть ему, понимая о возможных последствиях отказа. К Константину, находящемуся в то время в Варшаве, тем временем были отправлены курьеры. А брат Николая всё медлил с официальным отказом...

Отсутствие ясности в престолонаследии привело к бурлению в заговорщицких кругах. Члены Южного и Северного тайных обществ начали обсуждения о возможном захвате власти. Они хотели свергнуть самодержавие, крепостной строй и установить в России, как они думали «справедливый» общественный строй.

3 декабря пришло письмо от Константина к матери и Николаю, в котором он отказывался от прав на престол. Это, конечно, уже было явным издевательством, так как Константин не мог не понимать, что тут просто письма недостаточно. В Варшаву вновь помчались курьеры для получения соответствующего манифеста. Николай становился уже посмешищем, и, возможно, это и было целью его брата. Не любил он Николая, и в то же время не собирался занимать престол. Ранее Константин вступил в брак с польской аристократкой Жанеттой Грудзинской, а по закону престолонаследия после такого неравного брака его дети не могли получить корону. Не желая такого сумбура, он и отказался от короны, тем не менее подгадил он хорошо. Разговоры при дворе становились уже явно нехорошими, авторитет будущего государя падал. Николай дальше ждать не мог, и 12 декабря назначил на 14 число принятие присяги себе как новому императору.

Ситуация, однако, изменилась в этот же день. В Зимний дворец неожиданно пришло письмо от подпоручика лейб-гвардии егерского полка Я. И. Ростовцева. Узнав о заговоре, он решил донести об этом. Позже Ростовцев так об этом вспоминал: «Твёрдо решившись спасти государя, Отечество и вместе с тем людей, которых любил и которых считал только слепыми орудиями значительнейшего заговора, я вместе с тем решился принести себя в жертву общему благу; написал письмо моё к государю Николаю Павловичу и...отправился в Зимний дворец...» Так как доносительство в Российской империи в то время повсеместно

презиралось, — данный шаг считался концом его светской жизни. К слову сказать, были и другие доносы, например, были донесения капитана Майборода и юнкера Шервуда, но они не шли ни в какое сравнение с письмом Ростовцева. Только подпоручик назвал точный срок выступления и методы заговорщиков.

«Ваше императорское Величество! Всемилостивейший государь! Три дня тщетно искал я случая встретить Вас наедине, наконец, принял дерзость написать Вам. В продолжение четырёх лет с сердечным удовольствием замечая иногда Ваше доброе ко мне расположение, думая, что люди, Вас окружающие, в минуту решительную не имеют довольно смелости быть откровенными с Вами, горя желанием быть, по мере сил моих, полезным спокойствию и славе России...я решился на сей отважный поступок. Не посчитайте меня ни презренным льстецом, ни коварным доносчиком: не думайте, чтобы я был чьим-либо орудием или действовал из подлых видов моей личности; нет — с личной совестью я пришёл говорить Вам правду...Против Вас должно таиться возмущение; оно вспыхнет при новой присяге, и, может быть, это зарево осветит конечную гибель России! Пользуясь междоусобиями, Грузия, Бессарабия, Финляндия, Польша, может быть, и Литва от нас отделятся, Европа вычеркнет раздираемую Россию из списка держав своих и сделает её державой азиатскою, и незаслуженные проклятия вместо благословений будут нашим уделом!»

Прочитав это письмо, Николай не на шутку встревожился и перестал вообще понимать, что ему делать. 12 декабря Александра II, теперь уже официально, провозгласили наследником престола. Папенька заявил мне при этом, что пока об этом никому говорить нельзя. Я вдруг явственно понял, что дела обстоят неважно, а Николай явно растерян. Дело шло к тому, что заговорщики возьмут вверх, и наша судьба окажется незавидной. Надо было как-то выправлять эту ситуацию.

— Почему нельзя никому сказать об этом, папенька?

— Не хотел говорить, сын. Но, думаю, что ты должен знать как будущий государь. Недруги затевают выступление прямо во время коронации, и как всё пойдёт одному Богу известно.

— А во сколько принятие присяги?

— В 11 часов утра.

— Хм...А почему бы её не принять в 6 утра?

— Не понял. Как это?

— Я так понял папенька, что вы уже знаете, кто против вас должен выступить, так почему бы тогда не привести к присяге не затронутые заговором части. Заговорщики же пусть подходят к 11 утра, как и должны были.

Николай ошалело смотрел на своего семилетнего сына, не понимая, что на это ответить. С трудом, оправившись от шока, он выговорил: «Но это как-то бесчестно же».

— В смерти нет никакой чести батюшка. Это просто смерть. Здесь я переиначил слова древнегреческого философа Диогена, который говорил совершенно обратное. Но, честно говоря, мне было плевать уже. Не хотелось умирать из-за каких-то глупых принципов, не для этого я проделал такой огромный путь.

Папенька снова на меня уставился... Но я уже чётко видел, что он сам боится до смерти, и ему подойдёт любое объяснение, дабы сохранить жизнь.

— Ладно, сын. Подумаю. Никому ни слова.

Надо сказать, что мои слова дали облегчение Николаю. Уже сидя в своём кабинете, он всё размусоливал про себя беседу с Сашей. — Какое иезуитство, какая жестокая хитрость от

ребёнка. Уму непостижимо. Но пусть будет так, судьба страны висит на волоске, а устами младенца глаголит истина.

Рано утром 14 декабря на меня надели Андреевскую ленту и повезли в Зимний дворец. Погода была мерзкая. Шёл снег с дождём, карета проваливалась в рытвины. Сёстры капризничали, а фрейлины их успокаивали. На меня никто не обращал внимания.

Николай 14 декабря встал с постели затемно. «Нынче или я буду государь, или мёртв», — сказал он себе. Всю ночь он толком не спал, страх нагонял на него жуткие образы убийств государей, дворцовых переворотов. Николай молился с плачущей женой, а после этого сказал ей: «Неизвестно, что ожидает нас. Обещай мне проявить мужество и, если придётся, умереть, — умереть с честью».

В шестом часу утра в Зимний дворец прибыли все генералы и командиры гвардии. Николай прочитал им завещание покойного Александра I и полученный из Варшавы акт отречения Константина.

— Господа-офицеры, могу ли я быть уверенным в вашей преданности и готовности пожертвовать возможно своей жизнью.

Раздались громкие возгласы, что они положат за государя жизнь, без всякого сомнения. Николай отдал приказ ехать им по своим полкам и привезти их к присяге.

Члены Сената и Синода присягнули в 7 утра и также поклялись в своей верности.

Николай всё не мог успокоиться, он беспрестанно ходил туда-сюда и бросался к каждому курьеру, приезжавшему с новостями. Он ждал известий о заговоре, и вскоре получил их.

— Государь! — вскричал, едва вступивший на порог генерал-майор, начальник штаба гвардейского корпуса, Нейгардт. — Московский полк в полном восстании! Мятежники идут к Сенату! Прикажете двинуться против них первому батальону Преображенского полка.

— Пусть седлают конную гвардию. Дворец пока не покидать!

В кабинет вошла его супруга.

— Никс! У меня сердце не на месте. Я боюсь за тебя! За детей! Вдруг они ворвутся сюда...

Простившись с женой, Николай отправился на Сенатскую площадь. Там уже стояли верные ему полки. По свидетельствам очевидцев, Николай был бледен и растерян. Всем стало очевидным, что он не в силах отдать приказ на подавление мятежа.

— Дело идёт дурно, государь! — сказал Милорадович. — Мятежники не уходят с площади, я пойду уговорю солдат.

— Вразумите их, граф! Скажите, что их обманывают! Вам поверят.

Через полчаса Милорадовича увозят смертельно раненным с этих переговоров.

Александра Фёдоровна прошла в комнату, где находились дети. Все были сильно напуганы, один только Саша, усмехаясь, рассматривал какой-то альбом. Что за ребёнок такой? — шокировано смотрела она на него. Наконец, взяв себя в руки и оставив Машу, Олю и грудную Сашеньку под присмотром фрейлин, она вместе с Александром прошла в кабинет императрицы-матери.

Им освободили место у окна, пододвинули кресла. Окна кабинета Марии Фёдоровны выходили на Адмиралтейство, но видны были и набережная, и разводная площадь. Вся площадь была заполнена военными.

— Матушка, можно ли послать кого-нибудь узнать, что там?

Послали гонцов. Императрицу успокоили — государь жив.

Полагая, что Зимний дворец оказался почти без охраны, туда под командой офицера Н. А. Панова направился батальон лейб-гренадер для захвата дворца и царской семьи. Их, однако, встретили направленные Николаем гвардейский и сапёрный батальоны. Мятежникам пришлось отойти на площадь.

Тем временем к Московскому полку присоединились гвардейский Морской экипаж и часть гренадер. К правительственным частям подошли ещё Измайловский, Семёновский, Павловский и Егерский полки. Шум усиливался, на площадь подошли также рабочие и стали рядом с мятежниками. Стали раздаваться редкие выстрелы с обеих сторон, рабочие стали кидать в правительственные части камни и поленья.

— Ваше Величество, толпа растёт, они могут окружить войска. Могут и дворец захватить! Позвольте послать кавалерию!

Конная гвардия под командованием Алексея Орлова пошла в атаку, но потерпела неудачу. Выяснилось, что большинство лошадей были даже не подкованы, что привело к массовому их падению на гололедице.

К Николаю подъехал генерал-адъютант, начальник гвардейского корпуса. — Государь! Нужно ударить картечью. Отдайте приказ! Растерянный Николай кивнул.

Перед строем Преображенского батальона поставили три орудия и зарядили их картечью.

— Пли!

Первый залп оказался, что называется, в «молоко». Гвардейская артиллерия промахнулась и ударила вместо мятежников в здание Сената, что вызвало истерический смех противоположной стороны. Тем не менее второй, третий и четвёртый залпы ударили прямо в центр мятежников. Толпа бросилась назад, вся площадь оказалась обильно залита кровью.

При первом залпе маменька упала на колени и стала неистово молиться. — Запомни этот день, Саша! Там твой отец, твой государь! В этот момент у Александры Фёдоровны начала трястись голова. Через пару секунд она рухнула прямо на пол. Все вокруг просто остолбенели от шока. Я мгновенно вскочил, подложил ей под голову подушку и повернул её набок, чтобы предотвратить западание языка и попадание слюны в дыхательные пути.

— Надо разжать ей зубы, — вскричал опомнившийся слуга.

— Воды, надо облить её водой, — закричала фрейлина.

— Вы что идиоты?! — воскликнул я. Сидите на месте и не лезьте сюда! В кабинете установилась гробовая тишина, все буквально замерли.

Я ослабил её тугой ворот, поправил одежду. Буквально через минуту государыне полегчало. Подоспевший медик дал Александре Фёдоровне успокоительное. Окружающие отошли от испуга и стали тихо перешёптываться, бабушка в упор таращилась на меня. Да, зря влез. Теперь точно пойдут ненужные разговоры. Хотя выбора особого не было. Тут совсем неграмотные товарищи. Зубы хотел разжимать, — ну что за идиот. Такие действия могут только навредить. Судорожные движения невозможно контролировать или остановить. А если разжимать зубы, то больной может либо прикусить свой язык, либо чьи-то пальцы, сломать зубы или вообще подавиться попавшим в рот предметом или осколком.

Вечером вернулся отец. Мы с матерью ждали его. Остальных детей отправили по комнатам. Николай обнял нас.

— Ты жив! Ты жив! — повторяла маменька. — А нас тут чуть не захватили...

— Знаю. Ах, душа моя. Само милосердие Божие спасло нас. Всё позади, позади...

Зимний дворец гудел от разговоров. Людей стало ещё больше, чем было днём. В седьмом часу вечера родители, бабушка, великий князь Михаил и я в ненавистном мне голубом мундире с голубой лентой через плечо, подъехали к дворцовой церкви.

К нам навстречу с крестом и святой водой вышел митрополит Серафим. Служба была быстрой. Все устали. Николай и Александра стояли на царском месте на коленях и тихо повторяли слова молитвы. После слов хора «многие лета», они посмотрели друг на друга и увидели на глазах друг друга слёзы.

Ночью начались аресты, многие мятежники приходили и сдавались сами. Николай проводывал жену, которая легла, окружённая детьми. Он сказал, что Милорадович скончался, называл ей фамилии арестованных, а она всё не верила. В этот момент внимательно всё слушал только Александр, единственный не спавший из детей.

Медленно наступал серый рассвет.

Декабристов казнили в июле. Император до сих пор находился в сильном стрессе. Так, он писал матери в эти дни: «...у меня прямо какая-то лихорадка, у меня положительно голова идёт кругом. Если к этому ещё добавить, что меня бомбардируют письмами, из которых одни полны отчаяния, другие написаны в состоянии умопомешательства, то уверяю вас, дорогая матушка, что одно лишь сознание ужаснейшего долга заставляет меня переносить подобную пытку».

Дворяне же всю обсуждали личность нового государя. Говорили, что его брат, Александр I в первые дни своего царствования выпустил всех политических узников, а он-де начал с тюрем и казни.

Вспоминали и о том, как вёл себя Николай, будучи великим князем. Однажды он разругал офицера лейб-егерского полка В. С. Норова и, стукнувши ногой по земле, обрызгал его грязью. Норов, а затем и все офицеры полка подали в отставку. За это их перевели всех в простые армейские полки. На учении Николай чуть было не схватил офицера Самойлова за воротник. На что тот ему ответил: «Ваше Величество, у меня шпага в руке». Николай отступил, но после мятежа дважды уточнял, не замешан ли Самойлов. Тот не был участником, иначе участь его была бы незавидна. Норов же оказался членом тайного общества, был арестован и осуждён на каторжные работы. Государь не желал никаких насмешек, никакого юмора в его адрес даже от родных братьев. Так, он писал из Петербурга в Москву: «...Я получил сегодня после обеда твоё письмо, любезный Михайло, и благодарен тебе весьма за оное, но не за „Ваше Величество“. Я не понимаю, что тебе за охота дурачиться; а ещё менее понимаю, как можно в частном письме, разве в шутку, себе позволить с братом выражение, которое походит на насмешку. Я прошу тебя серьёзно переменить этот тон, который меж братьями вовсе не приличен. Оставайся в Москве, покуда матушке угодно или жене твоей нужно будет...Твой навеки друг и брат Н.» Впрочем, надо отдать должное Николаю, — он мог и награждать. Так, заболевшему придворному историку-консерватору Карамзину он дал 50 тысяч рублей на лечение и снарядил целый фрегат для его поездки за границу. Для своих людей, он в принципе, не жалел ничего.

Так начинался новый период в истории России — эпоха Николая.

Коронацию Николая планировали провести в июне, но 4 мая стало известно о кончине императрицы Елизаветы Алексеевны, супруги Александра I. В итоге церемонию перенесли на август. Началась подготовка.

Я с родителями прибыл в Москву в июле. Город мне не понравился. После нашествия Наполеона в 1812 году, Москва до сих пор отстраивалась. По мне, так и не город это был на то время. Большая деревня просто. Смотреть просто не на что было во время прогулок. Вот невзрачная церковь Вознесения Господня, Верхние торговые ряды, неопрятный Гостиный Двор, магазины, конторы, Лубянская площадь, Мясницкие ворота, только отстроенные после пожара Красные ворота и всё на этом. По улицам катят кареты, дворяне неспешно прогуливаются, чиновники спешат с портфелями, крестьяне в армяках, с палками в руках и котомками за плечами. Не впечатлило... С учётом того, что в прошлом я москвич, видеть город в таком состоянии было неприятно. Где великолепные дворцы, где мощёные дороги, где богатые дома, красиво одетые люди? Зря только сюда на коронацию приехали, — глупая традиция.

Правда, стоит отдать должное — сам въезд в Москву меня впечатлил. Я ехал с мамой в карете, а папенька рядом верхом. С нами были великий князь Михаил Павлович, брат маменьки прусский принц Фридрих-Вильгельм (будущий король Пруссии), свита, иностранные послы. По обеим сторонам пути были выстроены войска. Зрители стояли на специальных подмостках. Я прямо-таки стал чувствовать наше императорское величество. Показуха в России всегда удавалась.

Как только приехали, интересная ситуация вышла с братом папеньки, Константином. Николай хотел обнять Константина, но тот схватил руку брата и поцеловал, как подданный у своего государя. Умный ход, на мой взгляд. После того фокуса, который он выполнил при отказе от престола, — это самый правильный вариант. Такую свинью подложил Николаю, нас всех из-за него чуть под нож не пустили.

Церемония была пышной. Сначала шествие в Успенский собор... Короновали сразу три митрополита: Петербургский Серафим, Киевский Евгений и Московский Филарет. После был торжественный обед в Грановитой палате. Мы кушали под балдахином на тронной площадке, на ступеньках к которой стояли с обнажёнными саблями родовитые дворяне. Потом был дарован ряд андреевских и иных лент, несколько дам были пожалованы статс-дамами, кого-то пожаловали деревнями, назначили новых фрейлин.

Мне при коронации разрешили участвовать на параде, и я промчался на коне перед эскадроном лейб-гвардии Гусарского полка. На опасения придворных о моей безопасности, папенька ответил: «Пусть он лучше подвергается опасности, которая вырабатывает в нём характер и с малолетства приучит его стать кем следует, благодаря собственным усилиям». Вообще, Николай стал считать, что именно благодаря его уму, наследник приобретает правильные черты характера. Здесь мне на руку сыграла уверенность Николая в своей непогрешимости и величии. Любое кажущееся странным моё поведение, никак невозможное соотнести с моим малолетним возрастом, — государь относил к своему умению воспитывать и учить Сашу. Дескать, конечно, Александр так поступил, — вы понимаете кто его отец, — это ведь он сам, великий человек, по сути, уделяет мне столько времени, вот и результат таков.

По ходу этих праздников Николаю приходилось решать и государственные дела. 16 июля персидские войска, спровоцированные английскими агентами, вторглись на территорию Российской империи в районе Карабаха. Командующим русской армией в Закавказье был назначен Иван Фёдорович Паскевич. Так начался Восточный вопрос, ставший впоследствии центральным для государя.

Чтобы я не мешался лишний раз, отец отправил меня вместе с другими ребятами на дачу за Калужской заставой — в Нескучное, которую он купил недавно у графини Анны Орловой для своей супруги. Дачу Николай подхалимно назвал в честь императрицы — Александрией. Там мы страдали ерундой, играли в мяч, стреляли из рогаток. Ребята были шокированы тем, как я из рогатки подстрелил зайца. Признаться, удивлён был и я сам, никак не ожидавший подобного. Кто на охоту ходит, тот знает, что зайцы на самом деле здоровые, они ударом своих задних лап могут и покалечить, а носятся так вообще быстро. Какого чёрта я попал из рогатки, а главное «застрелил» зайца — для меня загадка. Может это был заяц-самоубийца или заяц-сердечник? В любом случае прости меня заяц, — не со зла.

Осы кружились над земляничным вареньем, которое ужасно любили великие княжны. Девчонки бесились из-за этого, а мы с парнями налегали на мясо — никак всё не хватало энергии для сумасбродства. Запах роз, свежесть реки — это намертво врезалось в память. Маменька же отдавала последние распоряжения перед отъездом в город...

Начались бесконечные балы, а в праздничные дни для народа были устроены гулянья на Девичьем поле. Были расставлены столы с угощениями, стояли огромные чаны пива. Для знати был устроен особый павильон. Когда высочайшие гости прибыли, был поднят флаг, что можно приступать, — народ рванул к столам. Мигом все съели и выпили — людей было более 100 тысяч человек. Как только уехала знать, народ кинулся и в царский павильон. В результате давки погибло несколько человек. Это никто не принял даже за небольшую неприятность, подумаешь, пара-тройка мужиков погибла. Постоянно такое. Вечером состоялся грандиозный фейерверк.

После целого месяца торжеств, императорская чета со свитой покидали вторую столицу. Москва вновь становилась провинциальным городом...

Обстановка, в которой я рос, отличалась заметной простотой. Это я понял, когда познакомился с семьями своих товарищей. Никакой пышности и придворного этикета.

По утрам с ребятами ходил всегда здороваться с государем. Однажды тот меня спросил, знал ли я урок накануне. Услышав: «Не знал», — Николай Павлович нахмурился. — Не знал! — презрительно повторил царь и не поцеловал меня. Суровый у меня папенька, на бедного ребёнка жёстко давит. Да, изредка я не учил уроки, — всякую там хрень типа устаревшего для меня естествознания или непонятного Закона Божьего попробуй изучай и на полном серьёзе эту чушь потом пересказывай. Но Николаю I же такого не скажешь, приходится терпеть.

Простота моей обстановки иллюстрировалась, в частности, следующим примером. В ответ на просьбу французского посла маршала Мармона о позволении представиться наследнику, Николай I сказал: «Вы значит, хотите вскружить ему голову. Я тронут Вашим желанием, Вы встретитесь с моими детьми, но церемониальное представление было бы непристойностью. Я хочу воспитать в моём сыне человека, прежде чем сделать из него государя».

Надо сказать, что воспитывал меня не только сам папенька, но и сама придворная жизнь. В семь лет я был назначен шефом лейб-гвардии Павловского полка и канцлером

Александровского университета в Финляндии, в восемь — произведён подпоручики, в девять — назначен атаманом всех казачьих войск и шефом донского атаманского полка. Какой невероятный карьерный взлёт! И сразу ведь новая красивая форма, — хоть прыгай от радости до потолка! Но всё же никакой реальной власти по факту мне, конечно, не давали. Бумажный начальник! Но смысл подобных действий всё же я осознавал. Каждое очередное назначение должно было меня постепенно готовить к участию в государственной жизни. В первом моём рескрипте, обращённом к атаману Уральского казачьего войска, я написал, что в детском возрасте, разумеется, не имею никакого права на отличие, пожалованное мне августейшим родителем единственно в ознаменование особого благоволения Его Величества ко всему казачьему сословию, но что я постараюсь показать себя достойным высокого звания атамана, когда настанет тому время, в надежде, что храбрые казаки помогут заслужить одобрение государя и России. Про себя я чётко осознавал, — казаки в будущих планах у меня значатся. Это сейчас я «бумажный» генерал, но позже воспользуюсь властью по факту.

Николай в это же время пытался понять характер сына. Учёба наследника шла довольно успешно, хотя для воспитателей наследник был до сих пор непонятен. — Я получил бедное образование, — рассказывал Ушакову государь. — Нас учили только креститься в известное время обедни да говорить наизусть молитвы, не заботясь о том, что делалось в нашей душе. В учёбе я видел одно принуждение и учился без охоты. Меня часто, и я думаю, не без причины, обвиняли в лености и рассеянности, и нередко мой учитель-граф Ламсдорф меня наказывал тростником весьма больно среди самих уроков. Для сына пытаюсь сделать иначе и всё равно ничего толком не понимаю. Загадка он для меня. — Не только для вас, Ваше Величество. Александр для всех загадка. Общается со взрослыми на равных, никого и ничего не боится, не имеет перед собой никаких авторитетов, легко подчиняет себе товарищей, а иногда и самих воспитателей, сам себе на уме и никогда не поймёшь, чего он на самом деле желает. — А каково его физическое развитие, Павел Петрович? — Невероятно силен. По-другому не скажешь. Без шутки, но Александр думаю, легко может гнуть подковы. — Вы это серьёзно? Нам он такое не демонстрировал. — Совершенно точно, Ваше Величество. Непонятно почему не хвалится подобным. Скромность полагаю. Сам увидел случайно, когда Александр погнул железный забор, лентясь обойти его. Попробовал лично повторить. Никак обычному человеку невозможно такое. Знаю, что есть богатыри в России подобные, но все они в возрасте полную силу проявляют. А Александр ещё ребёнок... — Удивили вы меня, господин Ушаков. Не показывает свои физические возможности и ладно, пусть будет его тайна. Не будем сюда ещё лезть. Сейчас он под плотным контролем, может взбунтоваться.

Очень часто летом с ребятами ездили с Жуковским по окрестностям Царского и Павловска. В этих поездках вместе с воспитателем заходили в избы, заглядывали в кузницу, осматривали поля и собирали букеты на лугу. Василий Андреевич говорил нам о важности истории, прежде всего отечественной: «...Она знакомит государя с нуждами его страны и его века...История, освещённая религией, воспламеняет в нём любовь к великому, стремление к благотворной славе, уважение к человечеству даёт ему высокое понятие о его сани. Из неё извлечёт он правила деятельности царской: владычествуй не силой, а порядком; люби и распространяй просвещение; помни, что из слепых рабов легче сделать свирепых мятежников, нежели из просвещённых подданных; люби свободу, то есть правосудие; будь верен слову; окружай себя достойными помощниками; уважай народ свой...»

Жуковский говорил это, осознавая, что будущий государь, судя по всему, уже понимает

всё как есть оно на самом деле: «Не обманывайся насчёт людей и всего земного, но имей в душе идеал прекрасного; не упускай из глаз своей цели; подвигайся вперёд не быстро, но постоянно; строй без спеха, но для веков; исправляй, не разрушая; не упреждай своего века, но и не отставай от него; не будь его рабом, но свободно с ним соглашайся...» Поразительно умные слова от человека XIX века. Поневоле начинаешь обдумывать заново свои планы, — нет ли в них ошибок. Насчёт не упреждай своего века, — жёстко он это. Я в своё время прочитал гигантское количество литературы про попаданцев в прошлое либо просто в магические миры, и везде там начиналось масштабное прогрессорство. В каком-нибудь Средневековье обычно появляются пулемёты, пушки, самолёты... Сейчас же с помощью Жуковского чётко осознаю, что это наивно всё. Один человек, даже технический гений, не способен такое сделать, а если даже и имеет такую возможность, то это явно будет во вред. Мир умоется кровью, произойдёт развал многих сфер жизни. Это как, например, то что произошло в результате промышленной революции. Крупные землевладельцы в Англии стали изгонять с земель крестьян, которые после этого умирали с голода. Причина — прежнее сельское хозяйство стало невыгодным. Лендлорды вместо земледелия разводили скот, а шерсть продавали промышленности и делали на этом большие деньги. Поэтому вводить перемены надо продуманно, дабы не было подобных проблем. Народ должен быть готов к переменам, а про общественные изменения так вообще молчу.

В январе 1829 года состоялась первая сдача годовичного экзамена. Сдал я его очень хорошо и даже перевод из записок Юлия Цезаря прочитал чётко и выразительно: «Войско Цезаря двигалось очень быстро и этому в значительной степени было обязано своими успехами. В авангарде шла обыкновенно конница...» Папенька оценил это. Латынь Николай I терпеть не мог, поскольку она ему сама так и не далась. Решил, что и сына латынью больше мучить не следует.

После подведения общих итогов, однако, выяснилось, что за год учёбы у Виельгорского было пять отличных недель, у меня две, а у Саша Паткуля — одна. Этот результат привёл к неприятной беседе с отцом, целый час называвшего меня лентяем и бездарем в разных вариациях. Стоя на коленях, молча слушал и кивал головой, обещал стараться из всех сил. Вообще, конечно, бред это когда ребёнок Виельгорский учится лучше меня, — кандидата наук, преподавателя, я ведь ещё и в школе в той жизни получил золотую медаль. Тем не менее понимаю, что даже этот не самый успешный результат стоил мне огромных сил. Я был вынужден учить по большей части устаревшие данные и с умным видом их потом выдавать. Не знают тут ещё ни физики Эйнштейна, ни теории эволюции Ч. Дарвина. А изложение всеобщей истории вообще у меня вызывало ноющую головную боль. Учить было невыносимо, пересказывать вдвойне. Никак я не мог на это повлиять, — это притворство даётся мне очень тяжело. Психика жёстко перестраивается, все мои прежние принципы ломаются об колено. Ладно хоть не употребляю слов из старой жизни, чего так сильно боялся. Оказывается, если долго их не использовать, то просто тупо забываешь «старые», привычные прежде, слова. Видать, пока младенцем был мозг изрядно «почистился» от прошлой речи.

Для разгрузки думаю вернуться к осознанным снам. Но произойдёт это возвращение нескоро. Интуиция прямо кричит, что нельзя высовываться пока. Итак, что-то странное со мной творится, — чрезмерная физическая сила появилась, и мозг чувствую, как-то иначе стал воспринимать действительность. Непонятные вещи со мной происходят, а залезать вглубь себя чувствую пока рано. Меня в этом плане интуиция ещё никогда не обманывала. И

ведь даже поговорить по душам не с кем. Собаку завести, что ли, и с ней говорить? Бред, конечно, — не собираюсь я с собакой разговаривать, но завести её точно заведу и думаю даже сразу двух. Для меня самое то будет.

После экзаменов папа взял меня с собой в Берлин. По дороге мы заехали в Польшу. В Варшаве, в зале Сената, Николай I возложил на себя корону короля польского и произнёс присягу. Архиепископ Варшавский трижды провозгласил «Слава», но депутаты воеводств, сенаторы, купцы, допущенные на церемонию, хранили молчание. Польский вопрос был крайне тяжёлым для отца. Он ненавидел само слово «конституция» и был вынужден терпеть польскую. Вдобавок к наличию этой конституции у Польши, сами поляки были сильны своими сепаратистскими взглядами. Всё чётко показывало, насколько неумело осуществлялась региональная политика. Огромные финансовые вложения в ущерб коренной России, в стремящийся к отделению регион, да и не только в этот, — были абсурдны. Данная имперская политика была оторвана от реальности, и в будущем надо было с этим что-то делать.

В самом же Берлине я встретил большое «блестящее» общество принцев, принцесс, герцогов, князей, которое прямо-таки поглотило меня. Показали дворец Сан-Суси и сады, в которых гулял Фридрих Великий. Мама повела меня помолиться над гробницей своей матери, королевы Луизы. Она явно желала, чтобы я полюбил её немецких родственников. А те, в свою очередь, окружили меня такой почтительностью, поклонением и лестью, что если бы по факту мне было сейчас не под 60 лет, то я точно возгордился бы и решил, что равных мне на всём свете нет. Вывод отсюда таков: хорошо быть наследником императора, — всё к твоим ногам, плохо быть наследником, — всё лицемерие и обман.

Домой я вернулся в июле 1829 года и сразу же был вынужден участвовать в лагерном сборе военно-учебных заведений столицы в Петергофе. После обеда государь меня вместе с кадетами повёл к Большому каскаду. По его сигналу мы все бросились по уступам бьющих фонтанов к находившемуся на верху гроту. Там маменька раздавала нам призы. Все были мокрые и даже отец. Странное чувство к нему стало зарождаться. Вроде понимаю чужой мне человек, — жестокий, негибкий, упрямый, мелочный самодур, а всё же в такие моменты начинаю его уважать и даже любить.

Но всё же устал я от всех этих поездок и сборов, — не люблю долго дома отсутствовать. Свою истинную природу, как домоседа, я осознал ещё в прошлой жизни. Всегда удивляло, что люди не могут сидеть долго на одном месте. Понимаю, когда можно поехать и получить новые знания, впечатления. Но в последние годы мне стало казаться, что люди с этими поездками стали словно сума сходить. Берут кредиты и едут в какую-нибудь Турцию, Болгарию чуть ли не каждый год, а то и по несколько раз. Буквально стали мериться друг с другом где кто побывал, ещё фотографии вечно в социальные сети выкладывают. Странно это — по мне больше на зависимость от чужого мнения похоже. Я же люблю изучать прежде всего то, что рядом, то что меня окружает. Свой город, улицу, квартиру... Вот и здесь... Натура моя не изменилась, и я всё чаще обращал внимание на новый дом, — Зимний дворец.

Здание восхищало и поражало одновременно. Сейчас Зимний входит в состав музейного комплекса Эрмитаж. Площадь и размеры последнего впечатляют — 60 тысяч квадратных метров, 1084 комнаты, 117 лестниц, 1476 окон. Я в начале 2000-х годов дважды побывал в Эрмитаже. Побывал бы один раз, — но физически не смог просто пройти все залы, и пришлось пойти и во второй. Искусство я люблю, но всё же не до такой степени, чтобы неделями смотреть на картины и статуи. Ещё тогда я задался вопросом — зачем такие масштабы? Это же явный перебор.

Дворец стал местом жительства нашей семьи с декабря 1825 года. Мне он в упор не нравился в отличие от других членов нашей семьи, — чересчур большой и какой-то аляпистый. Слишком много, на мой взгляд, украшательств в архитектуре, комнатах, буквально во всём. И ещё главное, — эта непонятная громадина вечно во что-то влипала...

Во дворце постоянно происходили приёмы, смотры, балы. Эти мероприятия меня здорово злили, так как взрослые вечно лезли ко мне с нравоучениями, но что поделаешь... Но были и общие семейные посиделки. Так, ежедневно между девятью и десятью часами я, Маша, Оля, Александра, Костя, Коля и Миша собирались в угловой столовой и пили с маменькой чай. В это время стоял гул. Малыши Коля и Миша что-то там орали, Маша с Олей жаловались на воспитательниц и фрейлин, Александра тупо сплетничала. У меня от всего этого дурдома начинала болеть голова и ради своего спасения я начал отключать внимание от происходящего. Смотрел на тарелки, ложки, вазы и прочее, выкидывая любую мысль из головы. Так проходили дни, и все немного даже привыкли, что я вроде рассеян по утрам, не сильно обращая на меня внимания. Но однажды случилось то, чего я никак не ожидал — когда смотрел без мыслей на вилку, то она взяла и сдвинулась немного. Я аж прямо подпрыгнул на стуле. Все удивлённо посмотрели на меня.

— Саша, с тобой всё в порядке? — спросила Мама.

- Да, да, всё хорошо.

— А что это ты вдруг так подпрыгнул, — усмехнулась вьедливая Оля.

— Показалось, что мышь увидел — сказал я первое, что пришло на ум.

— Мышь? Мама, мама! Тут мышь, — завизжала Оля. Поднялся дикий шум, под который я потихоньку вышел.

Тем временем, осознав, что никто вроде как не увидел этой ерунды с телекинезом, я постепенно приходил в себя. Вечером в своей комнате попробовал ещё раз сдвинуть что-нибудь. Но никак не выходило. Попытался вспомнить свои бывшие при телекинезе ощущения и заново их воспроизвести. Снова отрубил мозг, перестал думать и стал тупо смотреть на одного солдатика. Буквально минуты через три, солдатик неожиданно сдвинулся. Снова охренел. Теперь понятно, что это не случайность, и я владею телекинезом. Нет, подобное я видел и в своём прежнем времени. Тут я не уникален, к сожалению. Некоторые, очень сильные экстрасенсы специально такую способность развивают прежде всего для того, чтобы манипулировать людьми, проходящими к ним на сеансы. Они двигают перед клиентами предметы, показывая, что это вроде как духи их родственников. Мне даже предлагали этому учиться, и я вроде как безуспешно пытался. Нет, не для того чтобы обманывать. Я знал, что никаких духов умерших не будет. После смерти остаются лишь фантомы и призраки, но те всего лишь энергетические остатки эмоций умерших, а никак не духи. Мне просто было интересно, смогу ли я, — особенно после фильма «Телекинез». Когда ничего так и не получилось, я это дело забросил. Но тут, — всё так легко и непринуждённо получилось. Тем более, здесь явно другая техника. Там меня учили, — типа надо волей заставлять двигать вещи. А тут я ничего не заставляю, а просто смотрю и вроде как представляю, что оно само движется, и это происходит. Правда, быстро выяснилось, что мои возможности телекинеза ограничены. Тут получается как с обычной физической силой — есть пределы. Видел я раньше, конечно, когда и тонны двигали, — но это по факту не сами колдуны делали, а неорганические существа по их просьбе. Становиться рабом этих существ я не желал, поэтому такой вариант отпадал. Ну что же, — двигать килограмм 5 вроде могу, да и на расстояние явно небольшое — потом резко начинает мне «плохеть». Чувствую, если буду качать это направление, то может до 20–25 килограмм максимум и дойду. В любом случае в цирке теперь можно выступать точно или людей слабохарактерных на крайний случай пугать смогу.

За исключением невероятного случая пробуждения телекинеза всё остальное шло привычным ходом. Папенька наш после завтрака, в десятом часу обычно шёл к государыне. Он вообще в силу своего контролирующего характера, приходил к ней часто и проверял, как готовит сиделка питьё государыне, что делает она сама и прочее. Жили они, кстати, раздельно, — каждый в своей спальне. Забавно прямо — это не как в современных семьях, где супруги спят в одной кровати. Тут государь имеет свою спальню и заходит лишь в «гости» к своей жене. После восстания декабристов, а также постоянных родов маменька часто болела. Она постоянно сидела в спальне со своей подругой детства, болтливой сплетницей, баронессой Фредерикс. Молодые же фрейлины при маменьке постоянно сменяли друг друга на дежурстве.

Николай от маменьки шёл заниматься делами, а потом в первом часу вновь шёл к супруге и детям, после чего гулял. В четыре часа Николай кушал, в шесть гулял, в семь пил чай с семьёй. Я это его расписание знал точно, потому что Николай был педант и строго придерживался распорядка. К слову, надо отдать должное и другой стороне папеньки. Он имел неплохой музыкальный слух. На домашних концертах Николай играл на трубе, а кроме

того, он ещё был страстным поклонником театра. Последнее вообще забавляло. Во французских комедиях, которые давались на половине великой княгини Анны Павловны, — он был уморителен. Тут как бы весь его грозный вид сходил на нет.

В 1830 году в Россию пришла холера или по-другому «собачья смерть». На мои попытки выяснить, почему название такое, получил ответ типа того, что собака нечистое животное, — ест что попало и распространяет заразу. Все центральные губернии, включая Москву и Петербург охватила эпидемия. Торговля практически замерла, не работали банки и часть госучреждений, где-то перестало хватать хлеба. Число умерших доходило до шестисот в день. Умерли цесаревич Константин, фельдмаршал Дибич, многие знатные и известные люди. А уж о простом народе и говорить было нечего, — там смерть была массовой. В церквях молились о спасении земли русской, кто-то всюю посещал кабаки, которые почему-то упорно не закрывались. Власть главным средством борьбы с эпидемией видела в установлении карантинных. Я даже обалдел от того, насколько всё это было мне знакомо (привет коронавирусу). Но уныние и общий страх тогда ощущались чуть ли не на физическом уровне. Ещё бы, болезнь была страшна... Диарея, постоянная рвота, кожа вся синяя словно у утопленника, мышечные судороги и ещё непонятно что-то — всё это, несмотря на все запреты, умудрился увидеть я лично. Больных было слишком много...

В это время в Петербурге разворачивались поистине драматические события. Из-за огромных жертв эпидемии пошли самого дурацкого рода слухи о властях, травящих население. Дело в том, что в качестве дезинфекции тогда стали использовать уксус и хлориную известь. Начали обрабатывать известью всё что ни попадя, в том числе колодцы. В ответ на это неграмотный народ взбунтовался! Стали говорить, что сами лекари губят людей, что власть-де продалась дьяволу. По городам вспыхивали холерные бунты, с которыми армия уже не могла справиться. Сильно нагадил и папенька. В 1831 году из карантинного Петербурга Николай выехал в Москву. Простолюдинам же все выходы из города перекрывали. Людская ярость нарастала. 22 июня на Сенной площади собралась огромная толпа. Назревал бунт. Вся эта масса двинулась к Зимнему. Узнав о движении толпы, маменька забила в истерике. Все придворные были в панике. Охрана была никакая. Многие солдаты и офицеры были больны, дворец охраняло от силы человек триста.

Я увидел в окно своей спальни, как огромная масса народа зашла на Дворцовую площадь. Дело было дрянно. Что за ужасы творятся?! Надо что-то решать, иначе нам тут всем настанет конец... Быстро забежал в кабинет отца, запер его и снял со стены большую икону. То, что произошло дальше, — рационально объяснить никак нельзя.

Толпа шла вперёд, несколько десятков солдат от страха просто побросали винтовки и пытались сбежать. Стояли перед толпой только офицеры, да набранные в охрану немногочисленные горцы. Очевидно было, что всех их сейчас просто сметут. Распахнув окно, я с усилием направил икону прямо к этой бушующей массе. Сначала несколько человек, а потом все, вдруг увидели, как в воздухе над их головами висит икона Николая Чудотворца. Люди ахнули и пали на колени, многие зарыдали. То, что творилось на площади, не поддавалось никакому описанию. Эмоции просто захлёстывали толпу, она словно впала в какой-то неистовый транс. Это было настоящее безумие. Так, продержав икону над толпой минуты три, я поднял её высоко в облака, а потом отправил в Неву. Еле оправившись от шока, я осознал, что весь истекаю кровью от такого ужасного напряжения. Кровь медленно лилась прямо из ушей и носа. Внутри дворца творился настоящий хаос, кто-то орал, кто-то носился по коридорам. Сняв рубаху, — я с трудом остановил кровь, утёрся и

вернулся к себе. В этом дурдоме мне удалось это сделать, не привлекая к себе большого внимания. Спустя час народ с площади стал расходиться, многие продолжали рыдать, а ещё сотни просто оставались на коленях до следующего утра.

В течение года холера в России стала постепенно сходить на нет. Но события, произошедшие в июне 1831 года, оказались неизгладимыми и стали известны не только в России, но и во всём мире. Такого огромного количества очевидцев чуда ещё не было никогда в истории. Количество православных в мире увеличилось в разы, а в честь святого Николая Чудотворца папенька распорядился строить гигантский храм. Деньги на этот храм собирала вся страна в каком-то невероятном устремлении. Рабочие на стройке отказывались брать плату, а будущему храму отписал своё имущество даже сам архитектор О. Монферран. Россия в 1831 году стала невероятно религиозной, по сути, даже фанатичной в своей вере.

Тем не менее постепенно всё возвращалось на круги своя. Восстанавливалась торговля, вновь заработали банки и театры. А мне становилось всё более очевидным, как Зимний дворец по-настоящему двуличен и даже такие последние шокирующие события не смогли ничего поменять. Это явно демонстрировали и наши «светские хроники». Папенька наш, как всегда, изменял супруге с фрейлинами и актрисами, а вся столица продолжала с удовольствием обсуждать его похождения. Николай же в это время пытался укрепить свою легитимность власти, показать единение царя с народом, но не понимал как. О нём говорили в основном только в связи с очередным любовным приключением.

В эти дни я пытался собраться с мыслями, — впервые я был растерян. Мне становилось очевидным, что я сделал то, что поменяло ткань духовной жизни страны. Имел ли я право на это? На данный серьёзный вопрос я не мог дать ответ. В один из вечеров прервал череду моих размышлений Николай.

— Как ты, сын? Я знаю, что вам пришлось тяжело недавно. Народ сильно волновался.

— Всё в порядке. Обошлось же. Главное, чтобы таких ситуаций больше не случалось.

— Да, тут сам Николай Чудотворец вступился за нашу семью. Романовы отвечают за страну. Вот что значат эти события. Ещё бы народ понял, что власть с ним едина. Решили же дураки, что тут дьявол сидит, и полезли во дворец. Нет понимания у людей, что власть государя от Бога и все страдания их от этого.

— Так, раз лезут в Зимний дворец, то, может, пусть и познакомятся с ним.

— Как это? Не понимаю.

— Может дать возможность зайти народу во дворец, раз так ему хочется, скажем, хотя бы раз в год.

— Ты, верно, шутишь? Простому мужику во дворец?

— А почему нет? Пусть походят, посмотрят, а потом заодно и своим расскажут, что здесь всё красиво, чинно и нет никаких сатанистов.

Николай стоял с открытым ртом и не знал, что на подобное ответить, затем всё-таки собрался с мыслями.

— Но ведь никто не делал так раньше из царей.

— А будьте первым, папенька. Зачем вы сравниваете себя с кем-то. Пусть равняются на вас, а не вы на кого-то.

Последние мои слова явно упали на подготовленную почву огромного самомнения Николая.

1 января Зимний дворец открылся для всех желающих, но полиция, правда, впустила

только сорок тысяч человек. Простые мужики ходили по залам, шарахаясь от огромных зеркал и громко восхищаясь красотой выставленных картин и статуй. Многочисленные лакеи раздавали мужикам чашки с чаем и сахаром, а те с удовольствием их пробовали. В этот вечер фрейлины и статс-дамы надели фальшивые драгоценности, за что впоследствии они сами назвали это мероприятие «балом фальшивых камней». Государь же с императрицей обходил залы, раскланивался, беспрестанно повторяя: «Позвольте пройти». Так происходило единение царя с народом.

Такие перемены на самом деле некоторых наивных «обманули». Мой воспитатель и учитель, поэт Жуковский начал вдруг просить за оппозиционных деятелей. Он просил перевести Батюшкова, вернуть из ссылки Пушкина, простить Николая Тургенева. Узнав, что Жуковский написал письмо с предложением амнистии декабрьского мятежа, государь устроил ему разнос. Император упрекал его в тесных связях с людьми беспорядочными и даже осуждёнными за преступления.

— ...А ведь ты при моём сыне! Иди и не затевай больше разговора об этом!

Что было плохого в возвращении из ссылки поэтов, писателей, в прощении декабристов? Да ничего вроде. Они же вроде как за народ были. Я сам видел ужасную жизнь простых крестьян, рабочих, но проблема ведь не в этом. Дело в том, что гражданского общества в России как такого не было. Эти все писатели, декабристы не видели леса за деревьями. Ведь богатые дворяне, всеми уважаемые люди могли бы создавать бесплатные школы и вузы, строить дороги, помогать приютам, делать открытия на благо страны. Но чем они в итоге занимались? Предпринимали мыслимые и немыслимые действия, чтобы разрушить всё и установить новый порядок. Откуда такое у них желание? Освободили ли эти декабристы хотя бы собственных крестьян, у них ведь по закону официально была такая возможность, тем более они же за народ вроде выступали, — нет, и ещё раз нет. Вот в чём мерзость! Декабристы эти — сплошь богатенькие, избалованные дворянчики, «золотая» молодёжь, нахватавшая модных французских идей и в глубине души желающие просто власти для себя лично. А ведь улучшить жизнь людей не так сложно, — надо просто дать людям нормально зарабатывать и жить достойно, так чтобы все, а не только элита, почувствовали, что у них и их детей есть будущее. А ещё надо сделать так, чтобы народ стал образованным, понимал чего хочет и не верил бы всяким популистам, обманывающим так безжалостно и опасно. Но это всё впереди...

Время шло. Я прошёл уже большую часть своего обучения. Подготовка стала явно смещаться в сторону государственного и военного управления. Тут пошла уже проверка моих убеждений, взглядов на общественно — политические проблемы. На ежегодном экзамене мне задан был коварный вопрос: «Должно ли прощать обиды, нам причинённые?» Пришлось отвечать в таком же духе — «Должно, несомненно, прощать обиды, делаемые нам лично, но обиды, нанесённые законам народным, должны быть судимы законами; существующий закон не должен делать исключения ни для кого».

Николай I помнил свой бедный опыт к началу правления: его вредный брат Александр I не ввёл его даже в Государственный совет. Сыну же он решил не делать такой пакости и стал готовить Сашу всесторонне. В 1831 году папенька начал писать «Записки». Эти документы явно готовились для оправдания своих действий в декабре 1825 года. Своим мелким, разборчивым почерком на французском языке он исписал целых две толстые тетради. Начиналось там так: «Я пишу не для света — пишу для детей своих; желаю, чтобы до них дошло в настоящем виде то, чему я был свидетель... Буду говорить, как сам видел, чувствовал, от чистого сердца, от прямой души: иного языка не знаю». Сторонний наблюдатель, возможно, подивился бы, откуда я знаю, какой толщины тетради, и что там написано и правильно бы сделал, задав такой вопрос. Наш папенька заставил меня прочитать эти тетради и выучить наизусть некоторые его тезисы словно молитвы. Когда я услышал о его требовании, то прямо разинул рот от удивления, не зная, что сказать. Николай оставался прежним. Всегда и во всём считал себя самым умным, а все свои действия воспринимал как исключительно безошибочные. Моя задача проста — копировать его гений. Чем лучше усвою толику его гениальности, тем больше ума наберусь.

Николай Павлович в то же время в записках упирал на то, что пустые дела никчёмны и призывал всячески их остерегаться. «До 1818-го не был я занят ничем; всё моё знакомство со светом ограничивалось ежедневным ожиданием в передних или секретарской комнате, где, подобно бирже, собирались ежедневно в 10 часов все генерал-адъютанты, флигель-адъютанты, гвардейские и приезжие генералы и другие знатные лица, имевшие допуск к государю. В сём шумном собрании проходили мы час, иногда и более, доколь не призывался к государю генерал-губернатор с комендантом и вслед за ним все генерал-адъютанты и адъютанты с рапортами и мы с ними, и представлялись фельдфебели и вестовые. От нечего делать вошло в привычку, что в сём собрании делались дела по гвардии, но большею частью время проходило в шутках и насмешках насчёт ближнего; бывали и интриги. В то же время вся молодёжь, адъютанты, а часто и офицеры ждали в коридорах, теряя время или употребляя оное для развлечения почти так же и не щадя ни начальников, ни правительство. Долго я видел и не понимал; сперва родилось удивление, наконец, и я смеялся, потом начал замечать, многое видел, многое понял; многих узнал — и в редком обманулся. Время сие было потерей временно, но и драгоценной практикой для познания людей и лиц, и я сим воспользовался».

Всё возрастающее количество войн, привело к интересу Николая относительно военных знаний наследника. Слова, ответственного за этот предмет Мердера, потрясли государя. — Александр, уже готовый воин и возможно будущий талантливый полководец. Он не побоится ни крови, ни ответственности. Саша способен на многое в военном деле. Было

бы полезным, развивать его далее. Если бы при мне учёба его не проходила, то ни за что не поверил бы что такое в принципе возможно. — Так он ещё ребёнок, Карл Карлович. Какой воин, какой полководец? — Этот ребёнок почему-то стреляет из пистолета и винтовки лучше гвардейцев. И сила в нём какая-то нечеловеческая. Он одним ударом может не то что солдата, но и, думаю, коня при желании снести. Единственное, — непонятно его презрение к сабле. Говорит, что это ненужная железяка и только кинжал признаёт. Насчёт полководческих способностей, — наследник даёт дельные замечания по прошедшим военным операциям. Офицеры ниже полковника так не могут анализировать, да и то только с большим опытом должны быть.

22 апреля 1834 года я принёс присягу в качестве наследника престола. Георгиевский зал был переполнен, роскошь нарядов придворных и блеск золотой утвари ослепляли глаза. Перед тронном был поставлен аналой, на котором лежало Евангелие. Рядом стоял гвардеец с государственным знаменем. Присутствующий здесь Пушкин позже написал в своём дневнике, вспоминая этот день: «Это было вместе торжество государственное и семейное. Великий князь присягу произнёс твердым и решительным голосом. Государь и государыня плакали. Все были в восхищении от необыкновенного зрелища — многие были также тронуты и плакали...» Поэт упомянул и своё внутреннее чувство в момент принятия присяги Александра. — «От наследника шла волна прямо-таки физически ощущаемой силы и какого-то величия. Она заставляла смотреть на него как на существо необыкновенное, имеющее печать сверхъестественного. Многие, если не все, позже об этом высказывались, и никто не мог вспомнить подобного прежде».

После церемонии я находился в слегка расслабленном состоянии. Ещё бы — значительную часть намеченного пути удалось пройти, но тут же за это поплатился. Ровно через десять дней после принятия присяги, меня посадили под арест на дворцовую гауптвахту за то, что я на параде проскакал галопом вместо рыси. Тут же об этом стало известно во всём Петербурге. Николай считал, что такой строгостью он заставит всех уважать порядок, но общество тихо недоумевало от такой несуразности. Урок воспринял лишь я сам: нельзя расслабляться и ошибаться даже в мелочах!

В шестнадцать лет начался новый этап жизни, детство моё подошло к концу. Жуковскому была пожалована пожизненная пенсия в 3 тысячи рублей, и мы с ним тепло распрощались. Учёба постепенно шла к своему завершению (оставались лишь обзорные занятия по государственному управлению), а для младших братьев и сестёр она ещё только начиналась. Адмирал Фёдор Петрович Литке обучал Костю. Братишка был нервным, пылким, впечатлительным и очень любознательным. Литке учил его физике, гидрографии и всем особенностям морского дела. Восемилетний Константин уже получил чин мичмана и командовал военным бригадом. Отец всецело одобрял такую направленность. Младшие Николай и Михаил особо не нагружались пока учёбой ввиду своего малолетства. Сестры Маша, Оля и Александра по традиции обучались музыке, рисованию, рукоделию, литературным занятиям.

Анализируя сейчас своё обучение, могу сказать, что оно было на высоком уровне. Да, многое было устаревшим, но это для меня лично. Для этого же времени преподаваемые предметы давались очень квалифицированно. И ведь всё это появилось не на пустом месте. Уже сейчас могу с уверенностью сказать, что тогда процесс образования был построен по факту лучше моего родного времени. Это я как преподаватель со стажем заявляю. А почему главное так? Всё дело, в отношении к преподавателям и учёбе — невероятно простой ответ.

Тут нет ни компьютеров, ни проекторов на занятиях, нет нормальных учебных пособий, да много чего нет, и всё равно за счёт отношения к учителям и к учёбе прошлое образование выигрывает современное российское. Спрашивал я как-то студентов-выпускников, готовы ли они к профессиональной деятельности? Ответ — нет, ни готовы, толком ничего не знаем. Такой ответ для выпускника XIX века просто немыслим. Тут, например, если учишь какой-то иностранный язык пару лет, то ты на нём потом однозначно разговариваешь. Я уж не говорю про овладение профессиональными навыками, ты гарантированно становишься специалистом. Младший мой братишка Костя восьми лети от роду, без всяких поблажек спокойно командует военным кораблём. Может ли восьмилетний ребёнок XXI века что-то подобное?

Дело в том, что статус учителя в XIX веке в России стоял на небывалой высоте. Он получал хорошую зарплату, имел щадящую нагрузку (это сейчас вешают на учителей по 2 ставки, так что они к концу дня становятся зомби). Преподавателей поддерживали всячески. Вот посмотрите хотя бы на нашу императорскую семью. Все попытки жалоб детей на учителей жёстко пресекались родителями. За невыученное задание или серьёзные ошибки детей строго наказывали. Нас могли ставить на колени лицом к стене, лишать развлечений и удовольствий. Бить нас могли как учителя, так и родители. Не избивали, а именно били специальной палкой, дабы не покалечить, а просто привести в чувство, если мы отвлекались и начинали лениться или баловаться. Все наказания фиксировались в специальном журнале. В моей же прошлой жизни преподавателей могли уволить прямо в середине учебного года из-за жалоб родителей. Суть жалоб — строгий(ая), повышает голос на ребёнка, даёт много домашней работы. Родители в чатах обсуждают любое движение учителя не только в учебном заведении, но и в социальных сетях и даже в просто на улице. И это в колледжах и вузах, а что творится в школах вообще неопишимо. Да, сейчас время изменилось и наказывать физически детей уже возможно неразумно. Но воздействие на них должно оставаться, — пусть будут какие-нибудь штрафы, принуждение к физической работе, оставления на второй год и прочее. А эти жалобы на учителей? Как родитель или ученик могут жаловаться? Они что специалисты по преподаваемым дисциплинам? Учителей должны проверять подготовленные профессионалы-предметники, можно ставить в каждом классе камеры, проверять знания и учеников, и педагогов в конце концов.

Все успехи в российской науке сейчас достигаются скорее вопреки нашему образованию, а не благодаря ему. Да, есть и отдельные страны, где нет такой ерунды как в России. На ум, например, сразу приходит Южная Корея, где дети прямо пашут на занятиях. Там статус и положение учителя чуть ли не на уровне наших депутатов. И результат есть, — благодаря образованию некогда забытая убогая страна за 40–50 лет стала настоящим технологическим монстром, дающим нам, россиянам смартфоны, ноутбуки, принтеры и прочую технику. Ещё бы, — сами же мы ведь умом слабоваты, не понимаем, как это делать — сложно нам, знаний не хватает. Нельзя жалеть детей, баловать и распускать. Мы ведь сами всё портим. Надо готовить детей к жизни, иначе ничего путного и не выйдет. Не бывает успеха без труда, и это надо усвоить нам всем!

Занятия, посвящённые делам государственного управления, оказались для меня весьма запоминающимися. С октября 1835 года лекции мне начал читать сам Сперанский, стоявший в то время у основ российского законодательства. Юрист на занятиях утверждал: «Слово неограниченность власти означает то, что никакая другая власть на земле, власть правильная и законная, ни вне, ни внутри империи, не может положить пределов верховной

власти российского самодержца. Но пределы власти, им самим поставленные, извне государственными договорами, внутри словом императорским, суть и должны быть для него непреложны и священны. Всякое право, а следовательно, и право самодержавное, потому и есть право, поскольку оно основано на правде. Там, где кончается правда и где начинается неправда, кончится право и начнётся самовластие. Ни в каком случае самодержец не подлежит суду человеческому, но во всех случаях он подлежит, однако же, суду совести и суду Божию».

Слова Сперанского были довольно понятными, но в то же время уже содержали в себе казуистическое начало. Что значит в его словах, правда, например? Тут легко трактовать это понятие. Для самодержца оно будет означать одно, а для революционера — совершенно другое. Не случайны потом террористические акты в России и сама революция, — царь-де от «правды» отходит. Государство держится на справедливых законах, а справедливыми они могут считаться только тогда, когда их признаёт таковым общество. Вот в чём суть адекватного взгляда на этот вопрос. Сделать закон справедливым можно через принятие его через Госдуму, а можно через общественное мнение. На данный момент в Российской империи нет Госдумы, а если бы даже её создать, то она принесла бы стране больше вреда. Возьмём в качестве примера нашу Госдуму XXI века — она что образец народных чаяний? Наши депутаты дают нам справедливые законы? Риторический вопрос полагаю. Почему же Госдума в России, это не парламент в Великобритании? Всё просто. У нас нет гражданского общества. А даже то, что начало появляться, явно пахнет иностранным вмешательством. Гражданское общество — сфера свободного самовыражения граждан, свободная от прямого вмешательства со стороны государственной власти. Это независимые профсоюзы (не наши профсоюзы, которые создаёт администрация предприятий для раздачи подарков на Новый год, а те учреждения, которые могут добиваться увеличения зарплаты, улучшения условия труда как на Западе), общественные объединения, СМИ и многое другое. Невозможно иметь хорошие законы, отсутствие коррупции, справедливые суды без гражданского общества. Люди должны контролировать власть, показывать ей направления, в которых необходимо двигаться. Вот что я хочу сделать в государстве. Дать настоящую свободу людям, так чтобы наш гражданин начал уважать самого себя и почувствовал, что именно он хозяин у себя дома. Что же, — задачу я поставил себе амбициозную. Будем работать, ради того чтобы люди нашей страны перестали чувствовать себя скотом, — здесь я пойду до конца.

На чём держалось единство Российской империи в то время, — чётко показало одно из занятий с Арсеньевым. Историк утверждал: «...поляки, литовцы, прибалтийские немцы, финляндцы и другие племена по вере, языку, историческим преданиям, характеру и обычаям совершенно различествуют друг от друга и от русского народа. Но все эти народы под мудрым правлением наших государей так связаны между собой, что составляют одно целое».

— А на чём всё это держится? — спросил государь, зайдя неожиданно в класс.

Я тут же заученно ответил: «Самодержавием и законами».

— Законами? Нет. Самодержавием — и вот чем, вот чем, вот чем! — показывая свой увесистый кулак.

Все ошалели в этот момент, честно говоря, и сам я впечатлился. Умеет же наш папенька «жару» дать. И главное, ведь думает, что правильно говорит, и в этом вся глупость заключена. Где сейчас у нас в стране поляки, литовцы, финляндцы... — верно, нигде. А всё потому, что невозможно силой удержать народы, стоящие выше твоего по уровню развития.

История показывала нам, как разваливались империи, чуть только сила их скрепляющая ослабевала. А ведь главное — решить проблему ведь несложно — надо сделать так, чтобы отделяться стало невыгодно. Да, вот такой мерзкий циничный подход. Без всякой там идеологии, голой силы и прочего. Забрать надо просто у сложных регионов самые ценные территории и присоединить их намертво к ядру страны. При этом важно сделать так, чтобы все остальные провинции стали крайне зависимы от центра в экономическом, технологическом и культурном планах. Погано звучит? Очень, зато крайне действенно. Захотят уйти, — пусть. Сами потом прибегут, и мы ещё потом посмотрим, нужно ли их принимать обратно. Нет необходимости нам вкачивать огромные деньги в Финляндию, Польшу и прочие сепаратистские регионы, которые нас ненавидят всем сердцем. Нам надо сломать об колено свой наивный имперский подход и стать прагматиками до мозга костей!

В богато обставленной столовой мы сидим всей семьёй за ужином. Блюда из мяса, рыбы, овощи, десерт... Всё как обычно сопровождается непринуждёнными разговорами, но тут речь заходит о недавно убитом на дуэли Пушкине. К этому литературному деятелю в нашей семье относились по-разному. Маменька любила его за талант, читала, но всё же ей больше нравилась его красавица жена. Папенька уважал его как поэта, но злился на его либеральные взгляды. Младшие братья и сёстры постоянно читали его произведения и восхищались им. Сам я видел Пушкина довольно часто. Мне он показался высокомерным и нагловатым, хотя если честно, думаю, какой талант не без греха.

Пушкин в итоге и был убит из-за своей вспыльчивости. Как-то распространились в высшем обществе письма, где поэта назвали рогоносцем, намекая на то, что его супруга изменяет ему с Дантесом. При этом маменька держала сторону Дантеса, который служил в её кавалергардском полку. Ряд фрейлин открыто потешались над «страшным уродом». Папенька во всём этом видел дело чести. Так и произошла глупая дуэль с Дантесом и смерть поэта. Николай напирал на то, что у Пушкина не было другого выхода кроме как дуэли.

— Почему же не было? — удивляясь спросил я.

— Тут на кону стоит вопрос чести, сынок. Его стало презирать бы всё общество, если бы он не ответил дуэлью.

— Насколько мне известно, Пушкин сам постоянно изменял и отсюда его глупая ревность. К тому же что есть общество? Это по большей части обычные люди, которые привыкли думать и говорить то, что им внушают. Именно элита определяет умонастроение общества. Он же, как выдающийся поэт, мог бы спокойно ставить себя выше и диктовать свою волю и взгляд, а не идти на поводу у толпы.

— И что же ты бы сделал на месте Пушкина? — лукаво улыбнувшись, спросила маменька.

— Посмеялся только и сочинил бы какой-нибудь убойный стих против недругов. Все вопросы с супругой я решал бы внутри семьи.

Родители улыбнулись.

— Не каждый может выдержать давление своего круга. Так ведь можно и отщепенцем стать. Как вернёшься с поездки по России, то, возможно, ещё изменишь своё мнение, — добавил Николай.

«Его Императорское Высочество Государь Наследник цесаревич отправился по России из Царского Села в шесть часов по полудни 2-го мая и в половине 4-го часа утра 3-го числа изволил прибыть в Новгород в вожделенном здравии», — так писали газеты о начале моей поездки.

Папенька отправил меня в путешествие по России для того, чтобы я таким образом готовился к царскому делу. Со страной следовало познакомиться, впрочем, как и России с её будущим правителем.

По всем губерниям заранее были разосланы циркуляры о подготовке к приезду наследника. Предстояла ревизия всех дел. Никто из чиновников не хотел, чтобы разного рода упущения администрации и общая неустроенность могли быть явственно обнаружены.

Повсеместно красились заборы, приводились в порядок фасады, ремонтировались главные дороги городов. Женщины же ждали балов и страстно желали, чтобы наследник

обратил на них свой взор. Немыслимые деньги тратились на наряды. Ведь всего лишь в одном танце на балу может решиться вся их жизнь...

Надо сказать, что ехал я не один, а в сопровождении свиты, которая включала Жуковского, Арсеньева, моих соучеников Паткуля и Адлерберга, чиновников, слуг.

Настроение у меня было слегка взволнованное. Отец перед поездкой наказал не горячиться, но и не миндальничать, «дабы почувствовали руку царскую». Меня напрягала предстоящая показуха и парад лицемерия, — ещё в прошлой жизни не любил я это дело, но вариантов изменить ситуацию я пока не видел.

В Новгороде я принял рапорты начальника губернии и губернского предводителя дворянства, присутствовал на молебствии в Софийском соборе. После этого был развод полка, осмотр губернской гимназии, благородного пансиона, военного госпиталя. При въезде в город нас, как всегда, приветствовали представители дворянства и духовенства. Потом были осмотрены артиллерийские роты, монастырь святителя Филиппа, губернская гимназия. Вечером был шумный бал в благородном собрании.

Так шёл день за днём. К дороге я привык, и она мне начала надоедать. Да, Россия огромная, но в ней повсюду нищета. Сколько бы её ни пытались приукрасить или вообще скрыть, — всё это резало глаза и вызывало внутренний протест.

Остановились у какой-то деревеньки. Хотелось кушать, — провиант запаздывал в дороге... Зашёл в ближайшую избу, небольшая свита двинулась за мной. Как переступил порог, — сразу начал кашлять. Стоял тяжёлый воздух, — изба-то курная. Дым здесь выходил не через трубу, а через небольшие окошки. Потолок дома был весь в копоти, а пол был грязный и дырявый. В самой избе стояла икона Николая Чудотворца (увидев её, я вздрогнул, вспомнив свой фокус во время холеры). Вдоль стены стояли лавки, которые явно были также и спальными местами. В углу был большой сундук. Крестьянская семья как раз собиралась обедать.

— Накормишь? — спросил у мужичка, явно ошалевшего от вида господ.

— Как прикажете, — послушно ответил хозяин. — Марфа, тарелку давай.

Тарелка у семьи была всего одна, — для больших праздников. Обычно сами они ели из чугуна поочерёдно ложками.

Тут, правда, Ивана, — хозяина дома, мягко отодвинули. Большой деревянный его стол покрыли белоснежной скатертью, расставили серебряной посуды. Решил попробовать крестьянской еды, — щи оказались вегетарианскими.

— Без мяса, смотрю готовишь?

— Так, нету же мяса, — ответил хозяин.

— Изба тоже плохо крыта. Что не так у вас?

— Урожай не удался, хозяйка недавно померла, недоимки большие — начал объяснять Иван.

Его было попытались придержать в жалобах, но я знаком остановил. Выслушивать пришлось долго, но эта беседа за обедом оказалась для меня очень полезной. Я узнавал мысли и нужды простых людей. Попрощались тепло, крестьяне явно были растроганы. Чтобы господа так внимательно к ним отнеслись, — не бывало такого. Дал 200 рублей на ремонт дома, выплат недоимок и покупку коровы. Мог бы дать больше, да нельзя — навредит только сразу крупная сумма.

— Спаси тебя Господи!.. Век буду Бога молить за Александра!.. — бормотал, всхлипывая Иван и долго стоял у ворот, смотря на уходящую вдаль колонну наследника.

Далее двигались через Углич, Рыбинск, Ярославль. В последнем ознакомились с полотняной мануфактурой. Жуковский писал о поездке: «Наше путешествие можно сравнить с чтением книги, в которой теперь великий князь прочтёт одно только оглавление, дабы получить общее понятие о её содержании».

Ростов, Суздаль, Шуя, Иваново, Кострома, Вятка... Портрет великого князя был дан позже в воспоминаниях А. И. Герцена, находившегося в момент путешествия Александра в ссылке и несшего обязанности губернского чиновника в Вятке: «Вид наследника не выражал той узкой строгости, той холодной, беспощадной жестокости, как вид его отца; черты его непонятны, а сам загадочен. Ему было около двадцати лет, он был очень крепок и уверен в себе. Сам Александр мне говорил мало, но долго и внимательно слушал. На мои осторожные социалистические высказывания, неожиданно спросил, что я сделал для своих крестьян, почему не отпустил их волю?».

— А на что мне жить тогда, извольте спросить? Жалование чиновника, — гроши.

— Но этих денег у вас явно больше, чем у ваших крепостных, тем более вы в своих работах высказываетесь за народное освобождение.

— Я борюсь за социализм доступными мне средствами, прежде всего пером.

— А скажите, пожалуйста, платили ли вам за ваши работы зарубежные меценаты? Есть ли какая-то финансовая помощь?

— Деньги дают, не скрываю такого. Но это помощь ради развития идей, помощь сподвижников по делу.

— Но как я понимаю эти финансы больше идут от банкиров Ротшильдов.

— Да, но они тоже могут иметь близкие к нам взгляды. В конце концов, деньги есть деньги. Мне надо кормить семью.

— Спасибо, Александр Иванович, ваша позиция мне теперь более понятна.

После ухода наследника, Герцен долго сидел на стуле, курил и курил. — Что это вообще было такое? Сволочь он. Обвинил меня ведь, по сути, что я лжец и предатель страны. Чувство стыда внезапно охватило его. Хотелось сжаться и провалиться сквозь землю. Да, он брал деньги банкиров, которые приветствовали его социалистические идеи в России, да, он не освободил своих крепостных, да, он ругал власть, которая фактически кормила его... С этого дня Герцен начал выпивать от злости... Как может начать пить тот, кто всю жизнь пытался казаться другим и даже поверил, что он и есть такой пламенный революционер, а вдруг теперь узнает, что другие видят его истинное «я» и не готовы обманываться красивыми лозунгами.

Жуковский меня просил за Герцена. Хотел его перевести ближе к Москве. — А зачем Василий Андреевич он нам ближе к Москве? Герцен и тут вроде неплохо поживает. — Человек он умный, талантливый. — А какая нам с этого польза? Он ведь только своими талантами нам вредит. Пусть пока побудет здесь. С него не убудет. Жуковский замолчал, не зная как на такой пассаж реагировать...

За время пребывания в Вятке наследник показал себя лишённым чувства горячей справедливости, — по крайней мере, таково оказалось мнение Жуковского. Так, на имя наследника пришли жалобы на губернатора Тюфяева. Губернатор вроде как злоупотреблял в делах и даже издал приказ «заподозрить сумасшедшим» некоего купца, заявлявшего, что он расскажет Александру, что в городе и в губернии делается. Понятно, что покраска фасадов домов, заборов на улице шли в тот же счёт. Все с нетерпением жаждали быстрых, решительных, горячих шагов наследника, как-то выволочки и увольнения губернатора,

конфискации его имущества, преследования чиновников. Александр же спокойно выслушал жалобы, прочитал письма недовольных. Никого наследник не уволил, ни на кого даже не накричал. В разговоре с губернатором вёл себя вежливо, поинтересовался «сумасшедшим купцом» и предложил его отпустить домой в случае отсутствия явных симптомов болезни. Лишь по отъезду из Вятки, наследник дал поручение подготовить ревизионную комиссию для тщательного изучения дел в крае. Жуковский был возмущён...

— Губернатор, мерзавец! Почему вы его не сняли?

— У вас есть доказательства Василий Андреевич?

— Жалобы у вас на руках, Александр. Да и тот же купец, да и покрашенные заборы недавно...

— То что покрасил заборы и фасады — это не преступление. Жалобы могут быть поклёпом с целью убрать неудобного чиновника. А насчёт «купца», то я распорядился, чтобы его отпустили. Полагаю, там губернатор перегнул сильно из-за лишних эмоций, либо его элементарно спровоцировали на такую очевидную глупость. В любом случае, считаю пусть комиссия изучит документацию, порядок дел. Это всё лучше, чем принимать скоропалительные необдуманные решения.

Наш путешественник прибыл в Пермь, — тут ссыльные поляки просили о возвращении на родину, раскольники — об избавлении их от гонений. Екатеринбург, Тюмень, Тобольск — тут начинались края каторжников и ссыльных. Наследник в итоге просил позднее государя рассмотреть дело касательно раскольников. По его мнению, проблема религии, — это вопрос духовной жизни, а не государственной, выгоднее экономически их не притеснять (Василий Андреевич вновь был шокирован таким прагматизмом). Ссыльных поляков, Александр так вообще предложил отправить ещё дальше, лучше сразу на Камчатку, чем удивил же даже Николая. Златоуст, Оренбург, Казань, Симбирск...

Заканчивался сбор урожая. Очень много было высеяно гречихи, культуры, составлявшую, по сути, в стране главную пищу крестьян. Жуковский, морщась, говорил: «В Европе только птицу да скотину кормят ею, у нас же из неё готовят самую питательную пищу. В России гречиха для народа то же, что для немцев картофель». Наследник на эти слова только улыбался, и даже высказался вроде как что народ у нас соображает, что делает. Александр, к удивлению свиты, — гречневую кашу ел с удовольствием.

В Твери на выставке наследник внимательно смотрел на все товары, особенно промышленного изготовления, а вечером пошёл на бал в Благородное собрание. Царевич, правда, к удивлению и некоторому разочарованию дам, танцевал и пил мало, и больше общался с дворянами.

24 июля Александр прибыл в Москву. На следующий день, согласно программе, наследник пошёл в Успенский собор. На крыльце собора Александра приветствовал митрополит Московский Филарет, известный своим большим авторитетом. Он произнёс длинную наставительную речь:

'Благоверный Государь! Всегда светло для нас Твоё пришествие, как заря от Солнца России, но на сей раз новые виды, новые чувствования и думы.

С особенною радостью встречаем Тебя после Твоего путешествия даже в другую часть света, хотя всё в одном и том же Отечестве; ибо сердце наше трепетно следовало за Твоим ранним, дальним и быстрым полётом.

Но что значит сие путешествие? Не то ли, что сказал древний мудрец: видя страны, — умножаешь мудрость? Тебе надо наследовать мудрость и дальновидную попечительность

Августейшего Родителя Твоего. Домашним же руководством к сей мудрости является для тебя учебная хранина — Россия.

Когда же возвратишься к возлюбленному Тебе и нам Твоего Родителю, возвести Ему, что Россия чувствует Его дальновидную о ней попечительность; что мы благославляем Его, как за себя самих, так и за потомство; что мы молимся за Его и Тебя'.

Речь Филарета вызвала восторг всех окружающих. Мне же она не понравилась. Слишком много лицемерия, наставничества, уверенности в своей непогрешимости, святости...

Службу отстоял я до конца и хотел было уже выходить, но был внезапно остановлен.

— Ваше императорское высочество, не хотите ли взглянуть на весьма редкий предмет?

И тут мне выносят хранящийся в Успенском соборе яшмовый сосуд, из которого помазывают миром при венчании на царство. Якобы сосуд этот принадлежал Божественному Августу, из Рима попал в Византию, а на Русь был передан императором Алексеем Комниным князю Владимиру Мономаху вместе с царским венцом. Показывает этот сосуд мне старец отец Накос, протопресвитер Успенского собора, — и вновь с этим назиданием и взглядом, полным в своей непогрешимости. Тут я начинаю буквально закипать, но происходит нечто странное даже для меня...

Сосуд начинает дрожать в руках священников. Все охают от шока... Прямо внутри сосуда бурлит остаток мира. Народ, свита — все стоят с раскрытыми ртами и безумным взглядом. Тем временем жидкость постепенно остывает. — Чудо, чудо это! — восклицает митрополит. — Действительно, чудо! — соглашаюсь с ним, не понимая, что вообще происходит. Начинаются неистовые молитвы и песнопения священнослужителей. После короткой молитвы, в полной прострации, я медленно разворачиваюсь и выхожу из собора. Свита выходит за мной.

В декабре я возвращаюсь в Петербург. И вот я снова дома, — хотя дом ли это? Почему я упорно не ощущаю его таковым? Мне всегда было важно понимать, — вот место, где я живу, где меня любят, где всё родное. А тут нет такого чувства. Может, всё из-за того, что Зимний больше похож на общежитие, чем на дом?.. Хотя наш дворец и являлся официальной резиденцией, в нём проживала не только наша семья. На трёх этажах и даже чердаках с подвалами обитали порядка 3500 человек. Это были придворные, получавшие в здании казённые квартиры, лакеи с семьями, офицеры-ветераны и прочие. Дворец был словно живым организмом, который никогда не спал. В подвалах постоянно топились печи, дворцовая провизория снабжала лекарствами половину города, на кухне круглосуточно готовилась еда, каждый час сменялись караулы гвардейцев.

Каждый из российских императоров старался перестроить Зимний дворец, что-то улучшить, что-то добавить. В 1833 году и Николай повелел перестроить Фельдмаршальский и Петровский залы. Но папенька не был бы самим собой, если бы не выкинул очередную глупость. В залах по его требованию были устроены фальшивые стены, украшенные огромными зеркалами. Так, между деревянными фальшивыми стенами и каменной кладкой остались пустые пространства, где находились печные трубы. Это и привело к катастрофе.

В середине декабря 1837 года дворцовые камердинеры учуяли запах дыма. Вызвали пожарных, а те обнаружили, что в полуподвальной аптеке вытяжная труба соединялась с дымоходом. Дело в том, что в этой же комнате ночевали дворцовые дровоносы. Зимой эти товарищи для сохранения теплоты комнаты, затыкали трубу рогожей. В результате тряпка провалилась в дымоход и загорелась. Источник огня потушили, залы, в которых пахло

дымом, — обкурили благовониями. Вечером 17 декабря снова завоняло палёным, дым валил прямо из-под плинтуса. В восемь часов вечера пожарные разобрали паркет, однако сразу же после первого удара ломом полыхнуло сильное пламя. Во дворце засуетились. Граф Бенкендорф указал, что дым идёт с чердака. Туда отправился Адлерберг с солдатами, но был вынужден вернуться — на лестнице дым был густ, — дышать было очень тяжело.

— Окна! — скомандовал Николай. — Разбить окна!

— Ни в коем случае! — громко влез я.

Все встали словно вкопанные, не понимая, что делать.

— Что такое Саша? Куда лезешь? — разозлился государь.

— Если разобьём окна, то дворец будет не спасти. Свежий воздух даст дополнительный приток кислорода, и пожар страшно усилится.

— Нам нечем дышать сын. Тут все задохнутся, — нетерпливо и зло возразил Николай.

— Надо смочить тряпки с водой и приложить к носу и рту. Двигаться надо ближе к полу. Завал разобрать и потушить огонь песком и водой.

— Чёрт с тобой, Александр! Надеюсь, ты прав. Отвечаешь за это решение головой.

Подоспели новые команды пожарных, — завал был разобран, а пожар в течение часа потушен. Дворец пострадал, но лишь частично. Огромная коллекция картин, статуй, драгоценностей была спасена полностью.

Впоследствии было проведено следствие по делу «О пожаре в Зимнем дворце, исследовании причин одного и размещении разных лиц и должностей». Глава жандармерии Бенкендорф по итогам проверки представил доклад, согласно которому виновными в трагедии признавались те, кто заткнул дыру в дымоходе рогожей, а также должностные лица, отвечавшие за чистку труб. В своём докладе Бенкендорф не стал указывать на тот факт, что фальшивые деревянные стены, возведённые по приказу Николая, за четыре года постоянного нагрева стали сверхгорючими. При возгорании сажи, искры вылетели сквозь щели и мгновенно воспалили сухие деревянные огнеопасные стены. Действия же и слова же наследника признавались единственно верными, позволившими в итоге спасти Зимний дворец от полного выгорания.

Читая доклад, государь понял между строк в чём всё-таки причина возгорания и не стал поэтому сурово наказывать виновных — тех просто уволили со службы. При восстановлении дворца теперь стали использоваться металлические конструкции перекрытий, позволявшие минимизировать вероятность будущих пожаров. Николай также с некоторым удивлением и смешанным чувством осознал, что основная заслуга в спасении дворца лежит на Александре, прямо его одёрнувшим во время неверного приказа.

— Наверное, просто книг много читал, — вот и узнал наследник что делать. Мне всё некогда, — на мне вся страна.

На следующий год я отправился в путешествие по Европе для знакомства с аристократическими дворами.

Поездка была длительной. Посетил германские герцогства, Швецию, Великобританию, Италию, Австро-Венгрию. Дорога была довольно интересной, но бытовых неудобств хватало. Это не XXI век.

Встречали меня торжественно, хотя не понимали меня явно многие. Королевские особы удивлялись моему чрезмерному, на их взгляд, прагматизму, мужчины — не понимали отсутствия интереса к охоте и карточной игре, дамы — безразличию к танцам и интрижкам. Все отмечали загадочность, уверенность в движениях и речах наследника. Великий князь получил в итоге за свой непонятное поведение негласное прозвище северного лиса.

На несколько недель задержались для отдыха на водах в Эмсе. Жуковский обычно прогуливался по округе с утра, генерал Кавелин целыми днями курил трубку в саду, Адлербег играл сутками в карты, Виельгорский болел от непривычного климата, Паткуль танцевал на балах. А я... снова сновидел.

Осознал себя на этот раз возле огромного храма. Кто бы мог подумать? Прямо скоро верующим стану. Походил вокруг. Спрайты (персонажи сна) вели себя как обычно. Старался не привлекать внимания и просто наблюдал. Вроде бы ничего не поменялось, но всё же что-то было не так, а что конкретно я никак не мог уловить. Пошёл во сне по городу. Дошёл до моста... Опасное место по моей прежней практике, часто кишачее вторженцами, но даже там не было за что зацепиться в моём подозрении. Посмотрел наверх. В небе летел огромный самолёт, который вдруг загорелся. Я дал посыл прекратить пожар и лететь дальше... Но горящий самолёт с шумом упал где-то вдалеке и уже там, словно издеваясь, потух.... Что происходит? Почему я не чувствую себя во сне как раньше, — и вдруг до меня начало доходить. Прежде я мог менять реальность сна мгновенно, а тут вроде как сон изменяется сопротивляясь. Всё это требовало обдумывания в реале, а никак не во сне. Немедленно прекратил сновидеть. Утром, анализируя случившееся, пришёл только к одному выводу, — изменился я сам. Тот прошлый я мог действовать во сне как хотел, а я нет. И причина этого, — моя личность. Силы были те же, но сам я стал словно другим. А вот кем, — в этом надо разобраться.

Тем временем жизнь продолжалась. В осознанные сны я пока не лез, так не понимал до конца, что происходит и не хотел ничего делать наугад. Всё время было отдано продолжавшемуся путешествию. После Эмса были княжества Липпе-Детмольд, Шаумбург-Липпе, Шварцбург-Рудольфштадт, Саксе-Альтенбург и иные. Везде меня встречали герцоги со своими семьями, балами и фейерверками.

В Голландии зашёл в домик Петра Великого, посмотрел на Биржу и порт Антверпен. В Англии королева Виктория показала мне достопримечательности Лондона, — убогий, кстати, город. Ничего особенного. В основном серые дома и промышленные здания. Что его так хвалят? Забавно было только разве когда зашёл случайно на митинг. Какой-то Джон Стивенс громко вещал на всю улицу: «Целью чартизма, как политического движения, не является достижение права голоса ради права голоса. Проблема всеобщего избирательного права — это, по сути, проблема хлеба и сыра... Если кто-либо спросит меня, что я имею в виду под всеобщим избирательным правом, я отвечу, что для меня оно означает право

каждого трудового человека страны иметь тёплую куртку на плечах и хороший обед на столе». Вечерами мы вместе разбирали события прошедшего дня. Генерал Кавелин, выпивая уже фактически бутылку вина в одного, повторял всё одни и те же слова в разных вариациях.

— Бред всё. Говорильня, — я про парламент английский, — чушь это. Тупые мужики ничего не соображают и всякую ересь несут целыми днями. Страна сильна, когда монарх силён и единовластен. Помяните моё слово, — мужики эти договорятся до атеизма и республики. А там считай всё...страны не будет. Погубят как есть государство.

Назимов, адъютант великого князя, не уступая в выпивке генералу, — вторил тому практически слово в слово.

— Никакие достойные преобразования в стране без монарха невозможны, ибо мужики эти только о своём кармане думают. Государь, — вот кто истинный благодетель страны. Он заботится о народе как о детях своих, ему и должно править.

Наследник молчал, а лицо его было абсолютно расслаблено и было непонятно, что же он всё-таки думает. Это вызывало настороженность опытных царедворцев. Либо Александр симпатизирует английскому парламенту, либо пытается узнать нет ли крамолы внутри окружения. И вероятнее всего, последнее, ибо ввиду молодости он бы давно уже дал понять свою симпатию. Сделав подобный вывод, каждый из окружения наследника начинал горячо высказываться с осуждением английских порядков.

Во Францию мы не поехали. Папа запретил...Он был в ярости из-за прошедшей там революции. Ещё дома Николай всё повторял мне: «Сколько я этому Карлу X предлагал помощь, а он отнекивался. Русские войска могли бы помочь выстоять французской монархии! Тупой старик! Довыдевался!»

Следующим пунктом нашей поездки была Италия. Мы путешествовали, меняя город за городом. Всё было прекрасно! Природа, римские памятники, черноглазые красотишки... Не было никаких революционеров — карбонариев, которыми нас так пугали в России.

Домой мы возвращались через Австро-Венгрию. Там познакомились с Габсбургами. Будущий император, девятилетний Франц Иосиф произвёл впечатление замкнутого, отстранённого ребёнка. Воспитывали его явно жёстко и директивно. Я подарил ему солдатиков, которых сделал сам.

— Вот Франц, смотри, эти солдаты с ружьями готовы за тебя жизнь отдать. Могу тебе в этом поклясться.

Мои слова, кажется его вывели из равновесия. Франц недоумённо посмотрел на меня, потом на солдат, потом снова на меня.

— Я смастерил их сам, лично, и только для тебя, Франц. Хочу, чтобы ты знал, что я с солдатами буду всегда тебя защищать.

Неожиданно Франц заплакал и обнял меня. Все стояли вокруг и не знали как на это реагировать. Но австрийский канцлер Меттерних вдруг захлопал, и хлопать стали все.

Вечером, уже после приёма рассказали о знаменитой здешней цыганке, которая якобы безошибочно предсказывает будущее. Предложили ехать к ней, что было принято однозначно, так как нахождение в этом вертепе меня стало изрядно напрягать, и явно желалось разнообразия. К цыганке я подошёл почти уже последним и протянул руку. — Что ты такое? Вот что я услышал. Поначалу подумалось, что неправильно понял старуху. А оказалось всё как есть, и это стало коробить.

— Что ты такое, я спрашиваю?!

— Вообще, меня Александром зовут, очень приятно познакомиться.

— Я не вижу тебя и не понимаю, что ты такое.

— Грубовато как-то, — не находите? Всё-таки я ваш клиент.

— Забери свои деньги. Ты...ты...Я не знаю, что ты такое...

Меня эта ситуация стала всё больше раздражать.

— А хотите, я вам погадаю.

— Ты не цыганка. Ты не можешь гадать!

— Так вы же не знаете, кто я. Может и цыганка. От такого ответа старуху передёрнуло.

— Давайте мне деньги.

— Деньги?

— Да. Я же гадать вам буду.

— Зачем тебе деньги?

— Но как же зачем. Я буду вам гадать. Бесплатно гадать нельзя, сами понимаете.

Цыганка ошалело посмотрела на меня. Держи, вот деньги. Это за весь сегодняшний день...

— Хм...Немало нынче цыганки зарабатывают.

— Держи руку. Гадай!

— Не надо руку.

— Как это не надо? Как же ты гадать будешь? По картам, что ли?

— Да вот просто...С этими словами я приложил свою руку ко лбу цыганки. Дальше уже произошло то, к чему я не был готов уже сам. Задуманная мной глупая шутка перестала быть таковой. Передо мной в голове начала проноситься куча образов: я увидел её бурную молодость, замужество, пятерых родившихся и уже умерших детей, убийство супруга, её договор с низшими силами астрала и печальную будущую судьбу. Мне захотелось ей показать всё это, — не знаю почему.

Старуха рыдала, рыдала неистово и голося. Облик её стал страшен. Растрёпанная, морщинистая, с кривым носом и перекошенной губой она пугала всех. Такое быстрое преобразование бывшей благообразной старой женщины, весь наш разговор — это шокировало буквально всех. Её помощники-цыгане, моя свита, австрийцы — все стояли с разинутыми ртами. Осознав, что натворил, я медленно обернулся и вышел из комнаты. Через пару минут, спохватившись, за мной выбежали сопровождающие.

Я не мог объяснить никому, что произошло, потому что не понимал ничего сам. Все мои размышления о данных фактах заканчивались тупиком. Странный телекинез, невероятная сила, видения и прочие явления — у меня этого не было в прошлой жизни. Я всего лишь сновидел, и всё. Магия — крайне разносторонняя вещь. Есть ещё шаманизм, викканство, каббализм, некромантия, герметизм, руничество, таро, вуду и куча ещё всего, названий чего не уместится и на пяти полноразмерных листах А 4. Так вот, я ничего, кроме сновидений и сопутствующих областей, не знаю. Понятия не имею, что со мной происходит. Не интересовался особо магией. Я историк и философ, — что бы вы там про меня там ни думали. Все мои сновидения и прочие практики — они были утилитарными. Вот нравилось мне воссоздавать во сне исторические события и сражения. Не хватало мне стратегий на ноутбуке и на приставке. Не те ощущения. Что мне прикажете теперь делать? Искать книги по магии? И так насчёт меня уже явно начинают дурные слухи ходить. Того гляди Антихристом назовут. Из-за этого захожу в каждый храм, молюсь по два раза на день, выполняю все церковные обряды. И это всё притом, что всё окружение вокруг меня ведёт фактически разнузданный образ жизни, и лишь изредка имитирует благочестие.

Поход к гадалке забылся, так как в итоге толком, что же всё такое там произошло, никто и не понял, тем более что на кону стояло совсем другое. Фактически неофициальной целью поездки был выбор невесты для Александра. Наследник же проявлял редкое безразличие к женщинам. То, что было дома, то происходило и за границей. Родители сильно беспокоились, а Жуковский продолжал писать подробные отчёты, что Саша, как обычно, безразличен к половому вопросу, но претендентки ещё не все рассмотрены. Так что пока никто толком ничего не понимал, и все надеялись на лучшее.

Тем временем 11 марта Александр со свитой въехал в великое герцогство Гессен-Дармштадт. А уже вечером случилось невероятное. Наследник неожиданно заявил, что нашёл себе невесту. Это была дочь великого герцога, принцесса Мария, которую он встретил в театре.

Я, конечно, знал о неофициальной миссии нашего путешествия. Это читалось по лицам сопровождающих словно в открытой книге. Ещё бы, — наконец-то наследник нашёл себе избранницу. Задолбали меня ещё дома с этими непонятными движениями. Вечно ко мне всяких фрейлин, служанок пихали. Дело в том, что я не был среднестатистическим человеком. На тот момент меня это не интересовало. У меня с позиции восточных духовных практик чакра прочно стоит на 6 уровне — уровне аджны или «третьего глаза». Я это явственно ощущаю. Если говорить простым языком, — то зона фундаментального интереса у меня духовно-магическая, а не приземлённая. Большинство интересов же людей сосредоточено на первой и второй чакрах, то есть физиологии и удовольствии. У начальников и бизнесменов — на третьей, отвечающей за власть и деньги. Как понять обычному человеку без способностей какая у него чакра фундаментальная? Просто, — осознать вокруг чего вращаются его мысли. Очевидно, что если человек любит читать книги, интересуется чем-то новым, то попробуй ему вместо этого предложить каждый день пьянствовать и наркоманить. Он даже не воспримет такое. Да, может иногда выпить, но это в любом случае будет стоять где-то на дальней границе его интереса. Вот и я в такой же ситуации. Мне пихают то, что меня фактически как мага-сновидящего почти не интересует.

Самое забавное слышать вопрос по типу, а присутствуют же биологические инстинкты и прочее. Вот у человека тоже есть биологический запрос питаться, но будет ли он жрать большое ведро помоев, если оно съедобное? Или какая разница между обычным индивидом и пропитым алкашом? Оба они по всем характеристикам — человек, но, по сути, между ними пропасть. Вот такая же ситуация и у меня. Когда повышается уровень чакры или меняется, соответственно, точка сборки, ты вроде бы тот же, но одновременно и другой. Тем не менее я понимал, что пара мне нужна. Почему Мария? После всей этой ситуации с попаданством я очень многое забыл. Огромный стресс, что пережил организм, привёл к практически полному вытеснению из памяти огромного количества информации. А что забываешь в первую очередь? То, что психологически воспринимаешь как несущественное. Вот и я также, — забыл практически всю техническую часть информации (а ведь я учил очень многое, например, технологию изготовления современного оружия, добычи полезных ископаемых, средств связи), практически все даты и имена, множество исторических событий. Когда понял масштаб потерь, я был в ужасе, но всё же постепенно успокоился. Если подумать, шансов запомнить даже себя прошлого было немного. Мозг младенца стёр даже прежний язык, а я тут о технологиях... Всё равно осталось главное, — я помню себя и то, что должен сделать. Когда встретил Марию, то сразу понял кто она. Это та, кто должна стать моей женой. Из всех женщин, кто был связан с прежним Александром, — помнил

только её и только в хорошем свете. Она была симпатичной, высокой и стройной девушкой. В ней не чувствовалось грязи, лжи, лицемерия. Была только стыдливость, душевная открытость и много-много наивности.

Совершили визит к герцогу. Людвиг II передал нам четыре статуэтки, символизирующие Весну, Лето, Осень и Зиму, а также красивый мейсенский фарфор.

— Как вам Дармштадт? — спросила принцесса.

— Очень красивый город!

— А наш Майн?

— Река чудесная, мы плавали по ней на лодке.

Наша судьба была решена...

Пока наследник путешествовал, государь правил... Николай работал по 18 часов в сутки и был уверен, что от этого напрямую зависит благо России. Под стать себе приближал и подобных чиновников. Николай говорил: «Мне не нужно умных, а нужно послушных!»

Как-то на обеде у Николая присутствовали графы Головкин, Бенкендорф и Киселёв. После трапезы государь оставил Киселёва.

— Вот что, Павел Дмитриевич. Мне надо обсудить с тобой дело. Ты ведь уже давно в комитете. Вопрос о казённых крестьянах сейчас явно назрел.

— Да, Ваше Величество. Любое дело, которое вы мне поручите, я исполню со всем усердием.

Ещё в семейном кругу Николай сказал: «...Я не понимаю, каким образом человек сделался вещью и не могу объяснить себе этого шага иначе как хитростью, обманом, с одной стороны, и невежеством — с другой». Так, после суда над декабристами был учреждён первый секретный комитет во главе с Д. Н. Блудовым. А потом эти секретные комитеты стали штамповаться и активно имитировать свою деятельность. Дело в том, что Николай что-то явно хотел изменить в положении крестьян, но не понимал как и что, а то что ему предлагали, он отвергал. Император одновременно и боялся крестьянской революции, и реакции аристократии, выступавшей рьяной защитницей крепостного права. Сложилась тупиковая ситуация. В результате государь решил заняться сначала государственными крестьянами, а потом уже перейти к крепостным. Выбор исполнителя дела лёг на генерала Киселёва, который ранее уже занимался устройством крестьян и вроде как в этом преуспел.

Так появилось Министерство государственных имуществ для управления казёнными крестьянами. Их насчитывалось около 8 миллионов душ, что составляло практически треть земледельческого населения. Их положение было намного лучше помещичьих или дворцовых. Они были свободны, могли заниматься торговлей, открывать фабрики и заводы, владеть землями. Киселёв вместе с Николаем решили улучшить положение государственной деревни. Малоземельные крестьяне стали наделяться землёй, им давались ссуды, создавались склады продовольствия на случай неурожая, открывались медицинские и ветеринарные пункты, но главное — стал массово высаживаться картофель.

Картофель, по мысли властей — продукт питательный, культура неприхотливая и урожайная. В России он значительно распространился лишь в эпоху Екатерины II, но сажали его только под Петербургом, так как вкус его не «зашёл», а сам он стоил дороговато.

Крестьяне в ответ взбунтовались. — Сдался нам ваш этот картохель. Поганая штука. Ещё солдат нагнали и посеяли на лучших землях. Не будем есть эту дрянь!

И вновь я в Петербурге... В стране было неспокойно. По всей России шли картофельные бунты. Новый продукт уничтожался, а чиновников избивали. Войск на подавление волнений не хватало.

Реформа государственных крестьян зашла в тупик. Вызвав Киселёва, государь устроил тому выволочку:

— ...Сознаёшь ли ты это? И чем далее от столицы, тем более беспорядка и неурядиц. В Закавказье я больше всего дивился одному: как чувство народной преданности к лицу монарха не сгладило от того скверного управления, какое, признаюсь, к моему стыду, так долго тяготеет над этим краем!.. Выходит, и в центральных губерниях не лучше!

— Могу вам, Ваше Величество, привести много больше такого рода фактов. Однако если мы обратимся, к примеру, к прошлому опыту Австрии, то увидим, что там власти также невзирая на недовольство, обратили своё внимание на устройство сельского населения. В итоге это оказало впоследствии благотворное влияние на крестьян.

— А верно ли говорят, что создаваемые учебные заведения, народ называет «киселёвскими школами»?

— Я тоже так слышал, Ваше Величество.

— Это хорошо. Героев должны знать. Ступай, я со своей стороны тебя тоже награжу.

Николай шагал туда-сюда по кабинету и обернувшись к наследнику, также присутствовавшему на докладе, но молчавшему, спросил: «Ты что насчёт всего этого думаешь?»

— Реформа неудачная. Вы это сами уже поняли.

— Это ясно. Непонятно, почему только? Все делали для блага крестьян, а они так отреагировали неблагодарно.

— Под реформу не были выделены необходимые средства и фактически крестьяне её оплачивали из своего кармана. Школы, больницы, ветеринарные пункты, склады необходимы, но опять же почему это было сделано за счёт повышения налогов на крестьян? Кроме того, для проведения самой реформы был создан целый штат чиновников — палаты государственных имуществ, окружное начальство, волостные правления, старшины, сотские, десятские и другие, — и снова оплачивать их работу должны были сами крестьяне. Насильственная посадка картофеля же в данном случае в деревне окончательно вызвала ярость. Фактически власть сама толкнула людей на бунт.

— И что же теперь делать?

— Надо убрать главный раздражитель реформы и пообещать компенсировать потери. Ведь если подумать, то картофель — на самом деле поганый продукт.

— Вкус не очень, но он может помочь стране в неурожайные годы. Россия часто страдает от такого.

— На мой взгляд, вместо этого надо улучшить обработку гречихи. Она для хранения подойдёт больше.

— Гречиху да, сажают везде. Но еда больно тяжёлая для желудка и хранить непросто. Дворяне не едят, да и зарубежом ей только скот кормят.

— Я вообще вас папенька, не понимаю. Вы всё время ругаете Запад, а сами тащите

оттуда всё. Зачем нам что-то выдумывать. Нормальная гречка, еда. Я её люблю, например. Не понимаю, что все нос во дворе от неё воротят. А для того чтобы лучше хранить, надо просто перерабатывать её в крупу, и проблемы нет. Картофель нам не нужен, — зря вообще в Россию эту мерзость завезли.

— Хм. Неожиданный взгляд на вещи. Ладно, а с остальным, что?

— Финансирование школ, больниц, складов пока убрать с крестьян. Они этот вопрос не тянут. Им надо сказать, что налогов на следующий год, как компенсация за картофель, будет вдвое меньше.

— Налог сократить? У нас в бюджете мало средств.

— Вы папенька, эти деньги на следующий год с крестьян не возьмёте. Деревня разорена, идут бунты. Зачем требовать то, что получить всё равно не сможешь. Хотя бы собрать половину от прежнего, — и то ладно, а народ будет рад.

— Да, дорого нам эта реформа обошлась. Будь она проклята.

Так, Россия сделала очередной шаг в сторону от прежней истории, но теперь это коснулось еды. Картофель перестали высаживать насильно, — это стало дело исключительно добровольным. Он так и остался второстепенным продуктом. Вторым же хлебом в итоге оказалась всё равно гречиха.

Я не жалел о своих словах Николаю. Не понимаю, что все носятся с этой картошкой. Даже в моей прежней жизни мне упорно её пихали с детства — жареная картошка, варёная, картофель фри, в мундире, пюре и чего там ещё только нет. Потом родители заставляли её сажать в огороде, поливать, окучивать, опрыскивать от колорадских жуков. А в армии в нарядах, сколько я её начистил... Пусть картофель этот едят только те, кому он нравится!

Николай в итоге пожаловал Киселёва орденом Св. Андрея Первозванного, а сделал так как посоветовал сын. Его вариант казался проще, дешевле и удобнее. Попытки вернуться к крестьянскому вопросу временами продолжались. Вновь создавались секретные комитеты, которые собирались, обсуждали, подавали государю журнал с мнениями... Но неожиданно в Европе грянули революции, и Николай окончательно решил не соваться к крепостным крестьянам. На заседании Государственного совета Николай сказал: «Нет сомнения, что крепостное право в нынешнем его у нас положении есть зло, для всех ощутительное и очевидное, но прикасаться к оному теперь было бы злом, конечно же, ещё более гибельным».

Осенью этого года наследник неожиданно начал увлекаться огнестрельным оружием и даже создаёт целый стрелковый клуб. Николай был удивлён столь не царским увлечением, но перечить не стал. Я же под прикрытием клуба затеял более серьёзное дело, — начал формировать себе команду. У меня были товарищи детства, друзья, коллеги, — но всё наше общение происходило под слишком плотным контролем. Мне необходимо было сформировать круг особо приближённых лиц, и для этого требовалась более доверительная обстановка. Мы часами разбирали огнестрельное оружие разных стран, обсуждали новинки, стреляли, и ещё — я применял свои техники НЛП и транса для внушения мне преданности и доверия. Эту практику я освоил ещё в прошлой жизни, когда ходил на восточные единоборства. Неспроста там сложился культ «учителя». Слово тренера у нас было законом, — тогда я ещё пытался анализировать, как это у него получается. Авторитет, давление, многократные повторения определённых ритуалов — ответ напрашивался сам собой. И я добавил усвоенное, но уже с более современными практиками. Итог был значимым. Команда явно выкристаллизовывалась, и это были не просто тупые исполнители,

а настоящие сподвижники, практически фанатично мне преданные и уверенные в правильности всех моих решений.

Мария прибыла в Петербург 7 сентября 1840 года. Встречать её вышли, кроме меня, папа и все придворные. Она была в очень красивом голубом шлейфе, расшитом серебром белом сарафане и бриллиантовыми пуговицами. Наряд шился для принцессы в Петербурге, — мама лично контролировала его качество. Сама же чистая, робкая и романтическая Мария очаровала всех.

Интерлюдия

Принцессе новая жизнь понравилась, хотя испытания выпали и на её долю. Когда меня только привезли в Петербург, я испытала настоящий ужас перед своей дальнейшей судьбой. Я была тут одна, вдалеке от дома и от моего любимого папеньки. Ночью я так рыдала, что у меня лицо сильно покраснело и никак не проходило. Пришлось открыть форточку и выставить лицо на зимний ночной воздух. А в итоге... У меня появилась от этого сыпь, которая испортила мне весь цвет лица. Никакая косметика не помогала её скрыть! Пришлось неделями сидеть своей комнате... Боже, как мне было стыдно. Но Саша... Он не отдалился от меня, а наоборот удвоил свои заботы обо мне. Такой чудесный Саша. Все эти дни он мне читал книги, и ещё мы разговаривали обо всём. Он такой начитанный, умный, благородный. А ещё Александр так красив, — высокий, статный, и сильный мужчина. А как на нём сидела военная форма, — ни на ком она так не выглядела чудесно. Когда он заходил ко мне в комнату, моё сердце начинало бешено стучать...

Когда я поправилась, вся царская семья ездила со мной на спектакли и балы. И тут опять несчастье... Из-за сурового климата у меня на одной щеке под глазом образовалось большое красное пятно. Когда я выходила резко на тепло, то оно становилось ещё краснее и начинало жечь. Доктора мне разрешили выезжать только при лёгком морозе. Пятно прошло лишь к весне.

Жила я в Зимнем дворце. Наша квартира с Сашей выходила частью на Адмиралтейство, частью на площадь Александровской колонны. Комнаты Александра были напротив Адмиралтейства. Первая комната была приёмная. Вторая — его личный кабинет, а потом ещё за колоннами — спальня, и одна комната, где он принимал ординарцев. Обычно, перед выходом Саши слуга распахивал двери, и выходил он вместе со своими собаками: двумя чёрными сеттерами. Странные были собаки, — я таких раньше не видела. Саша почему-то с ними разговаривает словно они люди. — Один раз даже услышала, что-то по типу того, как он у Милорда спросил: «А ты что о нём думаешь?» И собака в ответ что-то пролаяла. Я была так удивлена, что на некоторое время потеряла речь. Потом Саша, правда, мне объяснил, что это нормально — он вслух так размышляет. Интересный, Александр человек. Так вот, когда Саша выходил, мы часто шли вместе в огромную библиотеку, по сути, его второй кабинет. Там стояли высокие шкафы красного дерева с книгами. Мы выбирали там вместе произведения и читали друг другу, а ещё могли пойти гулять по залам или в самом Зимнем саду.

А ещё была моя половина. Первая комната была уборная, в целых два окна. Стены там покрыты розовой драпировкой и украшены кистями, вся мебель, портьеры, занавесы были того же цвета. Туалетный прибор и зеркало были серебряными. Вторая комната была с матовым окном — ванная. Сама купальня была из мрамора и отделялась от остальной комнаты драпировкой из синего сукна и мебель была такая же. Третья комната — большая спальня с четырьмя окнами. Три окна выходили на небольшой дворик, а одно окно на Неву.

В комнате стояла большая, красивая статуя Спасителя из белого мрамора. Все стены, занавесы, покрывало, портьеры, диваны, табуреты, экран у камина были василькового цвета. Четвёртая комната — это светло-голубой кабинет. В одном конце его стояли столик и кресла, с другого — стулья и табуретки, посередине — кушетка. Письменный стол был у стены около двери. В противоположной стене — камин, а между окон большое зеркало с бронзовой корзинкой, наполненной всегда благоухающими цветами. Пятая комната была парадным кабинетом. Она была покрыта красной с золотыми арабесками материей, здесь стоял стол с золотым письменным набором и прекрасный рояль. Шестая комната была вся цвета золота. Стены её были с золочёнными лепными разводами, а вся мебель вызолочена. Седьмая комната — белая, в углах её были большие хрустальные канделябры, вокруг стен стояли красные бархатные диваны без спинок. На середине стены между окон был крытый балкон, посередине которого стояла белая мраморная Венера.

Обычно я вставала в 8–9 часов и затем мы пили чай с Сашей, который к этому времени возвращался с прогулки вокруг озера. Утром я одевала лёгкое батистовое платье с белым вышитым воротничком, соломенную шляпу с лентами, коричневую вуаль, зонтик, перчатки и клетчатый манто. После чая мы с Александром ехали в пролётке к императрице, где вместе завтракали. Саша потом уезжал работать к государю, а я вместе с фрейлиной шла гулять пешком. После двух часов прогулки пила минеральную воду с кусочком лимона и сахаром (что почему-то многие считали странным), а потом ложилась отдыхать. После этого перерыва начинались мои занятия по русскому языку и православию. С языком у меня всё получалось быстро, — разговоры были в основном только на нем. Вечером я снова гуляла, часто мы ездили на балы и спектакли. К подготовке свадьбы меня почти не привлекали, — над этим работало уже очень много людей. Мне лишь показывали наряды и украшения для согласования. Нравилось почти всё, — подобной красоты никогда раньше не видела.

Торжество состоялось 16 апреля 1841 года. Я был в казацком мундире, а семнадцатилетняя невеста в красивом свадебном наряде с бархатной мантией, подбитой белым атласом. Наряд Марии соответствовал её положению. На ней была бриллиантовая диадема, серьги, ослепительное ожерелье и браслеты. Александра Фёдоровна смотрела на невесту сына и улыбалась. «Хорошая девочка. Удачный выбор» — думала императрица.

После венчания был обед, бал, поездка в Петергоф...

В 1842 году у меня появилась дочка Александра, а потом год за годом появлялись и остальные дети: сыновья Николай, Александр, Владимир, Алексей, Сергей, Павел и дочь Мария. Жили мы дружно и весело. Единственное, что жена, явно по чьему-то совету, убрала от себя всех красивых фрейлин. Забавно, конечно, — я не собирался изменять. Тем временем супруга всю уходила в воспитание детей, а меня всё чаще привлекали к государственным делам.

Мне уже было 25 лет, и я присутствовал на докладах министров, посещал заседания Государственного совета, Комитета министров, Финансового и Кавказского комитетов. Одновременно я был председателем комитета Петербургско-Московской железной дороги. С этой должности папенька меня упорно не снимал, хотя она мне была явно уже не по статусу, а всё потому как плачевное состояние железных дорог при мне постепенно выправлялось. Денег на строительство и ремонт дорог было немного, но я оптимизировал управленческую структуру и сильно упростил бюрократические процедуры. Через некоторое время эффективность железных дорог резко возросла, что стало вызывать удивление многих

чиновников.

Тем не менее Николай ко мне стал высказывать всё возрастающее недовольство. В сентябре 1845 года после возвращения из Германии, где на него была попытка покушения, он собрал дядей Константина, Николая, Михаила и в моём присутствии заставил их присягнуть своему внуку Николаю Александровичу, как «будущему государю». Далее произошла неприятная ситуация. Папенька заехал ко мне на дачу под Петергофом и, увидев, когда среди дня я играю в карты с Адлербергом, накинулся на меня с ругательствами и надавал пощёчин. Добило ещё то, что после этого он снял меня с железных дорог и поставил туда своего друга Клейнмихеля. Данный товарищ был невероятно лжив, вороват, невежественен, но батюшка его любил за полную, почти щенячью преданность. Такое ощущение, что тот для Николая был чуть ли не идеалом всех чиновников. Этому прохиндею всё сходило с рук. Ни разу не бывав на железной дороге, он ни чуть не удивился своему очередному назначению и со спокойной совестью за короткий срок начал успешно рушить то, что сделал наследник. Государь поручил ему ремонт Зимнего, а тот своровал так много, что в новеньком дворце внезапно обрушилась вся крыша и часть потолка. Казалось бы, — вот факты. Николай, — ты что слепой? Но нет, усердный слуга во всём обвинил нерадивых подрядчиков и даже получил за своё усердие графское достоинство.

А в Петербурге все уже не скрываясь говорили, что государь разочаровался в наследнике, что тот типа ленив, глуп и в карты только может целыми днями играть. Все придворные в один голос утверждали, что Николай вот-вот уже скоро отстранит Александра от престола в пользу Константина. Надо сказать, такая возможность была вероятна, так как мой братишка ещё в детстве одно время сильно возмущался, что не его объявили наследником. Я, дескать, родился тогда, когда папенька ещё не был государем, а он появился на свет именно в это время. Логика, конечно, своеобразная. Папенька тогда его это устремление пресёк в жёсткой форме, человек он всё-таки жёсткий, но мысли, никуда не делись. К сожалению, подобные идеи бурлили и в голове Николая.

Казалось бы, я стою на краю пропасти и надо что-то как можно быстрее предпринимать. Но скажу одно, — иногда ничего не делать лучше, чем суетиться и ломать дрова. К этому времени я уже хорошо понимал Николая. Тот бессознательно почувствовал во мне соперника и таким вот незамысловатым способом бессознательно боролся со мной. Константин, прибежавший к нему в эти дни с просьбами пересмотреть вопрос о престолонаследии, явно не улавливал общую ситуацию. Сам он к этому времени получил большую известность как большой либерал, прогрессивный человек. Костя часто злословил на многих наших царственных предков, у него был просто дар везде найти грязь, с которой он чрезвычайно любил делиться. Он не понимал, что папенька-консерватор никогда не потерпит наследника — либерала. Поэтому можно сказать, что тут нашла коса на камень. В этот момент я вёл себя, как всегда, чрезвычайно предупредительно, извинился за свою лень, ибо молод и глуп ещё и никоим образом не стал пытаться выяснять отношения. Результат был очевиден. Брат получил отворот, а ко мне отношение улучшилось. Николаю, получив вдруг такое выражение почтительности и уважения со стороны наказанного сына, стало невольно совестно.

В итоге при следующей поездке за границу Николай оставил вместо себя на управление страной Александра. Вернувшись же спустя несколько месяцев и с удивлением обнаружив, что состояния дел безупречны, написал рескрипт: «Любезнейшему сыну моему, государю наследнику-цесаревичу! Отъезжая за границу для сопутствия государыни императрицы,

родительницы вашей, поручил я вам управление большого числа дел государственных, в том полном убеждении, что вы, постигая мою цель, моё к вам доверие, покажите России, что вы достойны вашего высокого звания. Возвратясь ныне по благословению Божию, удостоверился я, что надежды мои увенчались к утешению родительского моего, нежно вас любящего сердца. В ящее доказательство моего удовлетворения жалуем вас кавалером ордена святого равноапостольского великого князя Владимира первой степени, коего надпись: „польза, честь и слава“ укажет и впредь вам, на что промысел всевышнего вас призывает для России».

Кавказ... Невероятно красивое место. Я здесь был трижды. Два раза во время Первой и Второй Чеченской компании в составе спецподразделения ГРУ, а третий — в 2022 году как обычный турист. И каждый раз у меня просто захватывало дух от красоты гор. Ощущение восторга и полноты жизни прямо переполняло. Неважно в каких обстоятельствах ты оказался там, — величие природы гор чувствуется всегда. Кавказ меня будоражит и физически, и духовно. Его красота безжалостная в своей чистой наготе, — её могут понять лишь сильные духом люди. Когда стоишь над обрывом пропасти или переходишь горные реки, ты чувствуешь себя по-настоящему живым... И вот снова я тут, — и прежние эмоции хлынули на меня потоком. В октябре папенька направил меня на Кавказ в качестве командующего гвардейским и гренадерским корпусами...

Освоившись на месте, я с небольшим отрядом выехал на разведку. Местность была сложная, труднопроходимая — как двигаться большим силам, было не до конца понятно.

— Ваше Высочество, необходимо срочно отходить. Впереди отряд горцев, — втрое больше нашего. Непонятно как сумели пройти незамеченными наши заставы, — встревоженно доложил адъютант.

— Втрое больше, говоришь. Артиллерии я так понимаю, у них нет, огнестрельного оружия мало. Отходить мы сейчас не можем. Если узнают, что гоняли сына императора как зайца, авторитет России рухнет, а Кавказ уважает только силу. Надо выступать навстречу.

Бой произошёл стремительно. Столкновение отрядов было бешеным. Мелькали сабли, звучали звуки выстрелов. Я в этот момент словно погрузился в транс. Время будто замедлилось для меня, — я уклонялся от клинков вражеских шашек, стрелял из пистолета и наносил удары кинжалом. Патроны быстро кончились, и я в каком-то словно наваждении швырнул его прочь и просто начал прыгать с лошади на лошадь, нанося удары ножом и кулаком. Бородатый здоровый воин налетел на меня с кинжалом, — и я, перехватив его руку, просто в запале оторвал её и понёсся дальше.

— Шайтан, шайтан!!! — испуганно кричали оставшиеся воины.

Разгром был жестокий. Противник был полностью деморализован. А мы продолжили свой путь, уже гнав перед собой со связанными руками, шокированного противника.

Позже, Николай попытался выяснить, что всё-таки произошло в этом бою у главнокомандующего русскими войсками на Кавказе графа Воронцова.

— Так что же там произошло, Михаил Семёнович? До меня доходят совершенно непонятные сведения.

— Боюсь, Ваше Величество, это непонятность связана с характером данного события. Дело в том, что произошедший бой невысказимо описать с позиции разумного объяснения.

— Поясните свои слова.

— Достоверно известно, что когда наследнику передали, что впереди превосходящий, по численности враг и необходимо срочно отступать, тот заявил, что Кавказ уважает только силу, и если горцы узнают, что гнали самого сына императора, то всякий к нам страх и уважение потеряют. После этих слов бой и состоялся. А то, что произошло потом, уже не поддаётся никакому логическому описанию. По словам офицеров-участников сражения, Александр поначалу стрелял из пистолета, а потом стал на дикой скорости прыгать и носиться между горцев, убивая всех ножом. Слышались только крики «шайтан», «шайтан» и

стояла какая-то атмосфера дикого ужаса и обречённости. Когда всё закончилось, он вышел из боя весь в крови горцев, держа чью-то оторванную руку. Там даже часть наших новобранцев, к стыду, надо сказать, буквально обмочилась. Горцы же просто скулили от страха, многие поседели от ужаса. Офицеры признаются, что даже у них в это время коленки дрожали, — наследник вызывал какой-то дикий страх. Вообще, в войсках сейчас об этом стараются не говорить, потому что это не вписывается ни в какие рамки.

Николай шокированно слушал доклад и никак не мог переварить услышанное. Сила наследника, о которой так часто говорили его воспитатели, оказалась даже сильно преуменьшена.

За действия на Кавказе меня предоставили к боевому ордену — Св. Георгию 4-й степени. Честно говоря, я был рад, так как данная награда даётся не по должности или званию, а только за личную храбрость. Это было приятно и потому, что младший Константин к этому времени уже получил Георгиевский крест за боевые отличия в Венгерской компании.

Государь послал навстречу Александру Паткуля, бывшего соученика Саши. Николай предупредил того: «Прежде чем вручишь крест, скажи, что я очень недоволен им: наследник русского престола не имеет права рисковать, как он изволил это сделать — чуть не попал к горцам в плен».

В России тем временем назревали опасные общественные тенденции. Под влиянием революций в Европе тематика народного освобождения принимала всё более отчётливый характер. Власть отвечала по большей части силой, так как не могла найти другого способа реакции.

Главным орудием политической стабильности было III Отделение, которое после смерти Бенкендорфа возглавил граф Алексей Орлов. Последний тем не менее отличался большой ленью и стремлением лишь к светским удовольствиям, что фактически привело к передаче всех его дел по политической полиции Л. В. Дубельту. Этот товарищ не пользовался большим авторитетом ввиду своего небольшого ума, но был довольно хитрым, проницательным, лицемерным, а главное, крайне жадным. Его умение проделывать свои дела поражало общественность того времени. Не беря взяток как высокое должностное лицо, он одновременно был крупным пайщиком в игорном деле. Дубельт также массово скупал имения и земли на имя своей жены. По словам знакомых чиновника, по отношению к подчинённым наш товарищ был груб, к посторонним — учтив, к равным себе — дружелюбен, а иногда насмешлив.

Как мог вести работу III Отделения такой человек? Ответ вытекает из его характера. Должно быть много фальши, гротеска и огромного лицемерия! В точь-в-точь как у многих наших современных чиновников. Имитировать бурную деятельность, ничего не делая, брать деньги на чьё-то имя за оказание преступных услуг...

Работать с общественным настроением, революционерами — сложно. Требуется недюжинный ум и умение анализировать меняющуюся ситуацию. Как быть, если этого нет в наличии, а работу тайной полиции надо показывать? Всё просто. Надо «найти» революционеров, «обнаружить» заговор, и ты станешь героем, а заодно оправдаешь своё высокое положение. Так, в России начался развиваться мелочный полицейский гнёт, который приводил к всё большему ухудшению отношения к власти.

В это же время мой братишка Константин донимал меня своим либерализмом.

— Смотри же Саша, всё цивилизованное общество идёт по пути принятия конституции.

Мы же остались одни в целом мире!

— И что ты предлагаешь?

— Ввести конституцию, которая бы гарантировала свободу слова, собраний, союзов, неприкосновенность частной собственности. Необходимо созвать Учредительное собрание и решить все эти вопросы.

— Тебе не кажется, что наше общество ещё не готово к таким переменам? Подавляющее большинство населения Российской империи просто неграмотны. Они ничего не понимают в политике и этим могут воспользоваться и обязательно это сделают нечистые на руку популисты, желающие за счёт красивых лозунгов достичь лично для себя власти и богатства.

— Ты, как всегда, несносен Александр. Всё ты сводишь к образованию. Если бы не знал тебя всю жизнь, то, ей-богу, подумал бы что ты какой-нибудь преподаватель. Скажу так, народ всё поймёт и без образования. Он у нас мудр в своей простой жизни, его ничем не обманешь. К тому же в конституции можно прописать незыблемость монархической власти «Божьей милостью».

Я настоятельно рекомендовал Константину остерегаться от подобных высказываний, так как наше положение пока неустойчиво, но брат был всегда слишком импульсивным... И, разумеется, в обществе постепенно распространялось мнение о прогрессивном либерале Константине и крайне консервативном наследнике. Дальнейший эпизод истории усилил подобную мысль... Дубельт внезапно «обнаружил» заговор петрашевцев. Молодёжь собиралась на негласные встречи у русского мыслителя и общественного деятеля Михаила Буташевича-Петрашевского. Эти ребята не имели революционных замыслов, в основном они занимались изучением и пропагандой социально-утопических идей Сен-Симона, Фурье и других философов. Узнав об этих встречах, Дубельт решил, что это его шанс, и дело было раздуто до необыкновенного характера. Государю было прямо доложено, что члены кружка готовят революцию в стране. Добавился сюда и крайне неприятный момент. Председатель следственной комиссии, князь П. П. Гагарин на допросе предложил от подследственного Львова сообщить следствию, что великий князь Константин предупреждал их о возможности задержания. Львов отказался. Брат, конечно, знал их и даже общался, но чтобы вот так прямо влезать, — этого не было, однако нехорошие слухи упорно ходили. И все же либералы явно надеялись на Константина. Известно было, что он добился снятия опалы с сочинений Гоголя, Хомякова, растрогался, прочитав тургеневские «Записки охотника» и даже небезуспешно просил освободить Николая целый ряд оппозиционеров.

Либералы были недовольны лишь наследником, который не выказывал никакого к ним расположения, и даже, по слухам, просил своего папеньку расстрела некоторых декабристов или отправления их на Камчатку. — Это будет настоящий тиран, хуже самого Николая, — уверенно заявлял среди своих приятелей-социалистов В. С. Курочкин. — В молодые годы все говорят о свободе и прогрессе, а этот уже в таком возрасте не только не высказывает никакого сочувствия, а действует ровно наоборот. Россия при Александре падёт в пропасть. Как же не везёт нашей стране на правителей, — тираны да мучители, а наследник будет явно одним из самых жестоких из них.

Голубые мундиры жандармов в то время были ненавистны всем. Их презирало и ненавидело всё общество, и даже высшая аристократия смотрела на них с плохо скрываемым чувством брезгливости. В это время быть оппозиционером становилось модным, прогрессивным. Ими восхищалась вся молодёжь, таких любили девушки.

Но это все внутренние дела. Русские императоры традиционно интересуются в

основном лишь внешней политикой, пренебрегая внутренними проблемами.

В январе 1853 года в Михайловском дворце был балл. Принимала гостей великая княгиня Елена Павловна. Обстановка была великолепно. Колонная галерея, скульптурная лепка по стенам, огромный ослепительный зал. Съехалась вся элита петербургской аристократии, дипломатический корпус, послы зарубежных стран. Все разговаривали на французском, — такова была реальность. Лучшие слои русского общества презирали свой родной язык, считая его варварским, мужицким.

Николай зашёл во дворец своим обычным надменным видом и пристальным взглядом, от которого как можно скорее хотелось спрятаться подальше. Поздоровавшись с хозяйкой, государь уточнил здесь ли английский посол, и услышав утвердительный ответ, направился прямо к нему.

После коротких обменов приветствий с видными аристократами он задержался у посла, пригласив его для частного разговора в отдельный кабинет. Беседа... Сэймур был человек опытным и прекрасно знал характер императора, а вот Николай... тот — был наивен. Парадоксально, но государь в это время серьёзно полагал, что посол от него в восхищении, а сама Англия для России является союзницей. Николай твёрдо был уверен в том, что Лондон поддержит его при решении Восточного вопроса, а именно при разделе Османской империи. При этом он считал, что Франция сюда вообще влезать не будет, так как у той не было явных интересов на Ближнем Востоке, а в союз вечных противников Англии и Франции просто представить не мог. Более того, по мнению Николая, Австро-Венгрия и Пруссия вообще должны были быть надёжными союзниками России, так как последняя помогла им при подавлении недавних революций в этих странах.

— Турция — это словно больной человек! Надо решать с ней, — с ходу заявил государь.

— Не совсем понимаю, Ваше Величество.

— Буду говорить прямо. Молдавия, Валахия, Сербия, Болгария должны стать самостоятельными от Османской империи государствами под уже нашим протекторатом. Если в ходе конфликта, так случится, Константинополь также окажется в наших руках, то мы там водворяться не будем, если только в качестве временного охранителя.

— Это значительные притязания Российской империи, Ваше Величество.

— Послушайте, взамен я готов отдать Англии Египет и Крит. Считаю это вполне достойным обменом. Желаю обменяться с вашим правительством соответствующими свободными мнениями.

Николай обладал удивительной способностью игнорировать ту реальность, которая его не устраивала. К тому времени у него были в наличии и данные разведки, и данные дипломатического корпуса, которые однозначно говорили о том, что для России внешнеполитическая ситуация резко ухудшилась. Особенно в этом плане Николая раздражала разведка, так как туда по просьбе наследника были впихнуты несколько кадров, которые давали сведения просто оскорбительного характера. — Зря только пошёл навстречу сыну. Вечно просит за кого-то из друзей своих. Уже кучу людей своих запихал и в разведку, и в III Отделение, и в правительство. Нельзя же так, в конце концов. И ладно бы нормальными, как все, были. Нет ведь вечно что-то мутят, выявляют какие-то придуманные ими же недостатки. Всё влияние сына... Он у меня тоже критик какой-то, словно учитель. То надо исправить, это не так. Невозможно быть всему идеальным, — будешь исправлять часто, так поломается. А Александр всё своё талдычит: «Папенька, устрой его, пожалуйста. Он послужить хочет». И ведь приходится принимать, а то потом скажет, что я его позорю перед

друзьями, которым он обещал'. Но всё равно, как приходится иметь дело с его друзьями, так хоть волком вой. И ведь в отставку отправлять их сразу нельзя, — сын сразу примчится и начнёт оправдывать дурацкие товарищеские неприятные люди. Вот и этот дружок сына из разведки Яков Толстой написал вдруг, что ему достоверно известно, что Англия имеет планы «уничтожить русский флот и сжечь Севастополь». Откуда он такую глупость вообще вытащил? А этот его Паскаль из Франции, — тот вообще прямо доносит, что против нас настроены ещё Австро-Венгрия, Франция и Пруссия. — В мусор их донесения, — настроения только портят своим бредом. Вот с кем работать приходится из-за наследника, — не умеет подбирать нормальных людей. Государь в это время даже не осознавал, что Александру в данный момент было не до карьеры своих друзей, и тем более не до внешней политики. Он вообще ничего не хотел слышать и знать.

Наследник получил тяжёлый удар в семье и горевал... Умерла от менингита Александра, его первый ребёнок и единственная дочь, не дожившая до своих десяти лет. Дочурка была его отрадой и главной любимицей. Я называл её Линой. Моя красавица с голубыми глазами и золотистыми локонами часами молча сидела у меня в кабинете просто для того, чтобы побыть рядом. Она была так похожа на свою мать, такая же чистая, светлая душа. Когда я освобождался от дел, мы с Линой и маленьким Николаем вместе играли, а ещё я им читал сказки. Дочка в этот момент держала мою руку и никак не хотела её отпускать. Она очень любила ездить с нами на прогулку в открытой коляске, присутствовать на спектаклях и возиться с младшим братом. Лина была ласковым и подвижным ребёнком, и просто обожала своего папу, целуя не только его, но даже его портрет, стоявший у столика на кровати. Болезнь забрала её стремительно. Супруга бесконечно плакала, а у меня на душе была словно огромная дыра. Боль, ужасная боль... Я поместил засушенный цветок из её похоронного венка в свой дневник. Моего ангела больше не было со мной...

После первого разговора Николая с Сеймуром последовали ещё два, а ответом в итоге был отказ Лондона. «Тем хуже для самой Англии!» — решил государь.

Николай был крайне честолюбив, он желал затмить своего брата Александра I, победившего Наполеона. Вдобавок государь внутренне, по его словам, ощущал поддержку Бога во всех его действиях. Разгром восстания декабристов, приход Николая Чудотворца во время холеры, спасение Зимнего дворца, успокоение картофельных бунтов — всё это, с точки зрения Николая, было явным примером божественного покровительства императора.

Тем не менее даже решив начать войну, Николай старался соблюсти все приличия. В столицу Турции Константинополь было послано посольство во главе с князем Меншиковым. Этот товарищ меньше всего подходил на такую должность, так как слова «деликатность», «обходительность» ему, похоже, были вообще неизвестны. Он не только не поклонился султану, как было положено по этикету, но и стал в разговоре с последним откровенно хамить. На самом деле, договориться в то время с Портой было возможно, она явно не желала войны и была готова идти на уступки. Но после такого... Кроме того, в Константинополе Меншикову противостоял на дипломатическом поприще английский лорд Стэтфорд-Рэдклиф, опытный и образованный дипломат, который не допускал никаких ошибок в проведении линии Лондона.

В результате переговоров ультиматум Николая был отклонён. Если требования императора предоставить преимущественные права в святых местах православной церкви, правительство Турции ещё могло удовлетворить, то требование России передать ей право покровительства всем православным подданным султана было просто невозможным, так как приводило к потере Османской империей суверенитета над значительной частью государства.

В 1853 году был издан манифест Николая о войне с Турцией. Русские войска перешли р. Прут и заняли Дунайские княжества. В ответ на это уже 31 июля 1853 года представители Великобритании, Франции, Пруссии, Австрии приняли в Вене ноту, которая содержала требование немедленно покинуть занятые территории и остановить агрессию. Николай проигнорировал этот документ, что лишь обострило ситуацию. Начались русско-турецкие бои на Дунае и Кавказе, а в ноябре произошло Синопское сражение, где эскадра под командованием вице-адмирала Нахимова уничтожила слабый флот Осман-паши. После этого в Чёрное море вошли английские и французские эскадры для защиты турецкого флота. В январе-феврале Англия и Франция отправили России ультиматумы с требованием убраться из Турции, что отверг Николай. В марте 1854 года Англия и Франция объявили России войну. Русский император внезапно осознав, что тучи сгущаются, обратился к Пруссии и Австрии с просьбой сохранять нейтралитет. Они же, напротив, потребовали вывода русских войск из Дунайских княжеств, грозя объявлением войны. Данное требование шокировало Николая, и он был вынужден его удовлетворить, опасаясь оказаться в полном кольце врагов.

Русские войска к такой войне подошли совершенно неподготовленными. Привычка Николая вмешиваться во все государственные дела, его чрезвычайный консерватизм, а также стремление окружать себя лишь послушными, безынициативными людьми привело армию к серьёзным проблемам. Основная масса русских войск была вооружена гладкоствольными

ружьями, стрелявшими на расстоянии до 300 шагов, в то время как противостоящие нам силы имели на вооружении по большей части нарезное оружие, имеющими дальность до 1200 шагов. В этом плане английская винтовка Энфильда и французский штуцер Тувенена на голову превосходили русское пехотное оружие 1845 года. Подготовка русских войск была откровенно слабой. На стрелковое обучение выдавалось лишь 10 патронов в год. Говорить о какой-то меткости в стрельбе при этом обучении выглядело просто кощунственным. Более того, консерватизм Николая приводил к тому, что упорно считалось необходимым отдавать внимание штыковой атаке и действиям в сомкнутом строю, что уже устарело. Паровых линейных кораблей в русском флоте, в отличие от английского и французского, вообще не было, что уже явно выводило на мысль об отсталости военно-морского флота. Санитарное состояние армии было отвратительным. Даже в мирное время смертность рекрутов по невоенным причинам просто зашкаливала. Как вообще можно было решиться на войну при таких обстоятельствах? Ответ очевиден, — неграмотность и глупость.

Какова была роль наследника в начавшейся войне? Весьма незначительная. Государь в приказном порядке запретил ему участвовать в военных действиях. Было опасение и за жизнь наследника, и пресловутая ревность в делах, особенно военных, а ещё Николай с офицерами опасался за психику Александра. Приближённые ему прямо заявляли, что такого просто не может быть, что, убив так много людей на Кавказе, наследник расслаблен и спит словно дитя. Не может нормальный человек не испытывать переживаний после такого. Это выходит за рамки любого понимания. Подозревали, что продолжение военных действий может сделать Александра кровавым маньяком.

В это время я понимал, что ситуация с начавшейся войной явно выходит из-под контроля. Папенька запретил мне ехать на войну и лезть в армейское управление. До меня также доходили и некоторые слухи о моей кровожадности... Последнее не удивляло. В боевых действиях личность человека всегда раскрывается. Тут сложно что-то скрыть. Ещё в прошлой жизни столкнулся с тем, что не испытываю сильного страха, переживаний, посттравматического расстройства. По факту я боялся потерять душу в астральных столкновениях, но никак не умереть биологически. Людям этого не объяснишь... Меня считали ненормальным и в прошлой военной жизни. Как-то я в боевой операции, прокрался в дом и ликвидировал трёх боевиков, ужинающих за столом. Поскольку я не ел тогда уже сутки, то просто сел рядом с трупами и доел то, что было на столе. Зашедших в дом моих сослуживцев, подобная картина почему-то сильно возмутила. Были и некоторые другие схожие моменты, из-за которых отношения в коллективе у меня не сильно складывались. А ведь главное, что в отличие буквально от всех я не разговаривал матом, был предельно вежлив, собран и тактичен. Им не нравилось это. Они не понимали, почему я вроде такой спокойный и интеллигентный, и в то же время настолько леденяще безжалостен. В итоге я и застрял на звании капитана, хотя давно его перерос. Меня не убирали, поскольку я был крайне эффективен во всех операциях, но в то же время не повышали, потому что не понимали, чего от меня можно ожидать. Это раздражало ещё с детства. Считая меня «не таким», люди одновременно сами притворялись другими. Так, у меня и стала складываться нелюбовь к лицемерию. Я не был социопатом, так как испытывал все обычные эмоции: любил, жалел, страдал... Но в то же время я всегда подчинял себя цели и долгу. Это позиция стоицизма, — быть невозмутимым и подчиняться судьбе. Большинство людей, когда на них наваливаются беды, режут словно нагруженные большим весом ослы. Я же выбираю путь

безжалостности. Зачем ныть, сомневаться, переживать, если ничего нельзя исправить? Надо действовать, ибо всё решено. Мне легче так жить, — это моя суть, и именно это моя черта характера всегда отвергается окружением.

Осознав невозможность действовать на войне напрямую, я выбрал решение делать то, что могу. А что делать, когда враг наступает?.. Правильно, — готовиться к обороне... Тем более что враг наступал по всем фронтам. В империи в это время всё рушилось. Неудачи в начавшейся в войне, привели к росту оппозиционного движения. Стали создаваться уже настоящие революционные организации, и это вместе с возможностью военного поражения ставило Россию на грань пропасти. Понимая невозможность наступательных действий, я выпросил у Николая финансирование для разработки и внедрения появившихся мин Якоби, которые на тот момент мне показались перспективными. Государь выделил мне деньги по типу, чёрт с тобой, страдай ерундой и занимайся дурацкими бочками с порохом, но не лезь в военные дела. Вторым фронтом оборонительной работы мне виделось образование, — себя всё-таки никуда не денешь, — я прежде всего преподаватель. Начал писать учебники по философии и обществознанию, которых на тот момент в стране просто не было. Всё заменялось законом Божьим. Неудивительно, что этот вакуум мысли был быстро занят революционной идеологией. Так сделав свой очередной выбор, я стал спокойно наблюдать за продолжающейся катастрофой.

На протяжении 1854 года флот Англии и Франции нанёс удары по русским портам на Чёрном и Азовском морях, Русском Севере, на Камчатке. Русские войска, в свою очередь, смогли немного продвинуться на Кавказе, оттеснив турецкие силы.

В сентябре 1854 года Англия и Франция высадили 61 тысячу солдат в Евпатории. 8 сентября 1854 года русская армия потерпела поражение на р. Альме, после чего отошла к Севастополю, а от него к Бахчисараю. 14 сентября противник захватил Балаклаву. По приказу главнокомандующего А. С. Меншикова у входа в бухту в Севастополь были затоплены русские корабли для перекрытия пути прохода более совершенным, в военном плане судам противника. 5 октября 1854 года начались бомбардировки Севастополя. Тем временем Меншиков получил подкрепление, но самолично оставил позиции и передал функции главнокомандующего Данненбергу. Меншиков, обладая превосходящими в численном плане войсками, вёл себя нерешительно, пассивно, больше всего опасаясь сделать ошибку. Он не обладал полководческими способностями, что начал явно осознавать. Но такое внезапное оставление своих функций главнокомандующего перед началом битвы под Инкерманом, привело к ещё большим проблемам. Данненберг не знал местности и не имел даже нормальной карты. Он поменял диспозицию русских войск, что привело к неразберихе. Подчинённые ему генералы Павлов и Соймонов были окончательно сбиты с толку противоречивыми приказами. В начавшейся битве 37 тысяч русских солдат атаковали 8 тысяч англичан. Те обратились за помощью к 8-тысячному французскому отряду. Одновременно с этим генерал П. Д. Горчаков, стоявший во главе Чоргунского отряда с 20 тысячами солдат и должный этому противодействовать, просто бездействовал. В результате битва закончилась разгромом и отступлением русских войск. Наши потери составили 12 тысяч человек, а враг потерял вдвое меньше. Так, противник с небольшими силами побеждал превосходящие русские войска...

Все эти события Николай очень тяжело переживал и ушёл в депрессию. Он перестал даже подниматься к себе на третий этаж и занял небольшую комнату на первом этаже. Именно в этой в скромно обставленной комнате на железной кровати, с набитым сеном,

тощим тюфяком, он и заболел простудой. Казалось бы, надо просто лечиться, — это всего лишь простуда. Однако государь даже с поднявшейся температурой отказался это делать и поехал на смотр полков. Он словно сознательно вредил своему здоровью. В итоге... Николай слёг с воспалением в постель. Ночи он проводил без сна, а печальные известия, приходившие с фронта, угнетали его. Внутренний жар нарастал.

В ночь с 17 на 18 февраля императору предложили причаститься.

— Позовите ко мне моего старшего сына, — приказал государь. — И известите остальных детей и императрицу.

— Папенька! — сказал я, взяв обеими руками холодную руку отца.

— Что ж тут поделаешь... Хотел оставить тебе царство мирное и устроенное. Бог судил иначе... Служи России!

В полном сознании император исповедался, приобщился Святых Тайн, благословил близких.

— Государь, тихо сказала на ухо Александра Фёдоровна. С тобой хотят проститься Юлия Баранова, Екатерина Тизенгаузен и Варенька Нелидова.

— Нет, дорогая, я не должен их видеть. Оставьте меня.

Когда священник благословил его, он сказал:

— Я никогда не делал зла сознательно...

Агония была мучительной.

Через несколько часов после смерти Николая собрался двор для принятия присяги. Брат Константин произнёс её громко. «Я хочу, чтобы все знали, что я первый и самый верный из подданных императора».

Похороны состоялись 6 марта... А уже на следующий день новый государь принял на себя командование и выехал в Крым.

На фронте Александр, по словам современников, показал себя человеком решительным и безжалостным. Железной рукой был наведён порядок. Были переданы под трибунал Меншиков, Данненберг, Горчаков, нормализовано снабжение русских войск, подтянуты резервы.

— Переходите к первому этапу, — отдал приказ Александр Милютину.

Через несколько дней начались взрывы вражеских кораблей. Англо-французский флот неожиданно наткнулся на «адские машины» и на Балтике, и на Чёрном море. Мин было много, и они ставились прежде всего на путях следования врага. В течение недели затонуло больше 30 кораблей. Но противник учился быстро. Мины были ещё примитивными, — их можно было тралить. «Адские машины» стали взрывать, оттаскивать, но они всё равно сильно мешали и периодически взрывали неосторожные суда.

— Переходите ко второму этапу, — приказал государь.

— Вы уверены Ваше Величество? Это нарушение правил и обычаев войны.

— Дмитрий Алексеевич об этом знают 7 человек. Если правда всплывёт, то умрут все, включая их семьи.

— Как скажете Ваше Величество.

В течение следующей недели в лагере противника неожиданно распространилась жестокая холера. Да, вы все правильно поняли. Александр отдал приказ со всеми предосторожностями выкопать холерные ямы, которых в России было немало и отравить водоёмы противника.

Количество больных среди англо-французских войск росло каждый день, но отступить

никто не собирался. Подтягивались резервы, создавались закрытые полевые лечебницы.

В ставке противника тем временем пытались разобраться со свалившимися на них как снежный ком, проблемами.

— Что будем делать господа? — спросил командующий английским экспедиционным корпусом Раглан.

— Ситуация прескверная. Корабли продолжают наткаться на мины. Откуда вообще появились эти «адские машины»? Мы их научились тралить, но русские приловчились их ставить по ночам, так что на рассвете движение бывает затруднено и взрывы кораблей продолжаются. Ещё и холера эта, чёрт бы её побрал. По-хорошему надо сворачивать компанию, — высказался Сент-Арно, командующий французскими экспедиционными силами.

— Если уйдём с Крыма, то война будет проиграна, — недовольно заявил Ахмет-паша, командующий турецкими силами.

— Мы уйдём, но на наших условиях. Надо взять Севастополь и потом диктовать свои требования, — успокоил турецкую сторону Раглан.

— Это приемлемо, — согласился Ахмет-паша.

— Значит так, предлагаю усилить атаку Севастополя. Все силы концентрируем на нём. Падение черноморской военной базы станет поражением русских войск. После этого мы навяжем им свои условия.

В русской ставке же обстановка была спокойной и организованной. Александр выстроил жёсткую дисциплину и личную ответственность каждого командира. Каждый знал, что он конкретно должен делать и что будет ему лично, если он не выполнит свою задачу.

— Переходим к третьему этапу, — приказал Александр после того, как ему доложили об усилившихся атаках противника на Севастополь.

В течение ночи под должным прикрытием русские войска отошли от Севастополя. Утром же туда массой хлынули англо-французские войска. Они были воодушевлены, так как им было сказано, что война закончится с падением отчаянно сопротивляющегося Севастополя. Противник занял все ключевые здания и высоты города, но вдруг...раздался гигантской силы взрыв. В тайных подземных коммуникациях города, так щедро настроенных во время оборонительных боёв, было заложено гигантское количество мин и бомб. За одним взрывом последовали остальные, — весь Севастополь горел, а вместе с ним горели англо-французские войска, оказавшиеся в огненном капкане. Зрелище было ужасающим. Запах горелого человеческого мяса чувствовался даже на значительном расстоянии.

Деморализация союзников была полной. Не было ни сил на продолжение войны, не было даже возможности сохранить какое-то приличие. Оставшиеся англо-французские корабли ушли от Черноморского побережья России. Но и на этом страдания их не закончились. Вернувшись домой, — они распространили холеру, которая словно пожар, разошлась по всей Европе... Так начиналось правление нового императора России...

Возвращение домой с фронта показалось мне долгим. Я сильно соскучился по жене и детям. При входе в Зимний я вдохнул привычный воздух, — пахло ароматическими свечами, духами и мундирами. Мария с Николаем, Александром и Володей набросились на меня с радостными воплями. Сыновья очень разные. Николай умён и поражает своими способностями учителей. Александр невероятно силен для своего возраста и крайне упрям, а Володя на удивление властен и амбициозен. Я любил их всех. Они были частью меня самого. Мы пообедали, а потом с ребятами поиграли в серсо. Это игра такая в обруч, когда его особой палочкой подкидываешь в воздух и затем ловишь на свою или другую, если в ней несколько участников. На следующий день ходили на рыбалку... Жаль, что семейная жизнь государя очень ограничена во времени. Россия требует внимания правителя буквально ежечасно.

На меня после приезда обрушилось огромное количество просителей, докладчиков. Несли документы, запросы и прочее... Созданная русскими императорами система ручного управления меня не устраивала. Почему всё настолько неэффективно и громоздко? Император должен решать буквально мелкие вопросы. Тем не менее я не стал рубить сразу сплеча, и решил вводить изменения постепенно.

После поздравлений с удачными военными действиями в Крымской войне неожиданно меня попытались продавить. Чиновники просили облегчения жизни и ликвидации запретов Николая. Говорили о необходимости разрешения носить усы и бороды, которые запрещал прежний государь, просили разрешения курить на улице, ввозить книги из-за границы, снизить плату за заграничный паспорт с 500 до 5 рублей, желали гласности прессы и даже подавали проекты освобождения крестьян.

Я всегда желал свободы стране, но в то же время не хотел никакой анархии. Так что мои первые решения озадачили окружение, поскольку из них невозможно было понять до конца консерватор ли новый государь или либерал. Я разрешил носить усы и бороды, но потребовал, чтобы в официальных учреждениях соблюдался строгий дресс-код, курить в общественных местах я запретил под угрозой высоких штрафов, но допускал личное употребление сигарет и трубок, книги было разрешено ввозить, но только художественные и научные (никакой пока философии, религии и прочего чтобы могло будоражить неподготовленную общественную мысль), гласность прессы и впредь не допускалась (Александр не видел общество подготовленным к подаче свободной информации), цена же заграничного паспорта не только не уменьшилась, но и возросла до 5 тысяч (в данный момент была лишняя опасность взаимодействия с революционными кругами Европы).

После смерти Николая появилась масса обличительной литературы, а главное, пошло множество политических разговоров, которые хлынули словно бурлящий поток. Дамы и господа, студенты и школьники, военные и чиновники, крестьяне, мещане, купцы все вдруг начали решать государственные вопросы. Одни требовали полную замену старых порядков новыми, другие желали частичных перемен, третьи пугались изменений, четвёртые призывали усилить царскую власть для сохранения порядка, пятые говорили, что Россия убогая, нецивилизованная страна и мечтали покинуть её.

Новый государь действовал крайне аккуратно и не стал сразу же менять правительство и всё окружение. В первые дни были отправлены в отставку лишь одиозные военный

министр Долгоруков, глава тайной полиции Дубельт и главноуправляющий путей сообщения и публичных зданий Клейнмихель, что вызвало всеобщую радость, так как воровство и жестокость данных товарищей была известна уже всей стране. Но даже этот факт понравился не всем.

— Сын, как можешь ты удалять с правительства таких преданных и усердных чиновников? Их выбрал твой отец! — возмущено заявила мне постаревшая Александра Фёдоровна.

Удивительно, что несмотря на многочисленные измены Николая, она сохраняла свою наивность и веру в покойного супруга.

— Каждый правитель подбирает собственную команду, мама. Это естественный процесс. У меня нет претензий к этим достойным мужам, но в данном случае мне хочется работать с другими людьми.

Маменька успокоилась, и простодушно рассказала об ответе Александра своим подругам. Уже на следующий день весть о том, что новый государь не наказывает, а лишь формирует свою команду, разлетелась по всем Петербургу. Часть чиновников выдохнула, так как не понимала, что ждать от нового императора, никогда ясно не высказывавшего свою позицию. Тем не менее общество ждало от Александра слов о будущем, а он молчал... Не время было, — внешняя угроза продолжала висеть над страной.

В декабре на совещание в Зимнем собрались члены Государственного совета Нессельроде, Киселёв, Орлов, Воронцов, Блудов и Милютин, приближённый к государю лишь в последнее время. На встрече присутствующие были ознакомлены с присланным ультиматумом Австрии. Последняя требовала нейтрализации Чёрного моря (запрета иметь там военный флот, мины, арсеналы, крепости), отказа России от протектората над Молдавией и Валахией, свободе плавания по Дунаю, согласии России на коллективное покровительство всех великих держав живущим Турции христианам и христианским церквям. Документ также включал общий пункт Англии и Австрии о возможности выдвигать к России новые претензии для «соблюдения мира».

Для большинства из присутствующих не было тайной, что мирные переговоры ведутся активно. Несмотря на победу России в Крымской войне, противники сдаваться не собирались, и в настоящее время шла работа над организацией новой коалиции против нашей страны. Отказ России от переговоров однозначно приводил бы к новой войне. Канцлер Нессельроде и министр военных дел Милютин высказались за принятие четырёх пунктов, а от пятого, по их мнению, следовало отказаться. Киселёв, Орлов и Воронцов предлагали согласиться с требованиями, указывая на то, что продолжение войны может окончательно подорвать финансы и хозяйство страны. Блудов высказался против всяких уступок и требовал продолжения войны с целью объединения всего славянского мира под знаменем России. В противовес Блудову Киселёв добавил, что в случае проигрыша новой компании, когда против нас будет воевать ещё и Австрия, империя может лишиться Финляндии, Кавказа и Польши. Такова была международная ситуация для России. Николай своим высокомерием, беспардонным вмешательством в дела других государств, повсеместным подавлением революций даже там, где его об этом не просили, настроил против себя всех. У нас не было ни одного союзника, — Россия осталась совершенно одна, и это было ясно абсолютно всей Европе, желавшей поставить на место зарвавшийся Петербург.

Общественное же мнение России после победы в Крымской войне вообще ничего не

хотело слышать о переговорах. Все ликовали, утверждая, что русская армия оказалась сильнее трёх армий вместе. Считалось, что раз мы победили англичан, французов и турков, вместе взятых, то именно мы должны диктовать свои условия.

Разумеется, население страны не понимало, что эта победа была достигнута не за счёт военного превосходства России, а благодаря безжалостному коварству их императора. Впрочем, этого вообще почти никто не знал, за исключением лишь Милютина и ещё отдельных товарищей из III Отделения. Франция и Англия же полагали, что отсталой и военном плане Российской империи просто чудовищно повезло, и это надо как можно скорее исправить, чтобы она осознала своё настоящее место, а заодно оплатила все издержки войны, которые оказались, на их взгляд, чрезмерными.

В этот момент я чётко осознал, что заниматься переговорами мне придётся лично. Слишком многое стоит на кону, чтобы отпускать данную ситуацию на самотёк. Если идти резко против общественного мнения, то авторитет правительства рухнет, а обороноспособность страны на южном фланге обнулится, а если же отказаться от ультиматума, то Россия вступит в войну, к которой она не готова и последствия последней будут непредсказуемы. Требовалось найти адекватный выход, который в моём окружении никто так и не смог предложить.

В Париж на переговоры поехал Александр, старый и опытный дипломат, барон Бруннов, молодые адъютанты Шувалов, Альбединский, Левашов, а также небольшая обслуживающая свита. Всей подготовкой к переговорам занимался Бруннов, а адъютанты использовались для передач депеш, меморандумов, встреч и проводов иностранных делегатов. Поначалу они по молодости подумали, что у них будет время на посещение театров, балов и местных достопримечательностей, но были глубоко разочарованы полным отсутствием такой возможности. Александр загрузил их по полной. Он не только заставил их работать по прямому назначению, но даже обязал под дипломатическим прикрытием закупать станки, оборудование, технические книги для России, и даже рассылать приглашения зарубежным учёным для работы в империи. Эти три месяца командировки запомнились помощникам Александра как ад, так как возвращались они в гостиницу обессиленные ближе к ночи, а утром всё вновь повторялось.

Сам же государь практически не привлекал к себе никакого интереса общественности. Он не посещал театров, ресторанов и балов, а занимался исключительно деловыми вопросами. 23 февраля я был принят Наполеоном III. В беседе с французским императором Александр к неожиданности для первого начал говорить о том, что Россия стремится исключительно к миру, а Францию рассчитывает видеть в качестве своей защитницы. Эти слова Александра поставили Наполеона III в совершенный тупик и расстроили ему вск заготовленную речь с требованиями выполнения европейского ультиматума. Дело было ещё и в том, что Николай отказывался называть французского императора «братом» как обращались друг другу все государи, а называл его «другом», из-за того, что последний пришёл к власти как президент, а потом совершил переворот и объявил себя императором. Новый русский император же с ходу обратился к нему: «Мой дорогой брат». Далее же отвесил кучу любезностей и даже обратился к Франции, словно та стоит выше России, чего никогда просто не бывало.

Наполеона III при жизни современники называли «вором с ножом за пазухой, взобравшимся на трон Франции». Племянник Наполеона I установил в стране авторитарный полицейский режим, арестовавший недовольных людей сотнями. Власть

самопровозглашённого императора была очень хрупкой буквально на всех уровнях. Международные документы говорили прямо, что Бонапарты не имели права на престол, а внутренняя оппозиция, опираясь на это, утверждала, что новый император является узурпатором, и устраивала заговоры. Александр решил сыграть на этой коллизии.

— Россия в моём лице полагает, что для сохранения мира в Европе требуется пересмотр Венского трактата.

Этот документ был огромной занозой для Наполеона III, так как в нём династия Бонапартов прямо исключалась из французского престолонаследия.

— Признаться Александр, удивлён вашей мудрости. На самом деле положения давно устаревшего Венского трактата уже никак не соответствует существующей реальности. Мы будем рады, если ваша страна поддержит нас в этой позиции.

Тем не менее Наполеон не был простаком, — он понимал, что Россия слаба, а ему нужно то, что он покажет общественности как заслугу Франции, раз уж ультиматум его страна не станет поддерживать.

— Александр, нас беспокоит положение Польши. Есть подтверждённые данные о преследовании католической церкви и польских оппозиционеров.

— Мой дорогой брат, мы понимаем ваше беспокойство за Польшу и благодарим Францию за это. Действительно, царство Польское досталось нам в начале XIX века и там до сих пор не столь гладко, как хотелось бы. Но я твёрдо стою на том, чтобы католическая церковь в Польше получила так желаемую ей свободу, и вы в этом можете быть уверены. Что же касается польских оппозиционеров, то тут вопрос несколько сложнее, но даю слово, что вопрос будет решён в течение ближайших трёх лет.

— Очень рад Александр, что мы с вами нашли общий язык. Наши страны издавна дружны, у нас общая культура и история. Мы будем надеяться, что наш будущий мир ничего не омрачит.

Встреча с премьер-министром Пальмерстоном оказалась сложнее. Этот государственный деятель был хитёр, умён и крайне циничен, а сама Англия занимала крайне жёсткую позицию по отношению к России.

— Лондон требует выполнения всех условий ультиматума, в противном случае последствия для Петербурга будут весьма плачевными.

— Понимаю вашу озабоченность европейской безопасностью, лорд Пальмерстон. Судьба Великобритании как крупнейшей державы мира следить за сохранением мира. Но согласитесь, что дальнейшее продолжение войны не пойдёт на пользу нашим державам.

— Против России ныне объединена вся Европа. У вас нет ни союзников, ни ресурсов противостоять нам.

— У Лондона несколько устаревшая подача информации. Франция, как вы знаете, отказалась от европейского ультиматума. Ваше положение тоже весьма неустойчиво. Потери, которые понесла Англия, в Крымской войне велики. Продолжение же войны без такого крупного союзника, как Франция, может серьёзно ослабить положение Англии на международной арене. К тому же когда война приобретает размах, то часто так случается, что некоторое оружие начинает слишком распространяться по всему миру. Такая же ситуация может случиться, например, и с минами Якоби, которые из-за проблем с безопасностью, внезапно могут оказаться в руках недругов Англии, либо даже на важнейших торговых путях британских кораблей. Всё это серьёзные убытки, которые не сможет компенсировать даже военный успех Британской державы.

После данных слов в глазах Пальмерстона мелькнула ярость, но он был политиком с большим опытом и поэтому быстро справился со своими эмоциями.

— Признаюсь, в ваших словах есть резон, Ваше Величество. Возможно, продолжение военных действий в нынешних условиях и будет не совсем уместным. Тем не менее мы должны обезопасить интересы нашего союзника — Османской империи.

— Полностью согласен с вами, лорд Пальмерстон. Безопасность Турции, как серьёзного регионального игрока не следует сбрасывать со счетов. Мы должны приложить к этому всевозможные усилия. В данном случае Россия готова отказаться от своего прежнего требования покровительства православным подданным Османской империи и не будет также требовать передачи ей православных святынь. Более того, мы отказываемся от претензий на протекторат в отношении Молдавии и Валахии, полагая, что Турция впредь будет терпимее в отношении своих немусульманских подданных.

— Это приемлемо. Остаётся вопрос относительно турецких территорий. Россия захватила в ходе войны крепости Карс, Баязет, Олты, Ардаган и Кагызман.

— У Англии не совсем верная трактовка информации. На Кавказе не было прямой атаки русских войск. Мы действовали активно в Дунайских княжествах, и сразу же оттуда ушли, после призыва к этому великих держав. На Кавказе турецкие силы атаковали форт св. Николая и уничтожили его. Дальнейшие же действия русских войск были связаны с купированием османской угрозы на кавказском фронте. В данном случае мы полагаем уместным оставить за Россией взятые крепости для сохранения стабильности и безопасности в этом непростом регионе.

— Определённый смысл в этих словах есть Ваше Величество. Возможно, мы на самом деле сумели найти точки соприкосновения.

Разговор со вспыльчивым австрийским министром Буолем, стал после этого своеобразным.

— Мы требуем выполнения Россией австрийского ультиматума.

— Это серьёзное оскорбление Российской империи, вы не находите?

— Россия агрессор и должна понести последствия за свои шаги.

— И кто же нас заставит это сделать? Австрия? В настоящее время именно вы остались одни среди европейских партнёров. И боюсь, вам придётся ответить за этот ультиматум. Как вы знаете, Россия одержала верх над тремя крупными соперниками. Что будет вдруг, если возникнет внезапно австро-российская война?

После этих слов Буоль совершенно растерялся. Австрия испытывала многочисленные внутренние проблемы, положение же её армии было значительно хуже российской.

— Петербург не будет настаивать на официальных извинениях, однако, и вы более не будете требовать никакой свободы плавания по Дунаю. Река это наша, и мы видим подобные требования Австрии неуместными. Вам также стоит первыми на конференции высказаться о снятии своего ультиматума. В итоге всё же нашим державам лучше иметь хорошие отношения, чем спорить из-за мелких проблем.

Буоль шокировано молчал, и лишь спустя минуту согласно кивнул.

Мнение же Турции, самого слабого игрока вообще не заслушивалось. Такова была лицемерная политика ведущих европейских держав. Никому не было дело до Османской империи, всех лишь волновали собственные интересы.

30 марта 1856 года все участники конференции от имени представленных ими государств подписали Парижский мирный договор. Так закончилась для России эта

кровавопролитная война. История вновь изменила свой путь. Империя ничего не потеряла, а только приобрела важнейшие стратегические районы, прикрытые укрепленными крепостями, надолго обеспечив себе защиту на Кавказе. Османская империя потеряла свою возможность отправлять подкрепление и оружие горцам, провоцируя тех на постоянные восстания. Так состоялось начало дипломатической работы Александра, навсегда вошедшей в историю международных отношений.

В Петербурге чувствовалась моя трёхмесячная отлучка. Ручное управление государством приводило к параличу вертикали власти в случае длительного отсутствия главной пружины. Так что дел на меня навалилось гигантское количество.

Первой масштабной проблемой стало крепостное право. Вокруг этого дела стали твориться просто безумные вещи. Либералы спорили с крепостниками, революционеры готовили бунты, а экономику лихорадило из-за отсутствия мнения по этому поводу Александра.

30 марта 1856 года в Кремле перед представителями дворянства Московской губернии я заявил:

— ...Мне известно господа, что между вами идут разные споры относительно крепостного права. Для того чтобы прекратить ненужные дискуссии по этому предмету, считаю нужным объявить вам всем, что не имею намерения насильственно забирать у кого-либо частную собственность, пускай она даже состоит в форме крепостной зависимости. Более того, полагаю, что дворяне должны взять на себя ответственность наравне с государством по улучшению жизни всех подданных. Начиная с этого года я ввожу звания лучшего помещика губернии и России с выделением соответствующих премий и грамот.

Слова государя вызвали бурную радость дворян, гнев либералов и буквально ярость революционеров. Очевидным стало нарастание общественной борьбы и усиление заговорщической активности. Тем не менее данный шаг позволил успокоить деловую жизнь страны и осознать, что никаких катаклизмов не намечается.

Я не собирался так прямо отменять крепостное право, так как это граничило с фатальной, непоправимой ошибкой. Освобождение крестьян с землёй без выкупа не допустила бы аристократия. Если отпустить крестьян без земли, то тогда они взбунтуются, в случае же, если крестьяне будут выкупать необходимые им участки, то разорятся и земледельцы, и само государство. У крестьян не было денег, следовало им должно было их выдать государство займы для выплаты помещикам, — и тогда оно банкрот и должник, а отсюда вытекает ослабление государственной власти. В итоге тогда будут недовольны все, — и крестьяне, которые должны платить за землю, и помещики, у которых отобрали собственность. Бред всё это, — надо действовать безжалостнее. Заявив о поддержке помещиков, я тут же отдал указание казённым кредитным учреждениям не выставлять более конфискованные поместья на торги, а сразу же передавать их государству, а всем дворянам отказывать в выдаче кредитов под залог крепостных и, более того, прекратить всякое списывание и реструктуризацию долгов, что на тот момент было массовой практикой. Запрещались также все перезалоги поместий, списания недоимок и прочее, — все земли в обязательном порядке должны были конфисковываться, а сами крепостные переводиться в разряд государственных. Мне казалось это более оптимальным, так как заложенных поместий в России к этому времени достигало почти две трети. Дворяне привыкли жить на широкую ногу, используя дармовой труд крепостных, становившийся в современных условиях совершенно неэффективным экономически. Пользуясь тем не менее своим привилегированным положением, помещики брали огромные кредиты под смехотворные проценты, причём долги эти по большей части не возвращались, а государство закрывало на это глаза. Вот что значит иметь положение лучшего сословия России! Мои действия были

легко осуществимыми, так как все банки в России на тот момент были государственными и с проведением данного решения не было никаких проблем. Одновременно с этим я перевёл свыше 1 миллиона удельных крестьян (принадлежащих императору) в положение государственных, обосновав это необходимостью более эффективного управления имуществом. Осталось только ждать и думать, к чему приведёт подобное начинание.

Вторым вынужденным шагом стало решение религиозно-национального вопроса. Обещание, данное Наполеону III относительно поляков, волнения народностей — всё это требовало быстрой реакции. В следующем указе я дал свободу всем традиционным религиям и уравнил национальности в правах. Был обещан также в трёхлетний срок отпуск на волю всех политических оппозиционеров, арестованных в результате националистических выступлений. На тот момент религия и национальность были так переплетены, что трудно было действовать иначе. Часто инородцами называли людей просто другой веры, а никак не национальности. В середине XIX века православная церковь испытывала серьёзный упадок и деградацию. Люди массово высмеивали пороки и злоупотребления церкви, а духовность страны неуклонно снижалась. Православие становилось лишь какой-то формальностью, которую население терпело больше по привычке. Сами священники тоже страдали из-за обязанности доносить властям на своих прихожан, на постоянную отчётность и прочее. Фактически священнослужители в это время были приравнены к чиновникам по обязанностям, но никак не по правам. Это было глубокой ошибкой власти, так как когда церковь становится обычной государственной инстанцией, то ни о какой духовности речи вообще уже не может идти. Не удивительно, что в образовавшийся духовный вакуум так легко внедрялась революционная пропаганда. В итоге все традиционные конфессии, за исключением разного рода сект, которых это не касалось, получили в России свободу от государственного вмешательства. Вместо Духовной коллегии было разрешено вновь восстановить патриаршество. Религиозным организациям запрещалось лишь оскорблять, критиковать власть и призывать к её свержению. Религия мне виделась основой гражданского общества. Люди должны были обрести в первую очередь свободу внутренней жизни. История показывает, что российский народ непобедим тогда, когда дух его силен.

Уравнение в правах национальностей было на тот момент необходимым. Все эти восстания в нерусских регионах были крайне опасными для государства и могли поставить его на грань пропасти. Ладно бы это касалось только отдельных регионов, но большинство революционеров имели нерусские корни, в основном польские и еврейские. И причина этого была! В отношении, например, евреев (в России в это время жило 80 % от их общего числа в мире, а именно в районе 5 миллионов человек) действовала черта оседлости, за пределами которой им было запрещено селиться, были ограничения в приёме в учебные заведения, поступления на государственную службу, участия в самоуправлении и многое другое. Неудивительно, что под фундаментом империи была заложена настоящая бомба недовольства. Теперь для принятия подданства России требовалось проживать на территории страны не менее 5 лет, иметь необходимый доход, а также сданные экзамены по русскому языку и истории (в дальнейшем предполагалось и знание обществознания). Без этих условий человек не мог рассчитывать на занятие государственных должностей, налоговые льготы, разрешения покупать землю и прочее.

Религиозно-национальная реформа была подана в удобной форме. Церковь не успела возмутиться, так как была обрадована неожиданно доставшейся ей свободой. Православие получило и новый импульс к развитию, так как здоровое соперничество с другими

традиционными религиями лишь укрепляло её. Национальная реформа была же подана в той форме, что это укрепит государство, так как приводились многочисленные факты того, что многие инородцы, не зная русского языка и истории России, занимают в стране очень высокое положение, в том числе и государственного характера. К слову сказать, часть дворянства просто брезговала русским языком и вообще не пользовалась им. Это прямо как на уроках истории в моей прошлой жизни. Некоторые студенты называют себя истинными патриотами, настоящими русскими, и высказывают недовольство в отношении приезжих. Самое забавное, что когда их спросишь, когда была Великая Отечественная война или кто у нас написал «Войну и мир», в ответ встречаешь глупый растерянный взгляд. Патриот — это тот человек, который любит свою страну, знает её историю и культуру, кто готов, в конце концов, отдать свою жизнь за родину — жаль, что этим учащимся приходится объяснять столь очевидные вещи. Россия — это многонациональная страна, и в этом наша сила и могущество. Ослабляют лишь нашу нацию незнание родной истории, неуважение к родной культуре и своим традициям.

Тем не менее все действия осуществлялись с подстраховкой. Одновременно с этими решениями, были отданы распоряжения о передаче части важнейших стратегических территорий Польши и Финляндии со значительными природными ресурсами под непосредственное управление России. Польше в данный момент это было обосновано тем, что речь идёт об исконной территории России, которая отошла от неё лишь на протяжении XI–XVII вв., а так оно по существу и было, а Финляндии вообще ничего не объяснили обозначив данную ситуацию необходимостью более эффективного управления. Кроме того, было отдано указание, перестать вкладывать любые средства в Польшу и Финляндию. Отныне их развитие могло осуществляться только лишь на собственные заработанные ими же деньги. Было прекращено или заморожено строительство всей инфраструктуры, а все вложенные российские капиталы начали массово оттуда выводиться. На присоединённых непосредственно к ядровой России территориях начали сразу же строиться укреплённые крепости. Александр ждал восстаний Польши и Финляндии. Они происходили при каждом русском царе. Русофобство было старым явлением, которое вряд ли можно было поправить, отпустив оппозиционеров или дав свободу католической церкви. Не испытывая никаких иллюзий, государь решил для себя будь что будет, — я сделал то, что должен был. Остальное теперь не зависит от меня.

Третьим крупным шагом стало начало военных преобразований. Были ликвидированы неэффективные военные поселения. В этих поселениях служба сочеталась с занятием сельским хозяйством. Жители этих населённых пунктов в итоге были откровенно слабыми солдатами и просто неумелыми земледельцами. Считалось, что солдаты будут кормить себя сами, а в итоге это превратилось в настоящий фарс. Всё это также сопровождалось постоянными бунтами военных поселений, подавление которых было крайне непростым делом. Одновременно с этим мне принесли на подпись подготовленные Николаем проекты изменения формы русского солдата. Увидев предложенные красные шаровары, я чуть не подпрыгнул со стула. Немедленно был вызван художник, который по моим описаниям нарисовал эскизы формы защитного цвета, очень похожую на нынешнюю российскую ВКБО. Специально же образованная комиссия должна была продумать, как эту форму сделать максимально удобной.

Это было всё то небольшое, что я успел осуществить за полгода до официального вступления на престол. Ручной механизм управления на данный момент не представлялось

возможным изменить из-за гигантского количества навалившихся проблем. Но это было хоть что-то...

26 августа 1856 года состоялась коронация Александра II. Стояла ясная и тёплая погода. Государь и его супруга Мария шли от Красного крыльца Кремля под балдахином из золотой парчи к Успенскому собору. Государь был в мундире и имел на себе цепь ордена Св. Андрея Первозванного. Его супруга была одета в белое парчовое платье с отделкой по краям из горносталя. Шлейф её платья несли пажи. Александр и Мария приложились к иконам и заняли свои места на тронах. Хор запел: «Милость и суд воспою Тебе, Господи». Теперь уже выбранный патриарх, Филарет пригласил государя прочесть Символ православной веры. Уверенным голосом Александр произнес:

— Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, видимым же всем и невидимым.

В храме стояла тишина, горели сотни свечей, а за дверями храма волновалось множество народа. После прочтения Евангелия патриарх подошёл к императору. Александр преклонил колена, и Филарет благословил его: «Во имя Отца, и Сына, и Святого духа Аминь».

Александр возложил на себя тяжёлую корону, взял в руки скипетр и державу. Певчие запели «Многие лета», зазвонили колокола, загремели пушки. Далее государь возложил малую корону на голову жены.

После Божественной литургии должно было состояться мирропозание, и я вновь увидел прежний яшмовый сосуд. Жидкость снова бурлила. Буквально через шок, самодержец принял окончательно причастие по царскому чину.

Выйдя из Собора, супруги тоекратно поклонились народу. Далее состоялся обед в Грановитой палате и поездка в коляске. Всем свидетелям и участникам торжественного события раздавались памятные жетоны с изображением короны и вензеля Александра II. Простому люду также давался серебряный рубль, и мешочки с гречихой, переработанной в крупу, что вызвало дикий восторг, так как ничего подобного ранее не было за всю историю коронаций. Получившие такие подарки, люди отмечались наносимой на руку специальной трудно стираемой краской.

После коронации Москва продолжала гулять. Шли торжественные спектакли в заново отремонтированном Большом театре, устраивались обеды, балы, маскарады, фейерверки, вели переговоры купцы и деловые люди, вспыхивали романы и совершались любовные измены.

Народ обсуждал не только торжественное событие, но и новые флаг и герб России, принятые императором. Бело-сине-красное полотнище ещё было как-то понятно. Что-то подобное вводил Пётр I для флота, но вот герб шокировал всех.

— Удивил, конечно, государь с этим гербом, — высказался купец 1 гильдии Черемушников.

— Ещё бы. Медведя на герб поставил. Я как увидел его, так дар речи потерял, — вторил ему друг и коллега по общему делу, купец Свидерский.

— С другой стороны Александр правильно народу объяснил, что бывший герб этот, — двуглавый орёл, птица ненастоящая и для герба не подходящая.

— Что есть, то есть. Медведь же чисто русский символ и, естественно, в природе существует, с этим никак спорить невозможно. Но всё одно необычно как-то.

— Да и государь наш необычен. Батюшка его совсем другой был, — прямой и суровый,

а этот непонятный какой-то. Вроде как по-старому делает, а выходит, что по-новому как-то получается. Я совсем перестал что-то понимать.

— Это да. Тоже сие уразумею. Уже голова болит от этих дум. Давай выпьем, что ли, лучше.

— И то, правда, наливай.

В Москве в это время происходило много событий...Скандалом августа стала измена французского герцога де Морни, по совместительству брата Наполеона III, с княжной Трубецкой. Он настолько воспылил чувствами к девушке, что в течение несколько дней умудрился порвать с прежней пассией и жениться на ней.

Австрийский же посол, граф Эстрезази снял дом Толмачёва на Пречистенке и срубил там весь сад для организации ужинов. Его многочисленные чудачества обошлись ему в баснословные 50 тысяч рублей. Английский посол Гренвиль в это время неожиданно начал употреблять просто невероятное количество вина с раками, которые провоняли чуть ли не на всю улицу и стали поводом для злословия всех москвичей.

Через три дня был спущен императорский флаг с Кремлёвского дворца, и гости стали покидать город. Перед отъездом Александр с Марией посетили Троице-Сергиеву лавру. Были принесены дары, а сам преподобный Сергей вдруг уставился на императора.

— Кто ты такой, Александр?

— В каком плане, преподобный? Не понимаю вас.

— В тебе чувствуется какая-то огромная непонятная сила и дух. Нет подобного у обычных людей.

— Странные слова вы говорите преподобный. Меня знают все с младенчества. Всегда был на виду. Да и обычный человек я. Так же, как все, ем, пью, имею семью, хожу на работу. Сложно как-то мне ответить на ваши высказывания.

— Тем не менее человек ты точно необычный. Буду надеяться и молиться, что страна при тебе, Александр воспрянет. Много мы тягот перенесли, и нам нужен достойный царь, способный дать народу счастье.

— Спасибо. Сейчас мне поддержка, как никогда, нужна. Чувствую, что Россия стоит перед серьёзными вызовами, и предстоит много усилий, чтобы справиться с ними.

— Благословляю тебя на царство, Александр. Стань же тем императором, который так нужен Российской империи.

Государь возвращался в Петербург, а Москва к обыденной тихой жизни.

Дата 26 августа навсегда вошла в память людей. Все говорили, что день Владимирской иконы Божьей Матери, самой почитаемой на Руси в то время не зря совпал с коронацией государя. Сама защитница России должна была благословить нового императора на путь его свершений.

Россия в 1856–1857 годах была удивлена. Происходили события, не вписывающиеся в традиционный уклад жизни. С Крымской войны возвращались офицеры, взявшие отпуска. В обеих столицах и крупных городах организовывалось много вечеринок. Съезжались обычно ближе к 10 вечера. В начале мероприятия разносили чай с печеньем, конфеты, мороженое, лимонад. Потом начинались танцы, игры в карты и прочее, а после, как ни странно, происходил ужин, который сложно было назвать таким, так как он проходил глубокой ночью. Тут уже подавали к столу рыбу, мясо, пирожное, а также шампанское. После ужина вновь были танцы, а потом постепенно гости разъезжались. Девушки на этих вечерах одевались просто, почти без отделки, но зато их мамы носили бархатные и шелковые платья с гигантским количеством украшений, что было на самом деле продуманным ходом. Это в России XXI века девушки из «золотой молодёжи» прямо-таки кичатся брендовой одеждой и драгоценностями, в прошлую же эпоху данный факт показался бы верхом неприличия. Если девушка была бы слишком роскошно одета или просто обвешана бриллиантами, то тогда сразу возникало мнение о том, что она имеет дурное воспитание и теперь просто непригодна к замужеству. Иногда вот так думаешь, что в современную эпоху нам есть чему поучиться у наших предков. На этих вечеринках военные хвалились перед дамами своими подвигами и сообщали удивительные вещи про государя. Отмечали его невероятные организационные способности, жестокость и нечеловеческую хитрость в боевых действиях. Население, знавшее ранее лишь общие детали, было поражено, узнав о своём императоре в новом свете.

Купечество в это время тоже отдавало должное героям войны, но делало это своеобразно. На обеде, устроенном от имени московского купечества, Погодин произнёс большую речь в честь торгового сословия, которое «служит верно Отечеству своими трудами и приносит на алтарь его непрерывные жертвы!» К середине XIX века купечество имел серьёзное значение в жизни государства. Несмотря на то что дворяне смотрели на купца со значительным снисхождением, именно последний имел денег часто побольше, чем первое сословие. Фамилии Алексеевых, Бахрушиных, Морозовых, Кокоревых, Елисеевых, Щукиных, Прохоровых, Боткиных, Мамонтовых, Гучковых, Рябушинских в то время были у многих на устах. Эти товарищи основывали фабрики, заводили торговлю с Европой, но надо и отдать должное, — периодически занимались благотворительностью. Впрочем, последнее было скорее мерой вынужденной. Все знали, что новый государь «сильно уважает», когда деловые люди жертвуют на образование, церкви, богадельни, больницы, сиротские дома, а власть явно охотнее выслушивает пожелания известных меценатов.

Тем не менее именно в данный период купцы были слегка растеряны, так как власть меняла правила игры. Она не отбирала собственности, не наказывала, но порядок вещей становился совершенно непохожим на прежний. Дело в том, что важнейшим источником обогащения купцов в те годы был откуп. Это такая система сбора с населения налогов и других государственных доходов, при которой государство за определённую плату передаёт право их сбора частным лицам (откупщикам). Данная система распространялась на разные сферы: лавочные, конские, извозные, добычи полезных ископаемых, но главное — на алкоголь, который на тот момент был по сути золотой жилой. Откупщики собирали в среднем в 3 раза больше средств, чем вносили в казну, а в случае алкоголя эта сумма была

намного значительнее. Александр прикрыл всю эту систему, издав целый ряд шокирующих законов. Появилась более совершенная налоговая система, включающая в себя налог на добавленную стоимость, усовершенствованные акцизы, НДС, налог на прибыль организаций, добычу полезных ископаемых, на имущество и даже оскорбительный налог на наследство (доходивший до 50 процентов, так как Александр стремился создать средний класс в государстве, и перераспределить таким образом собственность в России). Саму налоговую службу стали бояться больше жандармов, так как та стала очень эффективной в своей работе. Её штат был увеличен в 7 раз, что оказалось финансово весьма оправданным, а камеральные и выездные проверки налоговой вводили в трепет любого уклоняющегося от уплаты. Более того, император стал препятствовать выводу средств зарубеж нелегальным путём, что окончательно замкнуло денежные потоки в стране на государство. Воровать или «зарабатывать» на неумелости государства стало крайне проблематичным.

Другим ужасающим ходом нового государя стали «фабричные законы». К шоку для всех промышленников России были введены 8-часовой рабочий день, минимальная оплата труда, пособия по инвалидности, временной нетрудоспособности и тому подобное. Организована даже система охраны труда на предприятиях. Группа крупных взбешённых промышленников добилась встречи с государем.

— Ваше Величество, введённые законы в отношении промышленности мы просим отменить. Предприятия не могут работать в такой ситуации. Продолжение дел для нас становится совершенно убыточным, — возмущено заявил Рябушинский.

— Действительно, новые законы достаточно прогрессивны для нашего времени. Но скажу так. 8-часовой рабочий день, например, уже введён Австралии и некоторых штатах США, во многих странах есть и система социальной защиты рабочих.

— Мы не Австралия, ваше Величество. Это Российская империя, в конце концов, — чуть не выкрикнул с места Морозов.

— Согласен, Россия не Австралия. Мы побогаче будем. Но я уловил вашу мысль господина. Я понимаю, что нововведения достаточно затратны для предприятий. У вас уже сверстаны бюджеты, финансовые планы, и рушить их я не имею никакого желания. Более того, я всячески настроен оказать вам помощь, ведь сильная промышленность это благо для государства. Данные законы необходимы для прекращения рабочих волнений, что ставят под угрозу устойчивость функционирования государства. Только за последние годы в стране произошло больше сотни волнений с участием тысяч рабочих. Поймите, вводя данные законы, мы уменьшаем недовольство рабочих, а заодно ограничиваем свои возможные убытки, однозначно возникающие за этими бунтами.

— Ваше Величество, мы понимаем, что правительство не хочет народного волнения, но зарабатывать в таких условиях затруднительно, — высказался более спокойно, немец по происхождению, Вогау.

— Думаю, вы сильно сгущаете краски, но я согласен пойти вам навстречу. Правительство готово обнулить вам все налоги на 2 года, а спустя этот срок собирать вдвое меньше.

После слов Александра в зале наступила гробовая тишина, а через минуту раздались несмелые хлопки — аплодисменты, переросшие неожиданно в громкие овации.

Решение не брать два года налоги с промышленности, а затем пойти на их резкое сокращение мною было задумано давно. Разобраться с рабочим вопросом в целях недопущения революции было необходимо, но идти на прямое столкновение с деловыми

кругами было крайне опасно. Предусматриваемое налоговое ослабление было настолько значительным, что убирало любое противодействие. Кроме того, слухи о возможности не платить налоги два года, а потом отдавать их вдвое меньше однозначно приведут к масштабному росту промышленного производства в стране. Сами государственные крестьяне, узнав об изменениях в рабочем законодательстве, также пополнят любую нехватку кадров.

Вопрос о том, на что жить целых два года был также под контролем государя. Источники денег в стране были обозначены. Российская империя была всё ещё аграрной страной, и по налогам такая ситуация несильно ударит — это раз, увеличение доходов бюджета за счёт казённой экономии и конфискации поместий банкротившихся помещиков — это два, наконец, общее улучшение налоговой системы, позволившей собирать практически в 4 раза больше налогов — это три.

Интерлюдия

Сорокалетний профессор, правовед и историк Константин Дмитриевич Кавелин в августе 1857 года прибыл в задание III Отделения на набережной Мойки, и был встречен новым шефом жандармов и главным начальником Отделения П. А. Шуваловым. Лицо того ничем не выделялось и казалось лишённым отличительных черт, но внешний вид его был приятен и вызывал симпатию. Глава тайной полиции смотрел на профессора подозрительно, но в то же время, как ни странно, любезно. Это была вообще отличительная черта Шувалова, которого за его хитрость, высокий интеллект и одновременно стремление обнаружить «грязь» в любом человеке, сразу невзлюбили просвещённые круги. Коллеги же за глаза говорили о нём, что он-де плохая копия Александра II, а на тот момент это было не самым лучшим комплиментом. Самые близкие же сослуживцы называли нового главу «Шу», что имело как прямое, так и переносное значение. И если прямое было очевидным, то переносное означало «пугающий» или «пугающий», что в какой-то мере было оправданным, так как на допросах Шувалов имел редкую способность без прямых угроз заставить подследственных буквально дрожать страха.

— Добрый день, Константин Дмитриевич. Как добрались из Москвы? Присаживайтесь, в ногах, как известно, правды нет.

— Спасибо, ваше сиятельство. Дорога была на удивление сносной. Полагаю, что ремонт был недавно.

— Да, Его Величество начинает обращать всё большее внимание на эту давнюю русскую проблему. Но как вы понимаете, мы с вами тут встретились по другому поводу.

— Догадываюсь, ваше сиятельство.

— Вы уже знаете, что ваша кандидатура рассматривается в качестве преподавателя наследника престола. Разумеется, государь поручил мне проверить некоторые моменты вашей биографии. И надо сказать, что у меня однозначно появились некоторые вопросы. Я не сторонник прямых действий, поэтому полагаю правильным сначала обсудить неясные моменты.

— Весьма разумно ваше сиятельство. Я отдаю себе отчёт, что должность преподавателя наследника престола очень ответственная, и что естественным образом я буду вхож в самые высокие круги.

— Похвально за это понимание, профессор. Так вот, III Отделение достоверно выяснило, что именно вы два года назад пустили гулять по России записку «Об

освобождении крестьян», где указывали на пагубность крепостного строя в государстве. Нам также известно, что вы некоторое время регулярно отправляли бежавшему из ссылки в Лондон Герцену свои сообщения для публикации в противогосударственном издании «Колокол».

Кавелин сидел ошарашенный и пришибленный. Он даже не пытался отпираться, так как приведённые факты буквально раздавили его своей тяжестью. Сердце его бешено стучало, а голова начала кружиться. Он действительно инкогнито писал и «Записку», и сообщения в «Колокол», но никак не мог ожидать, что это окажется известным. Кроме того, прошёл уже год, как он бросил свою тайную оппозиционную деятельность, придя к логическому выводу о её большем вреде, нежели пользе. Как человек, несомненно, умный, он осознал, что может лучше помочь стране на официальном поприще, а не подрывая государственные устои.

— Успокойтесь профессор. Вот выпейте воды.

— Ббб... благодарю, — с трудом, преодолев дрожь, сумел вымолвить Кавелин.

— Как я уже сказал, мои методы работы несколько иные, чем у моего предшественника.

Вы сможете выйти из этого здания, но вы мне расскажете всё.

Два часа Кавелин лихорадочно расписывал на листах всё, что он делал как оппозиционер и как именно он связался с Герценом. Спустя три часа, ознакомившись с протоколом, Шувалов продолжил разговор.

— Итак, Константин Дмитриевич. Не скажу чтобы мы что-то многое узнали, но некоторые детали были нам явно интересны. Разумеется, с вами ещё будут беседовать и выяснять детали, которые, возможно, выпали из вашего внимания, но на этом всё.

— Что со мной будет в итоге? — спросил вспотевший от напряжения и страха Кавелин.

— Как я уже сказал, профессор, мои методы не столь грубы. Уточните, каковы на данный момент ваши политические взгляды?

— Скажу как на духу, ваше сиятельство. Я действительно был отчаянным либералом и писал те работы, о которых вы упомянули. Но всё же будучи профессором, я осознал пагубность социальных теорий, несмотря на то, что они верно указывают на недостатки общества. Уже год, как я прервал общение с оппозиционерами, полагая, что принесу пользу Отечеству, работая официально, не подрывая устоев государства. Считаю, что в итоге правительство само решит задачи, поставленные социализмом.

— Что ж, Константин Дмитриевич. Я примерно это самое и предполагал. Думаю понимаете, вы давно были у нашей службы под колпаком, и за вами велось постоянное наблюдение. Скажу честно, если бы двинулись чуть дальше в вашей оппозиционной деятельности, то беседа у нас с вами получилась бы совсем неприятная. Рад, что вы одумались.

— Так что же со мной будет?

— III Отделение даст согласие на вашу работу в качестве преподавателя наследника. В конце концов, за одного битого двух небитых дают. Всё-таки вы человек умный и сами осознали вред революционных идей. Но и вы должны будете нам помочь. Как только узнают, что вы стали преподавателем наследника, то к вам, конечно, же обратятся интересующие нас товарищи, которые, к сожалению, настроены весьма радикально по отношению к власти. Ваша задача помимо передачи знаний наследнику, сообщать нам обо всех случаях подобного к вам обращения. Сами понимаете, вы должны искупить тот вред, который нанесли Отечеству, пускай даже неосознанно.

— Я понимаю, ваша светлость. Клянусь всеми святыми и близкими, что буду верен

государству и исправлю свои ошибки делом.

— Хорошо. На этом достаточно, Константин Дмитриевич. Рад, что мы с вами нашли общий язык. Можете быть пока свободны.

В первую ночь после допроса Кавелин плохо спал и встал с восходом солнца. Обдумывая разговор с шефом жандармов, он готовился к аудиенции с супругой императора Марией Александровной. Профессор составил речь искреннюю, пламенную и как он полагал убедительную...

Когда Кавелин зашёл в Зимний дворец, то вся его заготовленная речь буквально вылетела у него из головы. Он почувствовал себя жалким и стал робко оглядывать свою шляпу и перчатки. В голове у него замелькали мысли о том как бы не споткнуться или не сделать какую-либо глупость. Однако небольшой темноватый кабинет, в котором его встретила императрица, немного успокоила нашего героя.

Разговор был долгим и без всякой определённой темы. Мария Александровна пыталась понять, что за человек новый преподаватель и можно ли ему передать на воспитание своих детей. Она хотела найти второго Жуковского. Первое впечатление в итоге о Кавелине было благосклонным. Императрица заметила, что он несколько неловок, но одновременно горяч и искренен в намерениях. Профессор, с её точки зрения, должен иметь хорошее знание предмета, а не светскость и в этом плане данный педагог её удовлетворял. Сама Мария Александровна сильно изменилась с годами. Она повзрослела и стала более уверенной в себе, правда, её большие голубые глаза смотрели все также кротко и проникновенно. Двор окружал императрицу лестью и поклонением, но она ничуть не обманывалась этим. Муж её любил, дети были рядом, — для неё семья всегда была главным, что есть в жизни. В последние годы Мария чаще посещала церковь, становясь по-настоящему православной. Недавно она родила ребёнка, которого назвали Сергеем. Мария была нежна к младенцу и с большим терпением и внимательностью следила за тем, чтобы он был вовремя накормлен и переодет. Сам ребёнок пока гугукал и смотрел голубыми, как у его матери глазами, на свет. Но всё же главное внимание Марии занимал вопрос о наследнике Николае...

Вторая встреча супруги императора и Кавелина была посвящена плану воспитания детей.

— Профессор, ситуация такая. Николай, которого мы зовём Никса, Саша и Володя учатся предметам: Закону Божиему, математике, истории, географии, чистописанию, русскому языку, литературе, рисованию, а также иностранным языкам — французскому, английскому и немецкому. По утрам у ребят столярное дело, а кроме того раз в неделю у них музыка, танцы и фехтование, два раза — гимнастика и верховая езда. Мальчиков по настоянию государя регулярно возят на экскурсии в музеи и на заводы.

Кавелин заметил, что Мария Александровна внимательная и любящая мать.

— Детей не стоит учить в изоляции. Необходимо давать представление о действительной жизни. Им нужно ездить по России и знакомиться со страной.

— Согласен! — неожиданно прозвучало сзади.

Кавелин обернулся и увидел государя.

Улыбающийся император смотрел на профессора и жену ласково и добродушно. Александру было уже 39 лет, и он был в расцвете своих сил.

— Рад вас, наконец, встретить, Константин Дмитриевич. Поездки по России наследнику необходимы, хотя, конечно, понятно, что настоящее положение дел ему никто не покажет.

— Дорогой, профессор полагает, что Николаю необходимо также учиться в петербургском вузе.

Александр мягко улыбаясь, отрицательно покачал головой.

— В настоящее время это небезопасно. Кроме того, университеты и журналы сейчас имеют выраженную оппозиционную направленность. Пока с этим вопросом у меня не получается разобраться. Дело было слишком запущено, и теперь прямым административным воздействием данную проблему не решишь. Я должен вас оставить, назначена встреча. Приятно было с вами встретиться, профессор.

После ухода Александра разговор продолжился. Кавелин, воодушевлённый поддержкой государя, вдруг горячо высказался.

— Эпоха революций прошла. Убеждён, что все эти учения о свободе и равенстве наполняют историю лишь кровью. Правительство же в итоге сможет путём постепенных реформ дать народу справедливость.

Профессор покидал дворец вдохновлённым. Он полагал, что, став преподавателем детей императора, повернёт Россию к её светлому будущему. Уже дома Кавелин написал письму своему коллеге и другу историку Сергею Михайловичу Соловьёву: «Дожив до сорока лет, я сознаю, что царь видит и понимает, куда должна идти страна. Скоро вы увидите, что новая система сменит старую. Она будет не так радикальна, как многие бы желали, в том числе и я, но было бы безумием не ценить того, что делается».

Интерлюдия

В декабре, в здании Купеческого клуба собрались на обед влиятельные деловые люди. Их встреча могла удивить многих людей того времени, так как пришедшие на обед господа

были самых разных взглядов на общественную жизнь. Были и консерваторы во главе с Погодиным, и либералы вместе со своим виднейшим представителем Катковым, и бывшие чиновники со всем известным Дубельтом, были и просто деловые люди, например, такие как купец и бывший крупнейший откупщик Кокорев.

Главной темой их разговора стала непонятная ситуация с крепостным правом.

— Думаю, выскажу общую мысль присутствующих. Странные вещи творятся в последнее время господа, — начал Погодин.

— Ещё бы они не были странными. Император прекратил откупную систему, налоговая просто лютует, ещё эти фабричные законы, — поддержал Кокорев.

— Мы все понимаем ваше недовольство, Василий Александрович. Но тут собрались не для обсуждения отмены откупной системы. Сейчас на повестке иная проблема, — поправил течение разговора Дубельт.

— В последнее время было конфисковано огромное количество поместий. Дворяне возмущены. Я, как либерал, вроде бы должен радоваться решению крепостной проблемы, но в данном случае это не так. Давайте не будем обманываться, — среди нас нет глупых людей. Александр взял курс на уничтожение крепостного права, хотя говорит на людях совершенно обратное. Вот, к примеру, его шаг на прошлой неделе, — он вручил на торжественном собрании грамоты лучшим помещикам России. Но это же просто издевательство! Практически каждый день по всей стране у дворян описывают их имущество и отбирают крепостных. На мой взгляд либерала, правительству следовало бы произвести выкуп крепостных вместе с землёй и справедливо компенсировать потери помещикам. То, что творится, иначе как жадностью назвать нельзя. Лучшее сословие, опору государства и самодержавия, — просто банкротят, не желая тратить ни копейки на его поддержку. В ответ на жалобы предлагают просто устраиваться на службу или идти на работу. Да, государь резко поднял зарплаты чиновникам, но для дворян это всё равно несущественные суммы. На эти довольствия могут жить только разночинцы, но никак не первое сословие, — возмущено выкатил длинную речь Катков.

— Справедливости ради надо сказать Михаил Никифорович, что знакомые чиновники утверждают, что в бюджете денег крайне мало. Прошедшая война буквально истощила казну, — уточнил Дубельт.

— Пусть так. Значит, либо вообще не надо было всё это начинать с крепостным правом, либо делать постепенно. Почему именно дворяне, которые веками были оплотом самодержавия, должны так страдать. Вы не поверите господа, даже у меня конфисковали больше половины имений за неуплату кредитов. Никогда такого не было. Всегда можно было договориться и списать часть платежей. Я же забочусь о крепостных. Они сами словно тупые животные. Без опеки помещика ни к чему не способны, — ответил Катков.

— Полагаю что данный вопрос, прежде, всего финансового плана. У меня ничего не конфисковали, так как вся задолженность перед казной была мною погашена. Проблема в другом, — поместья с крепостными резко упали в цене. Я не могу теперь их продать не только по прошлой стоимости, но и даже вполонину дешевле от прежнего. По моим прогнозам, цена на поместья при таком раскладе может обвалиться до 90 процентов. Никогда не питал иллюзий в отношении крепостных. Их труд на самом деле неэффективен. Поместья покупались как инвестиция. Обычно вкладывая капитал в землю и крепостных, бываешь твёрдо уверен, что их цена за 10 лет как минимум удвоится. Сейчас же все стали понимать, что поместье не приносит ровным счётом никакого дохода. Это, по сути, даже не

дом в городе, где можно жить с удобствами. Какая радость для нормального человека жить в какой-то деревне среди тупых скотов. Ещё и повышение этих налогов. Крепостной крестьянин теперь вдруг по сборам уравнился с государственным. Какого чёрта, я спрашиваю!? Тогда зачем мне вообще крепостной мужик нужен? То что правительство говорит какая разница — это всё тот же крестьянин, — это манипуляция. Мы все понимаем. Крепостной работает ужасно плохо и лениво! Меня заставляют фактически оплачивать владение имуществом, которое себя совершенно не окупает. А если я вдруг не оплачу, то поместья конфискуют, причём по кадастровой копеечной цене, — высказался раздражённо Кокорев.

— Предлагаю оказать давление на правительство в целях прекращения подобной пагубной практики. Необходимо настоятельно донести мысль до государя, что он может лишиться поддержки первого сословия, а это будет очень дорого стоить самодержавию — резюмировал Погодин.

Раздались общие возгласы одобрения.

— Займётесь этим Леонтий Васильевич? — спросил глава консерваторов.

— Сочту за честь. Я сейчас, конечно, не занимаю официального поста, но как вы сами понимаете, практически все связи сохранены. Предлагаю составить общее письмо с требованиями начать выкуп поместий и крепостных крестьян по справедливой цене и передать его Александру от лица представителей калужского и московского дворянства с просьбой отнестись к нему внимательнее, — согласился Дубельт.

— Тогда решено. Предлагаю перейти к десерту, господа. Тут он довольно неплох.

В то же время, что шёл обед в Купеческом клубе, происходила настоящая драма в одном из поместий Рязанской губернии.

— Что это значит, господа? — спросила барыня у станowych приставов, протянувших ей бумагу.

— Ваше поместье конфискуется. Ранее вам уже присылали извещения о необходимости забрать личные вещи из усадьбы.

— А крепостные?

— Они тоже конфискуются за долги.

— Но я этого не хочу! — объявила помещица. — Решительно не желаю! Не имеете права. Пойду сама к государю и скажу: скоро я умру, а после — делайте что хотите, но пока я жива, — я с этим не согласна!

— Что случилось, дорогая, — спросил вышедший из дома на крики жены, помещик.

— Вот, посмотри на бумагу! Приставы пришли у нас поместье отбирать.

— Как это у меня отнимается имущество? Да я ведь людьми владею! Без моего помещичьего надзора мужики сгинут со всем. Не имеете на это никакого права! Жаловаться буду! Я потомственный дворянин, а не разночинец какой-то!

— Имеете право, но пока извольте в течение часа забрать из дома личные вещи и покинуть поместье. В противном случае будет применена сила.

— Да что же это творится. Немыслимо просто. В отношении дворян сила. Как вообще такое может быть! Я подчиняюсь, но имейте в виду, — это не останется безнаказанным. За подобное самоуправство в отношении дворянина вам придётся понести ответственность.

Жалобы властям шли без конца. Общую нервную атмосферу добавляли и некоторые действия крестьян. Так, князь Ф. Ф. Мышецкий пожаловался на своих крепостных, что они вдруг отказались от уплаты оброка. При изучении дела исправником выяснилось, что они

только просили отсрочки платежа на пару недель. Крестьяне Удальцова отказались повиноваться управляющему. Оказалось, что последний, пользуясь их наивностью, присвоил более семи тысяч общинных денег. В результате жестокости действий крепостников были убиты помещики Марченко, Терский, Светлорыльский. Крестьянин Воронежской губернии Тюхов нанёс своему владельцу Шетохину «несколько ударов колом по голове и плечу за то, что он оболъщениями и угрозами склонил к прелюбодеянию с ним его жену»...

Шли повсеместные разговоры, что таким путём скоро и помещичьих крестьян вовсе не останется, раз огромное количество поместий убыточны и массово идёт их конфискация. Но надо отдать должное и противной стороне. Широко стала известной и речь в защиту крепостного права помещика Маслова, разошедшаяся по всей стране. Он в своём выступлении на губернском собрании заявил:

— Крепостное право вовсе не противоестественно. Я совершенно обратного мнения. Неверно считать крепостного рабом, а помещичье поместье — плантацией. Нигде крестьянин так не успокоен и обеспечен, как у хорошего помещика, который выгоды его соединяет со своими. Барщина у нас определена законом, оброк не разорителен и добывается по усмотрению самого мужика, как и где он хочет. В России нет человека, который бы не имел собственного жилища; у нас не иметь коровы есть знак ужасной бедности. В той же самой Англии, столь кичащейся своей демократией, простой люд живёт убого, ютится в домах, в которых наш мужик и скотину не поместит!.. Хотя и случаются злоупотребления помещиками своей отеческой властью, но они крайне редки и нехарактерны для России. Разрушить существующий порядок — значит подготовить гибель государству. Непросвещённый народ, не имея истинного понятия о сущности свободы, тотчас употребит её во зло, и те же крестьяне, которые под покровительством добрых господ наслаждаются спокойною жизнью, сделаются пьяницами, разбойниками и душегубами. Они непременно восстанут против всех властей, отклонятся от церкви и сделаются не только бесполезными, но и вредными для государства!

Раздражённость помещиков ярко иллюстрировала и статья князя Черкасского в журнале «Сельское благоустройство» с рассуждениями о нежелательности отмены телесных наказаний в крестьянском быту, так как якобы сами крестьяне считают их необходимыми.

В целом же рядовые дворяне строили свои прогнозы насчёт возможного исчезновения крепостного строя.

— Помяните моё слово, господа, будет общий бунт крестьян!

— Зачем бунтовать мужику, если ему делают добро?

— Вы неправильно подходите к пониманию мужиков. Это же не люди, по сути, а скот. Они не могут правильно мыслить, вот в чём проблема. Если тупые животные останутся без должного пригляда хозяина, то бунта никак невозможно избежать.

Весьма забавным в то время выглядело и мнение самого крепостного. Одним поздним вечером небогатые, но весьма наглые купцы возвращались домой из кабака. Узнав, что их извозчик крепостной, отпущенный помещиком на заработки в город, они начали его поддразнивать.

— Что кучер, скоро ли вас освободят?

— Да кто же его знает...

— А что вы сами то ничего не делаете? Взяли бы дубинки и топора, да сами бы себя и освободили. Господ-то всё одно меньше вашего.

— И то, правда, господа. Не подумал даже, — с этими словами кучер потянулся за

здоровой палкой, лежавшей рядом с ним для отгона бродячих собак.

— Да брось мужик, — шутим мы, — побледнев, вскричали приятели.

— То-то господа, говорить вы можете, а обмана простого мужика не поняли и испугались.

Во всём этом напряжённом состоянии общества спокойным оставался лишь один заинтересованный человек — сам Александр. Анализируя результаты своих первых действий, он хладнокровно подводил итоги. Относительно успешно завершились лишь религиозная и национальная реформы. По крайней мере, все введённые законы действовали, хотя и понятно было, что волнений в Польше, например, чтобы там не предпринимай, никак не избежать. Удачной ему виделось и налоговая реформа. Ужасный откупной порядок был разрушен, а государство получило более развитую налоговую систему. При этом и делать-то особо ничего не пришлось. Акцизы в России стали широко использоваться ещё в XVIII веке. Подоходный налог в Российской империи знали с 1812 года, а наследственное право ещё раньше. Даже введённый драконовский налог в 50 процентов от наследства в определённой степени был обоснован. Он не взимался с бедного населения от слова совсем, а остальным были прямо приведены факты того, что в Англии данный налог составлял 40 процентов, в США — 55 процентов, а в любимой дворянами Франции доходил до 60 процентов. Единственное, что не получилось сразу ввести, так это незнакомый НДС или налог на добавленную стоимость, но даже это не было значительной проблемой. Император просто объяснил суть столь важного косвенного налога, а чиновники в течение двухлетних налоговых каникул должны были сформировать всю необходимую для него юридическую базу и соответствующие регламенты его сбора. Спрашивается, почему же в России раньше этого не делали, если практически все знали и умели. Ответ одновременно прост и ужасающ — коррупция и отсталость управления. Взять, к слову, ту же самую откупную систему... Купец «заносил» такие огромные суммы взяток, что продавались буквально все чиновники, а общая неадекватность управления позволяла такой системе функционировать как должной. Александр же в отличие от прежних императоров наладил такое управление, которое пресекало любое движение в сторону. Получилось провести в жизнь даже рабочее законодательство, причём это было сделано с малыми жертвами. Внедрены были по-настоящему прогрессивные законы в отношении труда, стоявшие на тот момент на уровне самых развитых государств. Начаты и постепенные реформы в отношении крепостного права и армии, — правда, там из-за огромной сложности проблем и отсутствия необходимых финансов, невозможно было действовать быстро.

Тем не менее не всё было гладко. Собираемость налогов хотя и улучшилась, но деловые круги по привычке всё ещё пытались уйти от их уплаты. Даже пресловутый налог на наследство встретил серьёзное сопротивление. Часть господ стала вместо завещаний массово писать дарственные (благо за те надо было платить лишь 25-процентный налог), а самые хитрые просто завещали имущество благотворительным фондам и организациям, находящимся под контролем нужных им лиц и, таким образом, избегали любых потерь. Проблема была и с рабочим законодательством. Фактически тут стали действовать лишь пособия по инвалидности и МРОТ, которые было достаточно несложно контролировать, а всё остальное оставалось лишь на бумаге. 8-часовой рабочий день не соблюдался. Промышленники прямо говорили рабочим: «Вы, конечно, вправе работать 8 часов, но и мы

вправе увольнять тех, кто работает только это время». Так что, по сути, работали все, как прежде, 14–16 часов, но это теперь было вроде как совершенно добровольно. Никаких трудовых споров в судах не происходило, так как рабочие были практически поголовно безграмотными и, естественно, об отстаивании своих прав в законном порядке речи просто не шло. Естественным образом не платились и пособия по временной нетрудоспособности, плохо соблюдалась охрана труда и прочее. Александр понимал, что без создания нормальных профсоюзов, фабричной инспекции, и, наконец, без обучения хотя бы чтению и письму рабочих, будет трудно переломить данную ситуацию. Но задел был сделан, — он понимал, что невозможно осуществить реформу сразу идеально.

Можно ли было действовать иначе новому государю? С одной стороны, — конечно. Александр был неглупым человеком. Сначала, например, можно было уделить внимание экономике и образованию, а потом постепенно начать трансформировать сословное общество в гражданское. Но с другой стороны, — тут есть проблема времени, а точнее, его отсутствия. Новый правитель России, пришедший ему на смену, мог просто свернуть все начинания и всё в таком случае пойдёт прахом. Его задачей было сделать так, чтобы сама возможность этого поворота назад исчезла. Все его начинания крайне опасны, — он чувствовал, как назревает недовольство, которое может в любой момент ударить всей своей силой по нему. Но что было делать, например, даже с главными раздражителями, — налогами и конфискацией поместий? Он просто не видел другого выхода. Ему нужно было менять налоговую систему и конфисковывать поместья с крепостными, — иначе на какие средства ему проводить реформы? Действовать надо, без всякого сомнения. У него всего один шанс изменить Россию, и он им воспользуется.

Встреча Александра с представителями калужского и московского дворянства была напряжённой. Государю высказали недовольство его «неправильными» действиями в отношении лучшего сословия страны.

— Понимаю господа, ваше неудовольствие. Скажу честно, что, будь на вашем месте, я бы реагировал точно таким же образом. Дворяне веками защищали самодержавие и Российскую империю. Не побоюсь сказать, что вы и есть, по сути, государство. Проблема тут состоит не в отношении к первому сословию, а в полном отсутствии денег у государства. Прошедшая недавно Крымская война разорила страну. Сами посудите. Европа нам отказывает теперь в любых заимствованиях и, более того, требует от нас вернуть 340 миллионов рублей. Кроме того, на Россию повесили даже долг Польши после того, как мы её присоединили в состав империи в начале XIX века. Сумма государственного внешнего долга России превышает в два раза её годовой бюджет.

— Ваше Величество, но при чём здесь дворяне? Речь идёт о частной собственности, а не государственной. Надо разделять эти понятия.

— Вот так значит. Ладно, давайте поговорим на этот счёт. Государственный бюджет имеет и проблемы внутренних заимствований. В настоящее время сумма по ним составляет 858 миллионов рублей. Что скажете, если государство спишет долги дворян, а те, в свою очередь, забудут относительно облигаций внутреннего займа.

Раздался недовольный гул, начались возмущённые выкрики.

— Тише господа, тише! Никто не собирается присваивать деньги частных лиц. Я привёл вам эти данные, чтобы вы осознали, что государство не имело цели нарочно банкротить помещиков. Сейчас Российская империя имеет общую сумму долга в 1 миллиард 198 миллионов рублей. Так ответьте же мне, почему государство не должно требовать возврата долгов с дворян, если последние не согласны прощать ему свой.

В зале наступила тишина. Александр задал неудобный вопрос, на который не было ответа. Любая же попытка оправдаться выглядела бы фальшивым и неприкрытым лицемерием, на что присутствующие дворяне не могли решиться.

— Но что же тогда делать, Ваше Величество. Мы не можем далее платить за крепостных. Их труд совершенно себя не оправдывает. Возможно, было бы лучше, если государство уменьшило на них налоги, либо каким-то образом выкупило бы у помещиков это имущество.

— Снизить налоги мы не можем. Любая собственность должна приносить доход. Вы же предлагаете фактически позволить миллионам крестьян паразитировать на государстве (здесь государь, конечно, схитрил, перенеся стрелки с дворян на якобы ленивых крепостных). Давайте никто в России не будет работать... На что вообще тогда будем жить господа? Насчёт выкупа, — у государства нет денег, и вы это поняли. Зато у нас есть другое, — казённые предприятия. Правительство осознаёт важность дворянского сословия для Российской империи, и готово компенсировать им убытки путём соответствующего обмена одного имущества на другое по справедливой рыночной цене.

Раздались одобрительные голоса. Дворяне громко начали переговариваться друг с другом.

— Даю вам слово господа, что в течение года правительство может начать выполнение

соответствующих шагов. Однако, дабы не было общего недопонимания с другими помещиками, прошу с вашей стороны дать соответствующие сообщения в газеты с просьбой правительства начать выкуп крепостных крестьян вместе с землёй по рыночной цене. После данного сообщения государство предпримет необходимые действия по решению этой проблемы.

Надо сказать, что реакцию помещиков император предвидел и готовился к ней. Очевидным была и возможность заговора. Опасность была серьёзной с учётом того, что гвардия и охрана дворца была дворянской. Так что «убрать» непослушного царя было вполне возможным. Останавливал лишь возможный заговор мой брат Константин, который, по слухам, был большим либералом. Крепостники понимали, что следующим императором должен был стать как раз именно он, и данная ситуация ставила их в тупик. В этом случае требовалось устранение обоих братьев, и начало переговоров с другими сыновьями бывшего государя, а именно младшими Николаем и Михаилом. Всё это сильно усложняло возможный переворот, и поэтому было решено поначалу попробовать найти общий язык с государем.

Почему я решил отдать государственные предприятия дворянам? Тут имеются две главные причины: первая — это необходимость избежать заговора дворян, а вторая — это передать неэффективную собственность в руки частных лиц. На тот момент казённых предприятий в Российской империи было слишком много и, к сожалению, большая часть из них была убыточной. Этот недостаток их был связан со значительной коррупцией на заводах, разъедавших их словно ржавчина. Бороться в это время с данной проблемой было задачей крайне непростой и чреватой дальнейшими конфликтами с лучшими сословиями государства. Отдав заводы помещикам, можно было убить одним выстрелом сразу же двух зайцев. Теперь если эти товарищи и будут воровать, то уже у себя самих.

На следующей неделе в официальных губернских ведомостях вышли сообщения представителей дворянского собрания с просьбой к правительству рассмотреть вопрос о выкупе поместий и крепостных крестьян по рыночной цене. Данные сообщения взбудоражили российское общество. Известный в это время профессор Никитенко писал в своём дневнике: «Бесконечные толки о свободе крестьян. Правду сказать, есть о чём толковать. Тут затронуты самые существенные интересы общества, многие симпатии и антипатии, до сих пор таившиеся в умах... Между помещиками — душевладельцами различаются два оттенка: одни находят меру освобождения несправедливою в тех условиях, в каких она предложена правительством; другие видят её, безусловно, вредною или, по крайней мере, преждевременною. Конечно, они имеют основание опасаться. Тут дело идёт об их благосостоянии. Вопрос касается их поземельной собственности, от которой они не хотят отказаться. А иным просто не по сердцу уничтожение их барства — и эти чуть ли не сильнее всех кричат».

Общественное мнение касательно крепостного права было тем не менее смягчено последними событиями, связанными с банкротством многих помещиков. У большинства возникло устойчивое мнение относительно невыгодности крепостного труда. Но с консерваторами было сложнее... Попытка Александра привлечь на свою сторону церковь оказалась в этом плане показательной. Авторитет Филарета в это время был основательным. Он был учен, честен и в какой-то мере справедлив. Если бы удалось добиться поддержки такого человека, то это бы сильно помогло власти. Государь и патриарх зашли в покои, — высокий, крепкий император и маленький, худенький глава русской церкви. Оба сели в кресла. Филарет смотрел на Александра со спокойным взглядом превосходства.

Государь после обычных ничего незначащих общих слов, попросил о поддержке церкви. Дело, по его мнению, было богоугодным, так как освобождались люди. Он говорил, что грешно, чтобы кто-то влачил от рождения рабскую жизнь, будучи христианином.

— Нет, Ваше Величество, — сказал патриарх.

— Почему же нет, Ваше Святейшество?

— Церковь не может посочувствовать такому перевороту в общественной жизни. Необходимо стараться держаться того порядка вещей, которой установился издавна.

Я не стал уговаривать патриарха, но был раздосадован. — Дал называется свободу церкви, — никакой благодарности в ответ. Ну и ладно, имеет право патриарх на свою позицию, хоть она даже, на мой взгляд, странная. Зато братишка меня поддержал. Константин, казалось бы, вообще не знал колебаний и с огромным воодушевлением воспринял готовящееся освобождение крепостных. Его горячая радость даже привела к разговорам и слухам, что-де именно он надоумил государя к этой реформе. Младший брат надо сказать, на самом деле отличался своей кипучей деятельностью. Он состоял в Секретном Крестьянском и Финляндском Комитетах, занимался внешними и внутренними займами, бюджетом, посещал подведомственное Морское министерство. Вечерами же он играл на виолончели и фортепиано, рисовал, участвовал в любительских спектаклях, сидел за шахматами. После смерти Николая и восшествия на престол брата Константин словно вырвался на свободу. Он перестал себя сдерживать совершенно и говорил прямо о своих идеях по конституции и Государственной думе, чем шокировал окружающих. Пошли откровенные намёки, что Костя рвётся к дешёвой популярности, не думая об участи верного дворянства. Эти ненужные толки привели к общему семейному совету. На нём было принято решение отправить великого князя Константина в плавание по Средиземному морю на восемь месяцев. На самом деле речь была не о ревности к братишке, а боязнь за его безопасность в это непростое время. Было решено убрать главного раздражителя подальше от Петербурга, пока ситуация не утихнет.

Как символ изменения жизни в стране виделось состоявшееся в мае освещение Исаакиевского собора. Этот крупнейший кафедральный собор являлся величайшим купольным сооружением. Его монументальный и величественный образ стал визитной карточкой столицы. Это здание словно говорило своим видом, — грядёт новая эпоха, готовьтесь все! Другим не менее значимым символом новой жизни стала демонстрация в Академии художеств картины Александра Иванова «Явление Христа народу». Это произведение шокировало современников своим содержанием. Так, в центре композиции находилась фигура Иоанна Крестителя, совершающего крещение людей, собравшихся у берега реки Иордан. Увидев приближающегося Иисуса Христа, Иоанн указывает на него... Находясь в глубине картины Христос, отделённый от других действующих лиц, идёт по возвышенности так, что он кажется поднятым высоко над толпой. И хотя вроде бы сам Христос служит центром внимания, содержание картины раскрывается словно через реакцию людей на его появление. Казалось, художник стремился показать нравственный переворот в душах людей, их порыв к святой истине. В толпе, выглядящей общей массой по отношению к Христу, выделялись отдельные персонажи. За спиной самого Иоанна находилась группа апостолов, а в самой левой части полотна изображены выходящие из воды мальчик, чьё лицо к шоку всех зрителей явственно напоминало молодого императора Александра и опирающийся на палку старик, в чьём образе отчётливо угадывался святой Николай Чудотворец. Картина вызвала столь серьёзное потрясение, что привела к

многокилометровым очередям, только для того чтобы увидеть её лично. Пересуды же о содержании картины никак не стихали. В итоге само полотно было помещено в Румянцевский общедоступный музей и каждый гость столицы в это время считал своим долгом увидеть эту картину.

Помимо работы над реформой по освобождению крестьян, я занимался и другими задачами. Первым вопросом стала Аляска, а вернее, её освоение. На огромной территории жило чуть больше 1000 человек русского населения. Да, было ещё и местное, — около 10 тысяч, но всё равно это были совершенно несерьёзные цифры для такого огромного региона. Требовалось предпринять активные шаги по исправлению данной ситуации.

Дальнейшие действия Александра заставили напрячься уже другую часть российского общества, а именно казаков. Вышел указ по созданию казачества Аляски. Было обещано полное освобождение от подушной подати, говорилось также о содержании продовольствием, оружием каждого казака и наделением земли для добычи полезных ископаемых. То, что в этом регионе было обнаружено золото, — правительство уже знало. Ещё при Николае I были разведаны первые месторождения. Другое дело, что власть ничего не делала и шла только по самому лёгкому пути, — добыче пушнины. Не хватало ни политической воли, ни умения подступиться к этой сложной проблеме — золотодобыче в не самых благоприятных климатических условиях. По требованию государя донское, кубанское, астраханское, уральское, оренбургское казачество выделили тысячи семей для переселения в новый регион. Собственно говоря, сильного сопротивления власть не встретила, так как земель для казаков уже не хватало. Среди них было много малоземельных, была и откровенная гольтьба. Узнав же, что власть фактически берёт на себя их содержание в первые два года, а потом обещает выкупать всё добытое золото и иные ресурсы, казачество воодушевилось даже несмотря на все разговоры о дальности и суровости края.

— Где наши не пропадали. Главное земли навалом будет, опять же золото это и обеспечение продовольствием, — говорили казаки.

В результате правительство Российской империи переправило на Аляску почти 70 тысяч казаков, — цифра на тот момент была просто гигантская. Для перевозки такого огромного количества людей были даже арендованы специальные суда у Англии. Прибывшим казакам выдавалась различные крупы, прежде всего гречка. Надо сказать, что эти крупы здорово помогали, — их было несложно перевозить и хранить. Это был питательный и полезный продукт, который в сочетании с местным мясом и рыбой помогал чувствовать себя довольно сносно. Все казаки были обеспечены строительным инвентарём, оружием, и это позволило за относительно короткое время благодаря самоотверженному труду переселенцев появиться на Аляске ещё 5 небольшим городкам. Жизнь закипела, а новый регион стал по-настоящему русским.

За короткое время здесь развернулась золотая лихорадка, что широко подавалась в газетах. В результате на Аляску потянулись самые буйные и авантюрные головы, так как земля и продовольствие стали обещаться каждому... Правительство сумело компенсировать свои потери. Скупая золото на местах по ценам ниже рыночных, оно смогло поставить новый регион на полную самокупаемость.

Почему я обратил внимание именно на казачество, а не на другие слои общества? Мне нужны были не только работники, но и люди, которые бы смогли удержать оружием этот отдалённый регион. Данному требованию отвечало лишь одно военное сословие, — казачество.

Вторым шагом для Александра стал Кавказ. Британские власти стали разжигать борьбу горцев против России, им тайно передавалось оружие. Во главе движения против Российской империи стал Шамиль. Своими жестокими и хитрыми методами он создал себе мощную базу. Целью России было замирение Кавказа, а набеги горцев мешали освоению края. Трудность войны состояла в том, что Шамиль вёл исключительно партизанские действия, которые подрывали боеспособность русских подразделений.

Александру предложили вырубить леса и дополнительно построить крепости в этом регионе, но он выбрал в данной ситуации менее затратный подход. Разведка смогла проникнуть в ближайшее окружение кавказского лидера и передать данные о его точном местонахождении. В результате русские войска под командованием генерала Николая Евдокимова окружили аул Гуниб и физически уничтожили всю верхушку восставших. После этого волнения на Кавказе стихли.

Следующие события удивили окружение императора. Александр встретился с местными старейшинами, не участвовавшими в восстании, и после долгой беседы предложил тем осуществлять управление Кавказом.

— Я хочу, чтобы вы также занимались этим краем. Поймите, Россия не уйдёт оттуда. Мы здесь навсегда. А даже если бы Россия и ушла, то сюда сразу бы вторглись другие ведущие державы. Империя же в отличие от остальных стран уравнила все национальности, религии, вы также можете разговаривать на родном языке. Никто не будет ущемлять горцев, — я воспринимаю вас как подданных России.

— И каковы будут наши полномочия?

— Вы будете руководить местной жизнью Чечни и части Дагестана. Россия не собирается навязывать вам свои порядки. Да, здесь будут действовать законы империи, но не все, а только те, которые будут учитывать ваши традиции. Зная о приверженности горцев исламу, мы, например, не будем продавать тут алкоголь, проводить мероприятия, оскорбляющие национальные чувства. Ваша задача показать местному населению, что мы вместе будем только сильнее.

Старейшины в итоге согласились, а Кавказ постепенно становился своеобразной жемчужиной России. Горцы уважали Александра за силу, почтительное отношение к их вере и традициям. В стране в это время запрещалось оскорблять людей по национальному или религиозному признаку, проявлять любую дискриминацию, что на то время было просто удивительным. Так, Российская империя благодаря новой политике государя становилась по-настоящему домом для всех.

После сообщений в газетах о скорой ликвидации крепостного права в России пошли слухи о конституции. Цензурное ведомство работало в усиленном порядке. Было отклонено множество статей, в которых авторы возбуждали «неприятные чувства» к самодержавию, а конституционное правление западных государств при этом восхвалялось. Даже прусский посол Отто фон Бисмарк в это время писал, что в России все ожидают изменения формы государственного управления.

В это время жизнь в царской семье продолжалась. Вернулся домой и Константин, полный сил и энергии. Жизнь текла спокойно и дружно, — любили, переживали, помогали друг другу. Вдруг осенью случилось беда, — тяжело заболела вдовствующая императрица Александра Фёдоровна. В середине октября вокруг умирающей собрались все родственники, но она несколько раз спросила «скоро ли будет Саша?», и когда он появился, вдруг успокоилась. Дети и внуки поцеловали её руку, а она потом медленно заснула. Ночью же Александра Фёдоровна сильно стонала от боли. На следующий день ей стало хуже, а наутро она совершенно ослабела. Священник прочитал императрице отходную. Стояла полная тишина. Матушки больше не стало...

В горестных чувствах государь продолжил дела. Обещанное дворянам время решения проблемы подходило к концу, а император не должен нарушать своего слова...

28 января 1861 года в Мариинском дворце на заседании Государственного совета был вынесен проект Положения об освобождении крепостных крестьян. Документ стал зачитываться членам совета.

— С первого слова ложь! — громко заявил Адлерберг и отказался подписать первую статью, в которой говорилось о «доблести» дворянства, которое добровольно отказалось от владения людьми. Эти слова были сразу же вычеркнуты из текста великим князем Константином. Как ни странно, но и в Государственном совете в это время находились люди чести, отказывавшиеся лицемерить перед всемогущим первым сословием. Остальное содержание Положения не встретило каких-либо возражений.

Одобрённый документ был по требованию Александра отправлен к патриарху Филарету для подготовки к его будущему оглашению перед крестьянами. Несмотря на возражения святейшества о его несогласии с этим Положением, государь настоял на своём. «Я вас не заставляю соглашаться с этим документом. Речь идёт просто о том, чтобы донести о нём весть всем подданным Российской империи», — отвечал в обратном письме император. Не зная, что на это ответить, Филарет был вынужден согласиться. Издавна важные сведения передавались простому люду в церквях, и кто он такой, чтобы нарушать установленный порядок.

Манифест должен был быть опубликован в феврале, и общественность находилась в сильном напряжении. Накануне объявления в каждом полицейском участке было заготовлено множество розог.

— Зачем это? — спрашивали неравнодушные горожане.

— Для того, что сечь чернь, которая перестанет слушаться господ, — отвечали полицейские.

Одновременно с этим был отдан приказ, чтобы нигде не собирались в группы более трёх человек и была повышена плата за донос до 5 рублей. В городах появились удвоенные

военные патрули. Все офицеры были отозваны из отпусков и находились в это время в казармах. Даже во внутреннем дворе Зимнего дворца расположились солдаты. Подготовлен был и конвой государя из черкесов и осетин.

Вечером 18 февраля в Зимний дворец приехали «защищать» императора виднейшие чиновники империи. Было очевидным, что данные господа просто боялись волнений и считали необходимым укрыться в самом охраняемом на тот момент здании государства.

Сели ужинать в столовой. За столом стояла тишина, и лишь государь выглядел умиротворённым. От сознания решения такой серьёзной проблемы Александр был крайне доволен. Вся эта борьба с крепостниками его сильно утомила. Раздали очередной порядок блюд, но вдруг раздался глухой сильный гул.

— Бомба! — вскричал князь Чевкин.

— Стреляют! — испуганно запричитали женщины.

— Звук другой совершенно, — спокойно и твёрдо сказал император.

Началась суэта, плачь, панические разговоры. Все стали из-за стола, гости начали надевать каски. Через 5 минут выяснилось, что этот шум произошёл от сбрасывания снега с крыши. Государь так залиvisto засмеялся, что даже пролил на себя вино. От этого он уже впал просто в дикий хохот, что ввёл в совершенное неудобство окружающих.

Успокоившиеся гости через минут пятнадцать вновь вернулись к ужину, но едва все расселись по местам, как послышался сильный колокольный звон. Гости опять встрепенулись, испугавшись, что в набат бьют заговорщики. Отправили узнать о звуке дежурного офицера. Выяснилось, что звонили у Исаакиевского собора в связи с похоронами священника.

— Это уже становится неприличным, господа, — отметил государь.

После принятия трапезы все разошлись по дворцу.

Между тем, по данным полиции, в ночь с 18 на 19 февраля в столице не случилось ни одного преступления, что, по сути, было в определённой степени рекордом для нового Петербурга.

Эта реформа осуществляла план государя по становлению гражданского общества в России. Фактически с принятием манифеста по отмене крепостного права уравнивались права всех граждан страны. Миллионы людей получали не только свободу, но и имущество. Не сохранялось даже малейшей зависимости крестьян от помещиков. Впервые за долгое время государство проводило радикальную реформу, не разрушая основ прошлой жизни. Преобразование казалось обществу вынужденным и по большей части справедливым, хоть и шокирующим по своему содержанию.

Утром 19 февраля 1861 года Александр, как обычно, вместе с семьёй пил чай в комнате у императрицы. Дети вели себя тихо, чувствуя общее волнение окружающих. Допив чай, государь пошёл себе в кабинет, а Мария перекрестила супруга. Она была готова в полной мере разделить с мужем все возможные испытания.

За рабочим столом государь подписал все документы, — вот и всё. Бумаги с дежурным офицером были отправлены к государственному секретарю Буткову... Манифест печатали во всех казённых и частных типографиях. Отпечатанный документ был разослан по всем церквям, и священники зачитывали волю Царя-Освободителя. Сам император в Михайловском манеже при огромном стечении народа зачитал манифест. После его оглашения следовало громкое «ура». Ликующий народ бежал по улицам за коляской Александра, не зная как ещё выразить свои чувства.

— Сегодня очень важный день в нашей жизни. Теперь Россия не будет прежней! — сказал император семье.

В скором времени манифест был доведён до всех населённых пунктов империи. Крепостники, ожидавшие бунта черни, были посрамлены, — крестьяне встретили новость со спокойной радостью. Не было никакого разгула на улицах, народ служил молебны и массово покупал иконы Николая Чудотворца. Этот святой словно незримо следовал за Александром, напоминая последнему, что каждый его шаг несёт серьёзные последствия для всей страны...

Двадцать тысяч рабочих пришло на Дворцовую площадь и стали перед Зимним дворцом, сняв свои шапки. Государь, к удивлению окружения, не только показался на балконе и поприветствовал народ, но даже и вышел к ним вниз для беседы.

— Вот, ребята, — дано освобождение народу. Всё ли вас устраивает в законе?

— Спасибо, Ваше Величество, век помнить будем милость эту.

— Это только начало. Обещаю, всю жизнь положу ради вас, — громко говорил государь.

Уже в марте «Положение об освобождении крепостных крестьян» поступило для продажи по 5 рублей за экземпляр. Несмотря на немисливо высокую цену, разбирали тиражи быстро. Правительство же на этой продаже умудрилось не только окупить все организационные приготовления к реформе, но и существенно заработать. Весь люд читал Манифест вслух и обсуждал его.

— А царь-то у нас удалой. Реформу какую умную провёл, — высказывался народ. И это было на самом деле удивительно, — редко когда русский народ хвалит преобразования правительства, и тем оно было значимее для истории.

А содержание реформы оказалось на самом деле крайне занимательным. Все крепостные переводились в положение государственных крестьян. Им передавалась вся бывшая у них до этого в распоряжении земля без всякого выкупа. Крестьяне получили личную свободу и все гражданские права, а также полную возможность распоряжаться своим имуществом. Поразительным было и то, что император несмотря на все попытки чиновников, не позволил образование сельских общин. Государь так и заявил: «Раз крестьяне стали свободными, то пусть будут ими до конца». В итоге они получили землю в индивидуальную собственность, а не общинную, что позволяло в будущем им развивать высокопроизводительное фермерское хозяйство. Дворяне же получили взамен утраченного имущества приватизационные чеки, которые давали право участия в приватизации (переходе в частные руки) государственных предприятий.

Одновременно с этим достижением, Александр завершил наконец и работу над учебниками по обществознанию и философии, которых ранее вообще не было в России. Фактически это даже были не две книги, а целый их комплекс. Для каждого уровня образования предусматривалось отдельное учебное пособие. Если для начального, среднего и среднеспециального уровня предлагались разные версии учебников обществознания, то для вузов давались и разные вариации пособий по философии. В этих книгах было чётко сформулирована идеология государства, дан обзор всех общественно-политических учений. Обосновывалась необходимость эволюционного развития государства, и давалось предостережение о революционных идеях популистов. На середину XIX века ещё не было такого уровня учебников. Александр фактически изложил в них фундаментальные гуманитарные знания уже своего времени. Логический и понятийный аппарат излагаемых мыслей был невероятен не только для Российской империи, но и для всей просвещённой

Европы. Оставалось лишь внедрить эти учебники в образовательный процесс, что также было дело непростым...

Интерлюдия

После разрушения крепостного строя несмотря на всю огромную подготовительную работу, значительная часть общества находилась в шоковом либо растерянном состоянии.

В сёлах крестьяне читали «Положение» с утра до вечера и анализировали каждое предложение, выискивая нет ли ещё какого-либо блага для них. Поняв, что, по сути, они сравнивались лишь с государственными крестьянами, — испытывали смесь радости с разочарованием. Денег им никто не выделял, — они лишь получали то, что у них было до этого. Единственное благо, что имущество это давалось им без всякого выкупа и кроме того каждый мог им распоряжаться по своему желанию. Вызывало удовлетворение тем не менее возможность свободного распоряжения собою. Можно было самому, без всякого спроса, вступать в сделки, жениться, переезжать и прочее.

Помещики, как и крестьяне, также вчитывались в каждое слово изданного документа. Выяснив, что теперь они получали вместо крепостных промышленные предприятия, многие высказывали недовольство, обсуждая новые изменения в гостиных своих особняков.

— Ситуация просто ужасная, господа. Вся эта реформа — сплошной обман. Вот смотрите, огромное количество дворян просто обанкротили и им ничего вообще не дали. Оставшимся, — тем, кто не имел долга перед казной, позволили лишь обменять свои поместья под угрозой возможного разорения непосильными налогами на какие-то непонятные приватизационные чеки или ваучеры. Государь заявил, что ваучер этот фактически отражает рыночную стоимость поместья на момент подачи сообщения дворянами просьбы на выкуп крепостных. Но ведь это неправильно совершенно! Цена поместья на тот момент обвалилась почти на 70 процентов, а стоимость предприятий из-за налоговых каникул и их дальнейшего резкого снижения выросла почти в 4 раза. Как это понимать?! Где тут справедливость?! Кроме того, сейчас дворяне вынуждены покупать бывшие государственные заводы на Бирже, а там из-за этой суматохи цена выросла ещё сильнее. Это полный грабёж! — возмутился дворянин Щербитский.

— В русской жизни произошла страшная катастрофа, если хотите, гораздо более страшная, чем извержение вулкана или землетрясение. Вся Россия оказалась, если можно так выразиться, опрокинутой вверх ногами. Если уподобить всё государство огромному железнодорожному поезду, который мчится на всех парах к своей провинциальной цели, то 19 февраля этот колоссальный поезд потерпел крушение! В этот день локомотив, представлявший в поезде главную силу, низринул в пропасть, увлекая за собою все вагоны один за другим. Главный устой жизни русской — крепостное право, на котором всё зиждилось и которым всё определялось, этот устой вдруг рухнул! Я со страхом ожидаю, что вот-вот рухнет и всё, что на нём держалось! — добавлял князь Мещерский.

Несмотря на все эти толки, первое время было спокойно. Многие помещики опасались ехать в деревню, ожидая крестьянских волнений. В самих же головах крестьян происходил настоящий переворот.

Приехавший из столицы в бывшее родное имение, помещик Добронравов был успокоен увиденной расслабленностью мужиков и одновременно раздражён судьбой бывшей усадьбы. Дом крепостника всюду разбирали, а некоторые бабы примеряли на себя оставшиеся невывезенными дамские платья. Он было выхватил пистолет, но потом вдруг осознав, что

теперь не имеет никакого права на эту собственность, вдруг поник и дал команду кучеру повернуть коляску обратно. В груди его стояла душераздирающая боль, — родное имение растаскивали какие-то животные... С этого момента он вдруг понял, что никогда не простит власть за такое надругательство над дворянским достоинством.

Не обходилось и без провокаций. Так, в Пермской губернии вдруг появились необычные путники, одетые по-мещански.

— Пришёл я узнать как дела тут у вас. Правильно ли поняли вы Манифест, изданный государем? Не обманули ли крестьян, когда объясняли содержание «Положения»? — спросил один из пришлых.

Услышав подобную речь, крестьяне попадали на колени перед странниками и стали их благодарить.

— Ваша светлость! Чем вас угощать? Сам Бог вас прислал к нам.

— Мы, братья, едим индейку, да пьём вино.

Поместив дорогих гостей в избе самого зажиточного крестьянина, их стали потчевать на славу. На следующий день странники прошли по земле и вдруг заявили крестьянам невероятный факт.

— А знаете ли вы мужики, что государь вас от всех налогов освободил, да ещё к тому же теперь сами бывшие помещики должны вам оброк платить.

Народ разинул рты от удивления, а незнакомцы тут же потребовали с каждого по 1 рублю за помощь в уразумении новых законов. После некоторого колебания вся деревня собрала для гостей деньги. После же гости также объяснили крестьянам, что император теперь их поставил на место бывших господ, чем окончательно ввели в ступор крестьян. Через часа два, с полными карманами денег, незнакомцы скрылись.

Последствия пребывания мошенников проявились весьма быстро. Крестьяне отказались платить налоги и стали требовать от приставов выплаты им полагающегося от дворян, оброка. Пришлось вызвать воинскую команду.

Исправник с солдатами довольно скоро добрался до бунтующей толпы.

— На колени, сволочи! Я буду читать вам Манифест государя! Вы не поняли его содержание!

Крестьяне на коленях прослушали зачитывание всего документа.

— Всё понятно теперь?

— Понятно.

— Будете платить теперь налоги?

— Нет, ваше высокоблагородие, не будем.

— Как это не будете? Воли государя смеее слушиваться?

— Нет, это не вся воля, — упорствовали крестьяне.

Разговор закончился массовыми розгами.

После крайне неприятной и болезненной процедуры толпа разошлась по домам... К слову, надо отдать должное и властям. Путешествующих мошенников поймали уже в соседней губернии, а после били кнутом и отправили в острог. Тем не менее подобных проходимцев в год принятия Манифеста в России было много, а вреда они нанесли немало...

Довольно часто весьма причудливо складывается движение событий... Ставишь цель, разрабатываешь план её достижения, а результат выходит не совсем таким, каким бы ты хотел его видеть. Переварить данную ситуацию, оказывается, иногда совсем непросто...

Реформы Александра привели к неоднозначной реакции населения. Власть начала формирование гражданского общества, но одновременно пыталась держать все процессы под жёстким самодержавным контролем. Само собой, противоречие в этих действиях явно проглядывается. Когда нет чётко поставленной позиции государства, всегда будут назревать внутренние конфликты, попытки проверить на прочность систему. Новый император понимал, что его вынужденная политика неизбежно приведёт к нарастанию общественной борьбы, но ничего не мог с этим поделать. Он осознавал, что либо победит, либо проиграет и ставка здесь, возможно, его собственная жизнь.

Если при Николае «обществом» фактически был двор, высший свет, дворянские клубы и собрания, то в эпоху Александра начало появляться более аморфное образование. Его действия всколыхнули население России, и внезапно у очень многих стали появляться собственные взгляды на необходимый путь развития государства. Реформы государя были столь непохожи на все бывшие прежде, а сама его личность настолько не вписывалась в XIX век, что это фактически привело его к отрыву от интересов любого сословия России. Дальнейшие общественные события в стране начали очень ярко иллюстрировать данную ситуацию.

Так, глава управлением цензуры граф Адлерберг в это время прямо заявлял, что журналам запрещено писать по финансовым, политическим, экономическим, судебным и административным делам, ибо всё это означает посягательство на права самодержавия. Разумеется, это требование постоянно встречало попытки проверить власть на прочность. Так, профессор И. В. Вернадский в своём «Экономическом указателе» написал о необходимости конституции в России. Профессора предупредили, что следующая подобная публикация приведёт к запрещению журнала.

Удивительным стало и стремление быть «передовым человеком», под которым подразумевалось следование европейским либеральным либо ещё более прогрессивным, социалистическим теориям. «Передовые люди» внезапно появились в редакциях журналов, министерствах, акционерных обществах, в армии, полиции и даже жандармерии. Происходили просто немыслимые вещи, так, к примеру, некоторые губернаторы, желая приобрести популярность в «обществе», стали вдруг поручать издания казённых газет данным «передовым людям». Требовалось срочно предпринимать какие-то шаги, чтобы хотя бы смягчить неизбежный удар по самодержавному правлению. Александр начал решать проблему с «головой», а именно с престарелого министра внутренних дел Ланского, до которого никак не доходили ранее руки. Государь отправил того в отставку, обосновав своё решение тем, что пора давать дорогу молодым. Новым министром стал Пётр Александрович Валуев. Назначение данной фигуры на такую высокую должность было своеобразным сигналом для верхушки элиты. Новый министр слыл консерватором, выступавшим за привилегии дворянства. Казалось бы, это отступление от прежней политики, но государь был человеком глубоко прагматичным. Он ставил либералов во главе тех ведомств, которые осуществляли реформы, а консерваторов туда, где нужен был порядок. Фактически

сторонники самодержавия должны были подчищать за неизбежным бардаком, который следовал за реформами. Окружение же императора мыслило более прямолинейно. Они не видели общей картины и стали полагать, что Александр, скорее всего, просто ведомый человек. Государь не стал никого в этом разубеждать, — он вообще не любил никому ничего объяснять. Да и как можно было раскрыть его замысел, — вот ребята, я пришелец из будущего, — значит знаю, как надо делать правильно. Так что ли? Поэтому приходилось молчать.

Валуев, по словам современников, «...имел вид доброго, ласкового человека, с гармоничным голосом и прекрасными манерами». Он знал несколько языков, обладал недюжинным умом, трудолюбием и невероятным талантом оратора. Благодаря своему внешнему лоску и такту, новый министр изначально пользовался большой симпатией дворянства, которое сразу почувствовало в нём своего. Александр, ставя нового министра, и, казалось бы, идя на поводу у обозлённого дворянства, на самом деле просто лучше их понимал личность нового главы министерства внутренних дел. Валуев хоть и был рьяным сторонником самодержавия и дворянства, на деле отличался большой гибкостью. Ещё работая директором 2 департамента министерства государственных имуществ, Пётр Александрович умудрился совершенно мягкими административными мерами упорядочить кадастровый хаос в учёте имущества. Тут проявился ум нового главы, — он действовал эффективно и нестандартно, будучи при этом убеждённым консерватором.

Вызвав Валуева в Зимний дворец, император обозначил суть его будущих действий в нескольких словах.

— Я желаю порядка и реформ, которые бы ни в чём не изменили основ существующего строя.

Александр никогда не разжёвывал своим министрам программу их действий. Он не был директивным руководителем, как его отец, и стремился лишь обозначить общую линию развития дел. Для него главным было достижение результата, а не мелочная исполнительность.

Министр понял суть мыслей государя, и сразу же осознал, какая непростая работа ему предстоит. Необходимо было начать борьбу практически на всех уровнях власти...

За короткое время потеряли свои должности такие «передовые люди» из губернаторов как Арцимович в Калуге, Муравьев в Нижнем Новгороде, Грот в Самаре, Барановский в Оренбурге, Купреянов в Пензе, которые своей оппозиционной деятельностью разваливали вертикаль власти. За ними последовали и мелкие чины...Прогрессивное общество было раздражено, что ярко проиллюстрировало письмо публициста Юрия Самарина: «Прежняя вера в себя, которая при всём неразумении возмещала энергию, утеряна безвозвратно, но жизнь не создала ничего, чем можно было бы заменить её. На вершине — законодательный зуд в связи с невероятным и беспримерным отсутствием дарований; со стороны общества — дряблость, хроническая лень, отсутствие всякой инициативы, с желанием день ото дня более явным, безнаказанно дразнить власть. Ныне, как и двести лет тому назад, во всей русской земле существуют только две силы: личная власть наверху и простой народ на противоположном конце; но эти две силы вместо того, чтобы соединиться, отделены промежуточными слоями...Прибавьте, наконец, пропаганду безверия и материализма, обуявшую все наши учебные заведения...и картина будет полная».

Можно было понять переживания всех, — «прогрессивные недовольные силы», раздражённых консерваторов, и даже желавших много большего, крестьян. Несмотря на

то что волю государя принимали, — его преобразования теперь стали осуждать... Такова судьба всех крупных реформаторов. «Лес рубишь — щепки летят», — эта народная поговорка как нельзя лучше показывает общественную ситуацию, которая сложилась в России со всеми этими переменами.

Выполнив все неотложные дела, весной Александр вместе с супругой отправился в обширное поместье, находившиеся в Крыму — Ливадию. Марии следовало поправить своё здоровье, а климат в Крыму в это время года был особенно хорош. Дорога из Петербурга была дальней, и государь не был бы самим собой, не пытаясь попутно решать другие вопросы. Императорская чета поначалу заехала в Москву. Встречая государя в Успенском соборе Кремля, патриарх Филарет высказался о последних событиях в стране.

— Приветствуем тебя Александр, в седьмое лето твоего царствования. У древнего народа Божиего седьмое лето было летом законного отпущения из рабства. У нас не было рабства в полном значении этого слова: была, однако крепкая наследственная зависимость части народа от частных владельцев. С наступлением твоего седьмого лета ты изрёк отпущение.

— Я тоже рад снова вас видеть, Ваше Святейшество. Вы верно заметили, что на седьмой год моего руководства государством произошли значительные изменения. Насчёт отмены крепостной зависимости, — я помню ваше мнение. Могу на это лишь сказать, что понимаю всю ответственность, которую я на себя взял, проведя в жизнь данную реформу.

— Ваше Величество, не осуждаем мы тебя за это. Более того, скажем, что обыкновенно сильные мира сего любят искать удовольствия и славы в том, чтобы покорить и наложить иго. Твоё же желание и утешение — облегчить положение твоему народу и возвысить меру свободы, ограниченную законом. Сочувствовали тебе и дворяне в твоих действиях, и добровольно принесли в жертву значительную часть своих прав. И вот результат, — более двадцати миллионов душ обязаны тебе благодарностью за новые права, за новую долю свободы.

Филарет меня своими высказываниями стал сильно напрягать. Сволочь такая, — гнёт своё не переставая. Вроде хвалит, а фактически укоряет. Яростный консерватор какой-то... Ему бы на два столетия раньше жить, — цены бы не было.

— Согласен, Ваше Святейшество. Вы верно заметили, что всё, что я делаю, направлено на улучшение жизни миллионов людей. Был бы также счастлив, если бы и церковь поддерживала власть в её начинаниях. Помимо этой реформы, предстоят ещё не менее значимые преобразования.

— Государь, церковь молит Бога, чтобы твой добрый дар был разумно употреблён, а кроме того ревность к общему благу, справедливость и доброжелательство готовы были всюду для разрешения затруднений. Можем тем не менее пожелать, чтобы получившие новые права крестьяне сделались более прилежными и производительными для улучшения частного и общего благоденствия.

Даже в этих словах, патриарх закинул пару вёдер дёгтя в бочку мёда, намекая якобы, на то что опасается теперь плохой работы бывших крепостных, оставленных без попечительства помещиков. И, главное, ведь что, — не встречаться с Филаретом нельзя, — хуже будет. Сам же свободу дал церкви, — в любой момент может начать государство критиковать. Приходится терпеть, кивать и делать вид, что прислушиваешься к мудрости святых консерваторов — отцов.

Данная ситуация повторилась и при следующей большой остановке в Туле. Обращаясь к

собранным предводителям дворянства, я высказался как можно более компромиссно.

— Господа, я изъявляю благодарность дворянству за то добровольное пожертвование, на которое оно пошло и в результате которого помогло правительству с Божьей помощью совершить великое дело.

Дворяне морщились, не выказывали никакой радости от моих слов, но хотя бы прямо не выступали против. Мне же тоже было неприятно это вынужденное лицемерие, — я ненавижу его всем сердцем. Вот, казалось бы, нет уже Николая, — а тут опять! Только теперь словно чуть ли не через одного каждый считает, что я делаю что-то неправильно. И приходится выказывать всем своё участие, — говорить о мудрости каждого сословия. Как же это бесит! Почему всё так?! Самодержавие — это неправильное совершенно!!! Мне приходится осуществлять реформы для неблагодарных. Я пошёл на огромные жертвы для страны. Отказался от части себя, своей жизни, положил на алтарь государства фактически душу, а в ответ глухое недовольство. И ладно бы только оно, — подозреваю, мне стоит беспокоиться за безопасность собственной семьи.

В Крыму мне тоже не дали возможности отойти от тяжёлых размышлений. Постоянным потоком с курьерами шли записки, отчёты, справки, выписки и прочее. На каждом мелочном документе требовалась моя подпись. Всё это бесило! Настроение упало практически ниже плинтуса. Я швырнул бумаги прочь и пошёл к семье...

Интерлюдия

Небо в Крыму было ясное, а море спокойным. Мария с дочкой Машей были веселы и счастливы. Дочка не знала свою единственную сестру, Александру, которая умерла до её рождения. Сама Маша была очень любима родителями. Её гувернантка, Анна Тютчева говорила тогда своим подругам, что «вся семья обожает этого ребёнка» и что родители «осыпают её поцелуями. Императрица Мария испытывала 'безграничное обожание» к единственной оставшейся в живых дочери. Александру же нравилось проводить с ней время, и он считал её своим любимым ребёнком. Государь даже как-то сказал Тютчевой, что «почти каждый вечер я прихожу кормить супом этого маленького херувима. Это единственная приятная минута за весь мой день, единственное время, когда я забываю о тяготящих меня неприятностях. У Маши были близкие отношения с её братьями. Она терпеть не могла, когда кто-то делал выговор кому-то из них. Это приводило её в настоящее отчаяние. Хотя она часто болела, но окружённая только братьями, Маша росла сорванцом, с независимым характером и сильной волей. Тютчева, правда, справедливо отмечала, что 'дочь императора абсолютно искренняя и никогда не менялась в присутствии незнакомых людей».

Императрица чувствовала себя на новом месте просто замечательно. Каждый день было купание, прогулка, обед, чтение и музыка. За окном дома благоухали цветы и деревья, звенели неутомимые цикады. Вместе с Сашей и Машей она посетила Ялту, побывала на татарской свадьбе, осмотрела древнюю греческую церковь в Аутке. Супруг позволил ей строительство нового дворца в Ливадии, попросив только чтобы там был предусмотрен погреб для знаменитых крымских вин. Саша очень любил мускат и рислинг, не признавая французские и немецкие сорта. Вместе с архитектором Монигетти она решила, что дворец не будет чрезмерно пышным, так как Ливадия должна стать местом семейного отдыха. Главное чего хотела императрица, — это чтобы дворцовый ансамбль органично вписался в красивую южную природу. В последнее время несмотря на все заботы, которые её окружали,

она стала замечать ухудшившееся настроение мужа.

— Саша, тебе надо развеяться. Ты совсем что-то смурной стал.

— Душа моя, неприятностей в последнее время навалилось... Сама понимаешь. Работаете на износ, отдаёшь всего себя, а в ответ видишь только недовольство и раздражение. Иногда даже думаешь, может на самом деле народ пока и недостоин таких жертв.

— Милый, я знаю, ты делаешь для людей всё, что только можешь. Не всегда они понимают, что твои начинания для их блага. Прости их. Люди поймут со временем, как много ты для них сделал.

— Спасибо дорогая, за поддержку. Если бы не семья, то, возможно, бы я и не смог совсем справиться. Главное, что вы рядом со мной, — это настоящее счастье.

А документы из Петербурга все пребывали... Там явно назревало что-то нехорошее. Особенно беспокоили студенты... Молодые люди более не желали жить по жёсткому николаевскому уставу. Прежний государь навёл в вузах чуть не полувоенные порядки. Все студенты были обязаны носить мундиры, ограничивалось получение образования для представителей непривилегированного сословия, были уволены многие лучшие профессора, которые власть находила «неблагонадёжными», насаждалось богословие, устанавливался жёсткий мелочный административный контроль. Молодёжь всё чаще насмехалась над установленными порядками, а теперь перешла к их ругани и саботажу. Появились внезапно требования отменить форму, понизить плату за обучение, вернуть в вузы уволенных «прогрессивных профессоров», прекратить действия стеснительных университетских правил.

В одном из писем государю доложили о деле студентов Заичневского и Аргиропуло, которые стали открыто пропагандировать среди учебных групп социалистические идеи. Они прямо говорили о том, что не следует слушать царя, а народу необходимо запастись как можно быстрее оружием. Передавались государю и слова Заичневского: «Скоро, скоро наступит день, когда мы распустим великое знамя будущего, знамя красное, и с громким криком: „Да здравствует социальная и демократическая республика русская!“ — двинемся на Зимний дворец истребить живущих там...» По этому делу было арестовано уже значительное количество лиц, и оно принимало всё больший оборот. Император внезапно осознал, что спокойный период его жизни завершился, но он не был бы самим собой, — стойком до мозга костей, если бы отказался от продолжения борьбы. Пора было возвращаться в Петербург...

В столице во время отсутствия государя происходили бурные события. Так, студенты внезапно устроили настоящий бунт, требуя произнесения речи оппозиционного профессора Костомарова. Валуев отменил чтение лекции, справедливо полагая, что за ней последует демонстрация. Ответ произошёл незамедлительно, — в Петербургском университете начались беспорядки. Молодёжь свистела, топала, стучала книгами и пугала вузовских работников. Министр внутренних дел действовал аккуратно, но эффективно — активистов вылавливали и проводили с ними соответствующие беседы, особо рьяных отчислили и отправили служить солдатами в армию. Ситуация затихла, но ненадолго. Уже через пару месяцев похороны известного революционно-демократического поэта Шевченко студенты внезапно превратили в антиправительственную манифестацию...

Литератор того времени Никитенко так писал об этих событиях: «...так называемый образованный класс и передовые, как они сами себя называют, люди бредят конституцией, социализмом. Юношество в полной деморализации. Всё это угрожает чем-то зловещим».

Напряжение ослабло с наступлением лета, однако с началом нового учебного года вновь всё забурило. Начальство попыталось упорядочить студенческую жизнь, введя матрикулы (зачётки), содержащие данные об отметках каждого студента, о взносах им платы за лекции, взысканиях, экзаменах. В матрикулах прописывались также правила для учащегося, за соблюдение которых он расписывался. Студенты отказались брать эти матрикулы, а на лекции почти перестали ходить. Пустующие кабинеты в вузах стали закрывать, но студенты взламывали двери и проводили там свои сходки. Тогда университеты закрыли, а в ответ — толпы студентов стали устраивать беспорядки на улицах. Дополнилось это негативным отношением к власти либеральных преподавателей. Крайним выражением этой неприязни стали прошения об отставке профессоров М. М. Стасюлевича, А. Н. Пыпина Б. И. Утина, В. Д. Спасовича. В общественном мнении авторитет этих преподавателей взлетел до небес. Кроме того, распространились лживые слухи, что у студентов насильно отнята их касса взаимопомощи и то, что солдаты якобы били прикладами учащихся. Надо сказать, что дворянство, недовольное Александром встало на защиту студентов, периодически оказывая им финансовую поддержку. В этих обстоятельствах, сестра государя, великая княгиня Мария Николаевна встревоженно заявляла: «Через год нас всех отсюда выгонят», а граф Дмитрий Толстой в разговорах с приятелями высказывался в том роде, что через два года «у нас откроется резня».

Широко стали известны и разошедшиеся по столице мысли Никитенко, которые он продолжал выражать на литературном поприще, осмысливая происходящие события: «... Надо не иметь ни малейшего понятия о России, чтобы сломя голову добиваться радикальных переворотов... Да ведь я сапог не дам сшить человеку, который ничего не смыслит в этом ремесле... а здесь дело идёт о том, чтобы издавать законы для государства, направлять политику... Кричать, чтобы перекричать других и сделать свою мыслишку господствующей над мыслями всех своих знакомых... — в этом главная цель наша, а там хоть трава не расти... Вы говорите, что надо разрушить всё старое, чтобы потом создано новое. Но разве это возможно!.. В общественном порядке бывают перестройки, а не постройки сызнова всего так, как будто ничего не было прежде... Не дразните правительство: вы заставите его, как в нынешней Франции, опереться на войско и массы...»

Радикалы тем не менее издевательски отнеслись к высказываниям Никитенко и им подобным, обозначая всех и каждого ретроградами. Словно бурный поток, либеральная идея сметала всё на своём пути. Молодёжь продолжала неистовство. Попытка освободить задержанных товарищей, привела к серьёзной стычке с полицией. В столкновениях было задержано более двухсот студентов, часть — были ранены и убиты. Для уменьшения растущих жертв Валуев приказал подвести к университетам пожарные насосы и разгонять с их помощью студентов. Одновременно с этим новый министр внутренних дел создал правительственную газету «Северная пчела» и попытался влиять на общественное мнение через неё, привлекая к этому делу и сочувствующего властям Никитенко. Но бороться даже с недовольным мнением (не действием) было крайне сложно. Число сторонников радикалов всё росло. В этом плане серьёзный удар по власти нанёс Чернышевский со своей заметкой «Научились ли?» по поводу студенческих беспорядков. В этой статье автор защищал студентов от упреков в нежелании учиться. Он говорил, что русские студенты всегда хотят учиться, но им в этом мешают ужасные университетские правила. Молодёжь на своих стихийных собраниях зачитывала эту заметку и находила, что она как раз и отражает всю правду происходящих событий.

Прибывший в Петербург во время разгула студенческих демонстраций государь сразу же перешёл в активные действия...

Как быть? — вот в чём вопрос. Отвечать жёстко на студенческое движение — это значит просто снять симптомы болезни. Социалистические идеи лишь усилятся, да и высшее образование окажется под серьёзным ударом. Отвечать же мягко тоже нельзя, — «прогрессивное общество» сделает вывод, что теперь можно в любой момент «прогнать» власть. Я решил действовать нестандартно и перехватить инициативу.

В течение короткого времени вышел целый ряд указов, которые поставили в тупик «прогрессивную общественность». Была отменена обязательная форма, но сохранена возможность её добровольного ношения как знак уважения к учебному заведению, убрано в качестве обязательного предмета богословие, но одновременно введено обучение разработанного мною курса философии, отменена плата за образование для выдающихся учащихся и одновременно повышены требования к сдаче экзаменов. Ликвидированы все мелочные правила, введённые Николаем, отменён полицейский надзор за студентами, разрешены студенческие сообщества. Практически исчезнувшие стипендии вновь восстанавливались и ставились в полную зависимость от показателей учёбы. Были приглашены обратно все профессора, ушедшие в отставку или уволенные за неблагонадёжность (критические высказывания по отношению к власти). На должность министра народного просвещения был назначен пользовавшийся огромным авторитетом, выдающийся хирург, прославившийся в годы Крымской войны, естествоиспытатель и педагог Н. И. Пирогов, отстранённый ранее Николаем из-за своих грубых критических высказываний относительно существующих порядков в армии и образовании.

Валуев был шокирован этими указами.

— Как это понимать Ваше Величество? Мне стоит подавать в отставку? Большая часть ваших распоряжений, противоречит моим охранительным действиям.

— Успокойтесь, Пётр Александрович. Ваши действия во время беспорядков я считаю правильными.

— Тогда в чём смысл этих указов? Зачем отменять почти все правила и приглашать обратно на работу оппозиционных профессоров?

— Потому что мы тут проиграли, — вот почему. Надо уметь признавать тактическое поражение и вовремя отступить, чтобы не проиграть войну.

— Я не понимаю, Ваше Величество.

— Всё просто. Пусть лучше эти оппозиционеры сосредоточатся в вузах, чем разойдутся по всей стране. Мы, в свою очередь, будем работать на опережение. Я уже дал указание Шувалову, чтобы он начал внедрять своих агентов в студенческую среду и усилил работу с вербовкой преподавателей.

— Ладно, но почему вы вдруг отменили ограничения для обучения низших сословий. Ваш покойный батюшка, наоборот, запрещал им поступление.

— Это ограничение — слишком явный аргумент для критики. К тому же я заметил, что бунтуют как раз таки прежде всего не самые бедные сословия. Государству нужны умные люди, — пусть будут.

— А матрикулы эти? Как без них теперь, — контролировать студентов же нужно. Опять, как раньше, будем делать, что ли, и пускать на экзамены по паспортам?

— Матрикулы, как раз таки оставим. Ещё и обяжем преподавателей принимать экзамены по строго утверждённым учебным пособиям, в первую очередь пусть все учебные группы начнут сдавать разработанный нами курс философии.

— Профессора могут захотеть давать свои лекции.

— Запрещать ни в коем случае не будем. Иначе начнут это делать подпольно. Пусть ведут собственные курсы в университетах для студентов, но оплачивать их не будем и сделаем необязательными для посещения. Обяжем только, чтобы они не призывали к свержению существующего строя и не оскорбляли власть, — а так чёрт с ними, — пусть критикуют.

— Хорошо. Но ответьте тогда ещё на последний вопрос, — почему Пирогов? Он же совершенно не уважает авторитеты и говорит прямо в лицо гадкие вещи.

— Есть за ним такое. Представьте даже мне как-то во время Крымской войны, будучи полевым хирургом, заявил, что офицеры наши почти сплошь ворьё и что нынешняя русская армия — это дерьмо. Очень грубо и без предоставления конкретных фактов высказался...

— И вы этого человека собираетесь ставить на такую должность?

— А почему нет собственно? Зерно правды в его словах есть. Недипломатично, конечно, педагог высказывается, но всё же. Народ любит, когда правду-матку режут, — нынче авторитет Пирогова огромен. К тому же он на самом деле талантливый врач и педагог, — отрицать подобное невозможно. Пусть он проводит эти реформы. Мягкий, тактичный человек в трясине образования сейчас завязнет, а у него шанс есть.

Изданные указы и назначение нового министра просвещения вызвали бурный восторг «прогрессивного общества». Студенты громко поздравляли друг друга с победой над ретроgrадами. Население России было удивлено такими значительными уступками самодержавия. Волнения прекратились, но вкус победы привёл к возникновению и более крамольных мыслей, — а что, если можно добиться большего? Александр понимал неизбежность возникновения подобных взглядов и решил действовать, используя принцип айкидо, усвоенный им из прошлой жизни, — остановить противника, используя его же силу и агрессию. «Получите вы у меня образование, сволочи», — думал про себя в это время император.

Назначение на должность министра народного просвещения меня удивило и одновременно обрадовало. Наконец-то власти осознали, что я был прав насчёт всего это бардака и коррупции. Я сразу же заявил царю, что соглашусь на эту работу только в том случае, если моим решениям не будут ставить палки в колёса. Александр согласился и даже больше того. Он предложил совершенно революционные идеи, — ввести всеобщее образование и увязать обучение с налогами. Я был шокирован и заявив, что, конечно же, это необходимо сделать и пообещал указать авторство этих предложений. Император, правда, на это ответил, что подобное недопустимо, так как подорвёт веру в самостоятельность министерства и его авторитет. Кроме того, государь пообещал увеличение финансирования образования почти в 15 раз, запретив, правда, тратить любые средства империи на территории Польши и Финляндии. Но даже это было просто гигантской суммой, что не могло не радовать. Фактически Александр решил потратить на образование в течение 5 последующих лет больше половины всех денег, полученных за счёт конфискаций поместий у дворян.

В результате дальнейшие действия министерства просвещения просто ошарашили всё российское общество. Внезапно были ограничены физические наказания учащихся, введены обязательные педагогические советы для улучшения приёмов образования. Реформировались все уровни образования: начальное, среднее, среднеспециальное, высшее. Буквально со следующего года по всей стране массово стали открываться начальные трёхгодичные народные училища. В эти учебные заведения, к ужасу дворян, принимали детей всех сословий. Причём учёба была бесплатной и обязательной, а детей там к тому же ещё кормили и даже одевали (правда, только тех, кто не имел нормальной одежды или обуви). Преподавание велось только на русском языке, а в программу входили такие предметы, как арифметика, природоведение, грамматика (правила русского языка) и обществознание, подготовленное государем для начальных классов.

Ещё более удивляла модернизация среднего образования. Создавались три вида семилетних гимназий: классические, реальные и военно-инженерные. Бесплатными, по настоянию государя, как ни возмущался Пирогов, являлись только последние. Здесь основными предметами были: русский язык, математика, история, обществознание, военное дело, инженерное дело, включавшее в том числе основы плотницкого, столярного, кузнечного, строительного дела. Впрочем, надо отдать должное императору, — цена учёбы в других гимназиях включала лишь свою себестоимость, а само обучение частично компенсировалось десятипроцентным снижением налогов с родителя на время получения образования. В классических гимназиях изучали русский, французский, немецкий, английский языки, математику, физику, космографию, историю, географию, чистописание, рисование, обществознание для среднего уровня. В реальных гимназиях основными дисциплинами стали: русский язык, английский или французский по выбору, естествознание, математика, физика, черчение, химия, технология, механика, обществознание. Если классические гимназии были ориентированы на получение гуманитарного образования со знанием языков, то реальные стремились дать знания естественно-технического профиля.

Из гимназий учащиеся могли идти дальше в двухлетние ссузы либо пятилетние вузы. Среднеспециальное образование было представлено гуманитарными колледжами, техникумами, направленными на подготовку рабочих кадров, а также бесплатными военными училищами. Ссузы курировались непосредственно работодателями, которые

становились фактически основными заказчиками новых кадров.

Существенные изменения коснулись высшего образования. Основными факультетами в университетах становились: филологический, исторический, физико-математический, юридический и медицинский. Обучение было бесплатным для одарённых студентов, им также выплачивалась стипендия, равная примерно зарплате квалифицированного рабочего. Вузы получили ограниченную автономию. Должности ректора, проректоров и деканов были выборными с последующим утверждением министра народного просвещения. Университетам было предоставлено право свободно и беспопытно выписывать из-за границы необходимые учебные пособия. Сами книги, получаемые университетом из-за границы, не подлежали цензуре. Отдельной разновидностью вузов становились военные и полицейские университеты. Курсанты этих вузов учились совершенно бесплатно и на полном довольствии государства.

Настоящим удивлением для России стало введение налоговой льготы для низших сословий. Говорилось о том, что если в течение последующих 10 лет ими будут сданы экзамены на знание русского языка, арифметики и обществознания, то сумма налогов для них снижается на треть пожизненно. Ещё более невероятным для империи стало введение женского образования. Если до этого оно было в рамках каких-то отдельных малочисленных закрытых учебных заведений, то теперь порядок дел изменился совершенно. Женщинам было позволено обучаться наравне с мужчинами, однако образование оставалось для них делом исключительно добровольным.

Объявленная реформа была настолько непохожа на все существующие в мире, и столь шокирующая по своему содержанию, что население поначалу просто впало в ступор. Так, введённое обязательное начальное образование поначалу вызвало ярость у крестьян, которые не желали лишаться дармовой рабочей силы, но, выяснив, что детей будут кормить и даже одевать по желанию, смягчились.

Крайне сложным оказалось отношение к среднему образованию. Узнав, что бесплатными являются лишь военно-инженерные гимназии, крестьяне, желавшие дать образование своим чадам, не раздумывая, отдали последних именно туда. Ряд родителей также были счастливы возможности списать 10 процентов своих налогов при учёбе детей в классических и реальных гимназиях, но оказались возмущены фактом того, что в случае исключения последних из-за неуспеваемости или окончания учёбы, они сразу же теряли все льготы.

Сами неграмотные мужики, узнав, что если они смогут в течение 10 последующих лет обучиться грамоте и обществознанию, то им спишут треть налогов, стали серьёзно задумываться. Курсы обучения грамотности были массовыми и стоили очень дёшево, а возможность последующей прибыли за счёт снижения налогов казалась им весьма перспективной...

В России тем временем никак не могли переварить реформу образования. Она касалась столь многих вещей даже далёких от учебной сферы, что споры никак не утихали. Масштаб этих дискуссий сотрясал всё общество.

Так, даже, казалось бы, незначительные нововведения, касавшиеся ограничения физических наказаний учащихся и проведения обязательных педагогических советов просто взорвали учительскую среду. Посыпались многочисленные жалобы, а само министерство народного просвещения обвинили в разрушении основ воспитания подрастающего поколения.

— Как учить детей мне теперь прикажете? — возмущено заявлял учитель народного училища, преподаватель арифметики Нестребов своим приятелям по клубу Коровкину и Дудареву. — Школьники эти совсем страх потеряют. Трогать их, видите ли, теперь просто так нельзя. Раньше если ребёнок баловался на уроке, то можно было сразу же бить его розгами, а сейчас что... Мне предлагают записать его нарушение в специальный журнал, а потом ждать, когда воспитатели вызовут школьника и проведут с ним беседу. И ещё не факт, что этого обормота выпорют. Где тут справедливость я спрашиваю?! Почему мне нельзя сразу его наказать? Единственное, что я могу сделать, так это отстранить его от занятий.

— А что будет с учеником, когда его отлучишь? — уточнил Дударев.

— Что будет, спрашиваете? Да ерунда, конечно. Заставят мыть всю школу. Представляете, у нас там целые группы учащихся чуть ли не неделями дряют учебное заведение, а зимой ещё их снег чистить заставляют.

— И что они соглашаются? — недоверчиво хмыкнул Коровкин.

— Да куда им деваться-то? Если просто убегут домой, то на родителя сразу повесят штраф. Дети знают, что тогда на их заднице вообще живого места не останется. В гимназиях, правда, по-другому, говорят, сделано, — детей там могут исключить совсем. Там учеников не только заставляют отмывать школу, но ещё выгоняют за баловство и незнание предмета. Начальство в этом плане никаких скидок не делает. Говорят, сам Пирогов сказал, что если не хотят учиться, то пусть идут пасти коров. У нас вот не выгоняют, — единственное только детей заставляют мыть школу или оставляют потом на второй год.

— Мудрено как-то. Слишком много сложностей напридумывали, — сказал Дударев.

— А я про что. Раньше можно было просто на месте взять розги и отхлестать сорванца. Уважение сразу к учителю появлялось, а теперь что... Жалуемся воспитателям. Дети нынче не нас боятся, а воспитателей этих. Да и неудобно как-то постоянно жаловаться, — подумают ещё, что плохо учишь. Приходится сейчас указывать в журнале только самых дерзких. Иначе кураторы по дисциплине прямо начнут сидеть на твоих занятиях и смотреть за порядком. И так ведь, как эти педсоветы ввели, то замучили совсем. Выдумали, значит, какие-то взаимопосещения занятий педагогами, обмен методическим опытом и всякое такое. Никакого покоя, — министр этот, чёрт бы его побрал, совсем сдурел со своей реформой. Столько нововведений, что просто мозг сломаешь. Ушёл бы в отставку, но единственное, что держит — это повышение зарплаты почти в два раза. Жена просто сожрёт теперь дома, если уйду со школы.

Тем временем Н. И. Пирогов из-за гигантского вала критики и жалоб, был вынужден дать пояснения в прессе относительно физических наказаний учащихся. В статье «Нужно ли

сечь детей и сечь в присутствии других детей» педагог писал, что холодный карцер, оставление без обеда детей, как наказания, неприемлемы. Кроме того, министр отмечал, что даже розги являются грубым актом и насильственным инструментом для возбуждения стыда, а само их применение является элементом безнравственности. По его мнению, несмотря на то, что физические наказания в отношении детей сейчас ограничены, в будущем их надо вообще полностью отменить.

Действия Пирогова вызывали ярость. Его обвиняли в вольнодумстве, желании развалить образование, невозможности организации адекватного учебного процесса.

— Если школьников не бить, то они совершенно распустиятся, — уверяли тогда педагоги со стажем.

Всё это дополнялось и кадровыми переменами в сфере образования. Необходимость обеспечения множества открывающихся учебных заведений преподавателями, привела к ослаблению требований на занятие соответствующей должности. Достаточно было лишь сдать экзамен на знание необходимого предмета и пройти двухнедельную профессиональную переподготовку, чтобы приступить к новым обязанностям. В результате подобного решения, на вакантное, теперь уже высокооплачиваемое место преподавателя, хлынули разного рода разночинцы и даже огромное количество обедневших дворян, с трудом сводивших концы с концами. Впрочем, надо отдать должное, дворяне были очень образованы, а также свободно говорили на иностранных языках, хотя и здесь не обходилось без ложки дёгтя. Говорить о любви их к детям, особенно к мужицким, особо не приходилось. Новые педагоги хоть и были образованы, но отличались жестоким подходом к обучению. Министр неспроста ограничил телесные наказания детей, — проблема могла выйти за пределы допустимого...

Очень непросто было воспринято совместное обучение девочек и мальчиков. Поначалу никто даже не понял, что подобное введено, а когда это выяснилось, то произошёл буквально взрыв недовольства. Несмотря на то что женщины учились исключительно по добровольному желанию, даже такая небольшая уступка по гендерному признаку вызвала ярость.

Опять взбунтовались студенты вузов, которые внезапно заявили, что женщинам среди них не место. Понимая, что ситуация вновь может выйти из-под контроля, император решил встретиться с недовольными лично, прямо в Петербургском университете.

— Господа студенты, профессора, до меня дошли сведения о вашем недовольстве введением совместного обучения двух полов.

— Ваше Величество, мы просим пересмотреть это решение. Женщины не должны учиться. Их удел — это семья и дети, к тому же всем известно, что они от природы глупее мужчин и не способны мыслить рационально. Эта выставка «декольтированных фей» в стенах учебного заведения, в конце концов, просто оскорбительна, — заявил один из лидеров студенческого сообщества Игнатюк.

Раздались громкие возгласы одобрения.

— Ваше Величество, поймите. Мы рады, что вы пошли навстречу высшему образованию, убрали ужасные правила для студентов, вернули прогрессивных преподавателей, но это просто не укладывается в голове. Как учёный вам скажу, что есть данные исследований, которые достоверно подтверждают наличие больших различий не только в объёме веса и мозга мужчин и женщин, но даже в отдельных частях его. Данный факт доказывает неспособность женского пола к адекватному усвоению знаний, и даже

более того ведёт к прямому вреду их физического здоровья, — высказался профессор Протасевич.

Вновь раздались аплодисменты и одобрительные выкрики.

— Хорошо, скажу прямо. А вам то, что с этого, господа? Это здоровье женщин, и они сами за него ответственны или вы испугались, что, возможно, вдруг вас посрамят? — высказался Александр.

После этих провокационных слов императора зал буквально взорвался от негодования, многие вскочили со своих мест.

— Успокойтесь господа, давайте вернёмся к обсуждению. Это ведь женщины эмоциональные, а не мужчины. Или вы хотите доказать нам обратное, — громко вскричал государь.

От этих слов все прямо опешили и притихли.

— Значит так, данное новшество придумано не нами. В Европе это уже введено и эксперимент признан удачным, — продолжил император.

— Но Россия — это не Европа, Ваше Величество, — вновь возразил Игнатюк.

— Да неужели?! — с, казалось бы, неприкрытым удивлением воскликнул Александр. — А мне казалось ещё недавно, что вы вдруг отстаиваете европейские ценности для России. Что тогда ответите мне на это?

В зале наступила гробовая тишина, — на данное утверждение не было никакой возможности ответить непротиворечиво.

— Итог следующий, господа. Всю эту тему с требованиями изменить образование по европейским стандартам затеяли вы сами. Правительство пошло вам навстречу. Попытка переиграть назад, будет видеться любому здравомыслящему человеку лицемерной, а значит, допускать подобного мы с вами не имеем права. И в следующий раз требуя идти по европейскому пути, имейте в виду, что государство будет проводить всё последовательно и до конца.

Государь выходил из зала в полной тишине, а студенты и профессора сидели пришибленными. А уже буквально на следующий день газеты вышли со статьями, что это именно студенты потребовали провести образовательную реформу европейского характера, а теперь вдруг возмущаются её содержанием. В прессе пошли насмешки над глупыми студентами, которые сами не знают чего хотят. Даже прогрессивное общество внезапно переменяло свой тон. Молодёжь же в этой ситуации оказалась в полной прострации от подобных издевательств и на время совершенно затихла, переживая свой позор.

Более сложной вышла встреча Александра и главы русской церкви.

— Как это понимать, Ваше Величество? — начал Филарет.

— Вы о чём, Ваше Святейшество?

— Государь, думаю понятно, что я имею в виду. Почему из образования убран курс Слова Божиего.

— Возможно, данная ситуация сложилась из-за позиции церкви, отказывающейся поддержать государство в его реформах. Правительство сейчас в уязвимой ситуации, и нуждается в одобрении своих действий со стороны патриарха как никогда.

— Очень похоже на шантаж, Ваше Величество.

— Побойтесь Бога, и в мыслях не было. Просто я не понимаю, почему государство должно тратить деньги на введение курса православия во всех учебных заведениях, если церковь не готова уступить ему даже в этой мелочи.

После этих слов патриарх вдруг замолчал. Было видно, что он переваривает каждое слово Александра.

— Всё равно нет, — заявил патриарх.

— Почему же? — удивился я.

— То, что вы делаете противно православию. Отмена отеческой заботы помещиков над крестьянами, дарование равных прав всем религиям, а нынче ещё и эта ужасная реформа образования. Мужики теперь будут грамотными, — да они после этого бунт поднимут, да в атеизм ударятся! А дать женщинам возможность учиться, — как вообще можно было ввести такое в нашей православной стране. Немыслимо! Нет, нет!!! Поддержать вас, — это значит пойти против совести!

Услышав яростную возмущённую речь Филарета, — я оказался под впечатлением и на пару секунд вдруг даже подумал, что может на самом деле ошибся. Настолько праведной и сильной эта речь мне показалась... Если бы у меня не было опыта будущей жизни, я бы, возможно, и повернул назад. Но так нет, — меня этим напором не возьмёшь.

— Хорошо, Ваше Святейшество, я уважаю данное решение. Но тогда и вы не ждите никакой поддержки от государства в учебной сфере. Мы прекратим всякое признание духовного образования, — обойдётся без него.

Патриарх скривил лицо, видно, как ему в этот момент было тяжело.

— Вот как оно пошло, государь. Вы хотите пойти против церкви и стать антихристом?

— Ничего подобного. Все знают, что церковь, благодаря мне, наоборот, стала свободной. При батюшке моём никакого патриаршества не было. Действовала духовная коллегия, — я бы просто приказал вам, как обычному чиновнику, и вы бы не смогли противиться. Согласитесь, — сложно назвать человека антихристом, давшего православной церкви возможность принимать собственные решения.

— Только это и дали, Ваше Величество. Спору нет, но когда вы даёте одной рукой, то другой сразу же отбираете.

— Слушайте, мы идём по кругу. Давайте обозначим наши итоговые позиции. Вы намерены договариваться?

— Церковь нуждается в православном образовании, — без него нам будет нанесён страшный удар. Неграмотный священник может нанести больше вреда, чем какой-то атеист или схизматик, — раздражённо сказал Филарет.

— Хорошо. Ваш запрос нам понятен. Что государство получит взамен?

— Церковь не готова поддержать вас, но мы согласны не критиковать ваши начинания, — теперь уже зло высказался патриарх.

— Этого мало. Правительство в ответ на это готово согласиться лишь на специальное православное образование вне государственных учреждений и официально признать его, но без финансирования. Можете создавать свои начальные, средние, высшие учебные заведения, но на собственные средства.

— Да будет так, Ваше Величество. Скажу как на духу, этот разговор для меня был неприятен. Вы буквально выкручивали мне руки.

— Зато теперь лучше понимаете мою жизнь. Со мной такое происходит постоянно. Я, надеюсь, вами будет донесена до каждого священника необходимость невмешательства церкви в государственные дела. Занимайтесь духовной жизнью, а государство будет ведать мирской, раз вы уж сами выбрали такое решение. Односторонний пересмотр данной позиции видится мне весьма болезненным для обеих сторон.

Беседа с патриархом буквально вытрясла из меня последние силы. Чёртов фанатик! Как же тяжело с ними иметь дело! Филарет уверен, видите ли, что он прав, и даже пытается переубедить его, оказалось делом совершенно бесперспективным. Самое поганое, что российское общество словно разделилось на «прогрессивное» и консервативное. С обеих сторон мною недовольны, и приходится постоянно лавировать между ними. Как ни странно, но именно эта сложная ситуация пока меня выручает от прямого заговора. По словам Шувалова, контролирующего государственную безопасность, сейчас консерваторы безумно боятся либералов и социалистов, а те, в свою очередь, опасаются консерваторов. В таких обстоятельствах главной угрозой становится не возможность гвардейского заговора (так как до сих пор отсутствует единая политическая позиция у высшего сословия), а попытка организовать покушение на меня и отдельных членов семьи обеими политическими сторонами. Устранение же государя, а затем Константина и других неудобных представителей императорской фамилии, позволило бы продалить нужный взгляд на политическое развитие страны. Шеф III Отделения в своих донесениях указывал также на возможность организации специальных провокаций с целью расшатать общественный порядок и под предлогом государственной беспомощности, нанести необходимый удар либо оказать такое воздействие на власть, которое последнее бы не смогло игнорировать.

Тем временем в самом российском обществе продолжала развиваться борьба по всем вопросам социальной жизни. Мечты умеренных либералов о сплочении всех «передовых сил» общества для продолжения реформ европейского образца рухнули после контратаки Александра в образовании. Никитенко в валуевской «Северной пчеле» примерно в это же время подверг сильной критике «наших крайних прогрессистов». Писал он, правда, в смягчённых выражениях, так как боялся слишком гневной реакции. Уже тогда его приятель Иван Александрович Гончаров прямо советовал ему быть «аккуратным», так как многие осуждали писателя за открытую поддержку действий правительства.

Разумеется, общественное затишье было недолгим, и первыми решили нанести удар дворяне. На очередном дворянском собрании Тверской губернии неожиданно были сформулированы требования к правительству: 1. преобразование системы управления финансами, чтобы она не зависела от произвола правительства, 2. учреждение независимого и гласного суда, 3. введение гласности во всех отраслях управления, без которого не может быть доверия к власти, 4. уничтожение антагонизма между сословиями. Самым же главным являлось то, что средством разрешения данных вопросов данное собрание видело не в правительстве якобы «несостоятельном в этом деле», а в специально созванном Земском соборе, которое бы взяло на себя решение текущих проблем.

Эти пункты на самом деле не выражали стремление дворян к улучшению жизни государства, — их скрытой целью являлось желание получить власть. Очевидным было, что всеобщие выборы в пока ещё неграмотной России на то время могли бы привести к власти только дворянское сословие. Так, перед государем назревал новый вызов, не менее опасный прежнего...

Реакция на тверские события последовала незамедлительно. Все авторы документа, требовавшего созыва Земского собора, были арестованы. После следствия они были преданы суду Сената и приговорены к заключению в тюрьме на срок 2 года, а также к лишению дворянского достоинства.

Надо сказать, что по существующей практике, представителей лучшего сословия государства, могли легко освободить от всякого наказания по представлению высших чинов Российской империи. В принципе, дело к этому, как обычно, и шло. Их освобождение и прощение было согласовано ещё до начала процесса на высоком уровне. Петербургский генерал-губернатор Смординов отдал приказ на освобождение тверских дворян под собственное поручительство. Но тут что-то пошло не так...

Буквально через считанные часы после подачи данного постановления, генерал-губернатор был арестован и помещён в Петропавловскую крепость. В течение же следующих нескольких дней всё высшее общество оказалось в состоянии, близком к ужасу. Суд Сената, вынесший приговор был расформирован, а сами тверские арестанты расстреляны. Данная реакция самодержавия была настолько нетипичной, что шок был полным. Такое отношение к дворянскому сословию было ранее немыслимым, а жестокость действий императора казалась чрезвычайной. Сам же Александр прекрасно осознавал необходимость подобного ответа. Одно дело, когда оппозиция желает реформ и улучшения своего положения, а совсем другое — это требование смены существующего строя. Мягкая реакция на подобные шаги может привести к настоящей катастрофе.

После такого удара первое сословие затихло, но так сразу не сдалось. Буквально через пару месяцев один из вождей дворянской оппозиции Безобразов, внезапно предложил московскому дворянскому собранию предоставить просьбу к государю «отказаться в пользу сына» от престола. Фактически здесь не содержалось требования смены политического режима, а поэтому, казалось бы, нет видимого нарушения закона. Тем не менее даже подготовленное недовольное высшее сословие Москвы осторожно проголосовало 183 против, а 165 — за. Император, к ужасу дворян, приказал арестовать всех 165, лишить их достоинства и конфисковать всё имущество. Суд, к удивлению, прогрессивного общества проводил государь лично. Все проголосовавшие за предложение императору отказаться от престола, были казнены в короткий срок. Такого количества приговорённых к смерти дворян не было никогда, — даже после масштабного декабристского восстания их было всего 36. Тут же приговорённых стало почти в 5 раз больше, причём наказаны они были из-за подписи на противогосударственном документе.

Власть начала внушать страх. За кажущейся покладистостью Александра, его личными переговорами с сословиями, вдруг стала видна беспощадность. Никакого сочувствия, снисхождения, учитывания прежних заслуг, — ничего. Сочетание мягкости и одновременно безжалостности порождал какой-то безумный страх. Высшее сословие внезапно осознало, что их жизнь может перестать стоить и ломаного гроша, как только они заговорят о смене политической власти.

В этих обстоятельствах немногочисленная оставшаяся (большинство стало максимально лояльным) дворянская оппозиция разделилась: одна часть перешла к критике невластных отношений в обществе, а другая — соединилась с радикалами.

Ярким представителем первой части оппозиции стал Л. Толстой, распространявший своеобразные идеи духовного социализма. Его учение в отличие марксизма основывалось на христианстве, а главная особенность заключалась в категорическом отрицании насилия. Писатель говорил о необходимости «мирной, трудолюбивой земледельческой жизни», «освобождении от всякой человеческой власти», «самоотречении, смирении и любви ко всем людям и ко всем существам». III Отделение при обыске в его доме смогло обнаружить портфель с письмами и фотографиями Герцена. Удивительно, но Толстой обладал настолько большим самомнением, что отправил после этого жалобу самому императору, на якобы произвол жандармов. В ответ на это государь лишь выплатил премию сотрудникам III Отделения, серьёзно же наказывать писателя не стал. Действия последнего имели больше антирелигиозный характер, — Толстой яростно критиковал православие, а его же социализм имел по большей части умозрительный, беззубый характер, не призывавший к свержению строя. Тем не менее за писателем был установлен надзор полиции, а сам он выплатил внушительный штраф.

Вторая часть дворянского общества была уже опаснее. Так, неутомимый революционер Михаил Бакунин смог бежать из Сибири и присоединиться в Лондоне к Герцену. Добавлялось к этому и разночинско-студенческое движение, которое стало высказывать уже крайне радикальные взгляды.

Надо сказать, что именно в это время в стране обострилась интеллектуальная борьба. Общество ознакомилось с учебниками государя и пыталось их переварить. Большая часть населения согласилась к мыслями императора о необходимости формирования гражданского общества в стране, получении каждым качественного образования, а не грубых радикальных попыток изменения политической жизни. Александр выдвигал государственную идеологию просвещённого консерватизма. Он говорил о необходимости сохранения национальных традиций и устоев жизни, развития образования и технологий в государстве. Предлагалось поступательное движение общества без всяких катаклизмов и потрясений. Книги императора вызвали ярость революционеров. В ответ на критику их взглядов они называли материал учебников грязной пропагандой и клеветой. Надо сказать, что Александр разворошил прямо-таки настоящее осиное гнездо. В вузах при обсуждении его философии, студенты доходили до мордобоя прямо в стенах аудиторий. Несмотря на всю интеллектуальную мощь новых учебников, часть общества оказалась к ним глуха. После начавшихся изменений в стране, революционное движение так просто было не остановить. Это желание быстрых перемен неожиданно привело к волне прокламаций (агитационных листовок).

Ежедневно в домах раздавались звонки и некие люди (иногда и знакомые) стали совать прислуге или хозяевам в руки пачки листовок. После встреч в клубах, собраниях, владельцы верхней одежды с удивлением обнаруживали у себя в карманах прокламации. Их распространяли повсюду, — на афишах, стенах концертного зала, в театре и даже просто на улицах.

Масштабы этого явления оказались крайне велики, а полицейская власть, не имевшая опыта борьбы с подобным, поначалу просто растерялась. На образованном государем Совете Безопасности Александр зачитал вслух, принесённую Шуваловым антиправительственную листовку под названием «К молодому поколению»: «...Правительство наше, вероятно, не догадывается, что, положив конец помещицкому праву, оно подкосило собственную императорскую власть...если царь не пойдёт на уступки, если вспыхнет общее восстание,

недовольные...придут к крайним требованиям...»

— Что думаете господа, насчёт содержания данной прокламации? — спросил император.

— Начать надо с того, почему полиция не смогла остановить распространение этих зловредных листовок, — высказался Шувалов.

— Проблема такая у Министерства внутренних дел присутствует. Мы это не скрываем. Дело в том, что как задержишь одного разносчика, то он сразу ссылается, что ему её только что передал неизвестный. На данный момент после прямого дворянского бунта оппозиционеры перешли к совершенно анонимной тактике. Сейчас нет законов, которые бы позволили сразу привлечь к ответственности за раздачу листовок. Необходимо искать концы, — тех, кто является авторами подобной пакости и тут дело за вами, Пётр Андреевич, — вернул подачу Валуев.

— Хватит, господа. Меня не устраивает это перекладывание ответственности. Вы должны были давно меня понять, — я никогда не ищу крайних. Мне нужна просто работа и результат. На данный момент я спрашиваю вашего мнения о тексте листовки.

— А что текст-то? Радикалы стали выступать с открытыми требованиями общественного переустройства, видать все же европейские порядки им покоя не дают. — предположил шеф III Отделения.

— Если бы так...Но я заметил, что содержание этих прокламаций в последнее время опасно изменилось. Вот, к примеру, текст следующей: «...Мы народ запоздалый, и в этом наше спасение. Мы должны благословлять судьбу, что не жили жизнью Европы. Её несчастья, её безвыходное положение — урок для нас. Мы не хотим её пролетариата, её аристократизма, её государственного начала и её императорской власти» — уточнил Александр.

— Что насчёт данной листовки...У III Отделения есть мнение, что её автором является публицист Николай Шелгунов. За ним уже установлена слежка. А так, вы правы государь, тон прокламаций становится радикальнее. Судя по всему, после вашей сильной критики относительно европейских порядков, революционеры решили сразу перейти к бунту, а не пытаться построить нечто похожее на западный вариант, — сказал Шувалов.

— Проблема ещё и в том, что распространяется эта зараза стремительно. Неграмотный народ хочет всё быстро и сразу. Ему просто говорят, что царь и буржуи виноваты, — они и верят. Думают, революция будет и всё сразу наладится. Ещё и распространителей этих листовок вдруг стали считать героями. Полиция же, получается словно борется против народа, — отметил Валуев.

— Значит так, господа. Полагаю, нам надо перехватывать инициативу. Если мы будем сидеть на месте, то нас просто сожрут. Сейчас эти прокламации у всех на устах, — бороться с ними необходимо, но вылавливать поодиночке революционеров дело не особо перспективное. В ближайшее время я подготовлю новые законы, которые на время уберут с поля интереса населения эти прокламации. Гарантирую, что распространение данных пасквилей упадёт в разы. В это время вам надо будет подчищать концы: 1. Если прокламация будет обнаружена, то человек должен сдать того, кто её передал, либо пусть платит большой штраф. Отговорка на то, что её подсунули, — не должна фигурировать. Соответствующий указ будет принят в ближайшее время. Ответственный за выполнение будет министр внутренних дел. 2. Всех обнаруженных авторов прокламаций тайно ликвидировать. Их арест и задержание может сделать данных субъектов героями. Ответственным будет Шувалов.

Вопросы?

— Государь, я не ослышался. Ликвидировать? — удивлённо спросил Шувалов.

— У вас с этим проблемы Пётр Андреевич?

— Но мы так никогда не делали. Обычно задерживали, но чтобы просто убивать...

— Политика — это грязное дело, господа. Придётся замараться, — твёрдо сказал Александр. — Если мы будем действовать только в правовом поле, то нас сожрут. Подготовьте команду исполнителей на постоянной основе. Полагаю, что действовать придётся неоднократно. Для сохранения порядка, тем не менее, — требую согласования со мной каждой кандидатуры на ликвидацию. Без моего самодержавного одобрения данные действия недопустимы и будут караться.

Буквально менее чем через месяц после данного совещания Россия вновь вздрогнула... Во всех официальных газетах были опубликованы новые законы и речь к ним самого государя: «В последние месяцы страна испытала серьёзные потрясения. Бунтовщики прямо и скрыто пытались расшатать общественный порядок, в качестве предлога указывая на существующие видимые проблемы в стране. Государство стремится решать эти вопросы и всегда учитывает интересы простых людей. Отступники из числа дворянского сословия предлагали созвать Земский собор и передать власть другому члену императорской фамилии. Зачем они это делали? Не для улучшения жизни народа, а лишь для незаконного захвата власти. Своим самодержавным велением я исполню желания вольнодумцев о независимости суда и разрешения антагонизма между сословиями. Вы увидите, что нет необходимости бороться с самодержавием, ибо оно само настроено дать населению лучшее, что может только быть».

В течение нескольких дней были изданы законы, ликвидировавшие сословное деление общества. На тот момент в Российской империи существовали 4 основных сословия: 1. дворяне потомственные и личные, 2. духовные лица, 3. городские обыватели (почётные граждане, купцы, мещане, цеховые), 4. сельские обыватели. Разные сословия серьёзно отличались в своих правах и обязанностях. Прежде всего это отличие выражалось в податном (обязанности платить налоги) либо неподатном состоянии. Но, кроме того, лица неподатного состояния (прежде всего дворяне и почётные граждане) пользовались свободой передвижения, получали бессрочные паспорта для проживания на территории всей страны и многое другое. Лица же податного состояния (прежде всего мещане и крестьяне) такими правами не обладали. Сама же принадлежность к сословию передавалась по наследству, а переход из неё был крайне затруднён. Указ государя ликвидировал все сословия и их привилегии, упразднили даже титулы (княжеские, графские и прочие). Вводилось общее для всего населения наименование — гражданин Российской империи.

Ещё более шокирующей стала судебная реформа. Прежние судебные инстанции были крайне сложными и многоступенчатыми. Мало кто понимал на каком уровне иерархии кто находится и кто кому подчиняется. Рассмотрение дел могло затягиваться на долгие годы, а местная власть в лице губернаторов активно вмешивалась в принятие решений. Сами судебные процессы были закрытыми, а их итоговые решения оставались настоящей загадкой для общества. Судьи довольно часто даже не видели обвиняемых, не слушали никаких показаний и просто на основании бумаг выносили решение. Дополняла картину невероятно низкая зарплата судейского аппарата, что приводило к гигантской коррупции.

Государь создал 3 основных вида судов: мировые для решения мелких дел, общие для остальных и специальные для рассмотрения политических преступлений с особым порядком

их разбирания. Суд был отделён от административной власти, а сами судьи становились лицами процессуально независимыми. В судопроизводство вводилась гласность (открытость), состязательность (появлялись прокуроры и адвокаты). Появились и присяжные. Им мог стать любой гражданин, обладающий образованием не ниже среднего, что на тот момент было достаточно высоким уровнем. Возникло право сторон и осуждённых на апелляцию и кассацию. Само следствие было отделено от полицейского дознания. Судьи назначались правительством, предусматривался образовательный и профессиональный ценз для всех судебных чинов. Высшей инстанцией становился Верховный суд, но император имел право на пересмотр любого решения и, более того, вынесения собственного приговора. Зарплата судей была увеличена в 10 раз, а за любую попытку дать или взять им взятку предусматривалась лишь одна мера наказания для обеих сторон, — смертный приговор без права помилования. На саму же реформу были потрачены оставшиеся деньги от конфискации поместий дворян. Фактически, образование и суд съели все образовавшиеся сверхдоходы страны. Теперь государство могло проводить реформы только на получаемые налоги.

Вводя в жизнь данную реформу, Александр помнил из своей прошлой жизни недостатки отечественной судебной системы. Даже в XXI веке она остаётся по существу карательной, — число оправдательных приговоров составляет порядка 0,33 процента. В Европе же, например, эта цифра стабильно достигает 20 процентов от общего числа. В данном случае была взята именно европейская практика, так как было чёткое понимание необходимости объективного рассмотрения дел. Справедливая судебная власть постепенно должна была стать опорой формирующегося гражданского общества.

Статья императора в газете, а затем последующие законы взбудоражили всё общество. Как и предполагалось, волна прокламаций в этом изменившемся настроении, практически сошла на нет, а их организаторов стали довольно быстро вылавливать. Люди же никак не могли переварить произошедшие перемены, которые были поданы в совершенно извращённой форме. Когда дворяне выступали с требованиями проведения данных реформ, они подразумевали под ними совершенно иное. Под уничтожением антагонизма сословий имелось в виду, чтобы первое сословие было окончательно закреплено как высшее, а остальные как подчинённые. Требование же независимого и гласного суда было на самом деле не чем иным, как ультиматумом к власти с требованием фактической неприкосновенности дворян перед законом. Казнь же дворянских оппозиционеров, а затем полная подмена их настоящих требований просто потрясла бывшее первое сословие. Фактически оно было окончательно разгромлено. В глубокий кризис было загнано и широкое либеральное движение, — своими действиями император фактически выбивал у них почву из-под ног. Их требования перемен приводили к таким масштабным реформам, которые никто просто не мог и представить.

Несмотря на все эти результаты общественной борьбы, становилось всё более очевидным, — это ещё не конец. Окончательно оформился самый страшный внутренний враг — революционеры, как бороться с которыми ещё никто не понимал...

Когда бурные происшествия прошлых месяцев утихли, я смог наконец-то спокойно осмыслить произошедшее. Многие пренебрегают анализом событий, что, на мой взгляд, является весьма опрометчивым. Именно такой подход учит принимать решения осознанно, а не под влиянием эмоций. Анализ прошлого помогает определить, что надо исправить в настоящем и решить, как изменить будущее к лучшему.

Все эти вынужденные репрессии в отношении дворян сейчас воспринимаются как очень рискованный шаг. Я стоял буквально на краю пропасти и победить мне удалось благодаря целому стечению обстоятельств. Экономически дворянство было сильно ослаблено в результате произошедших реформ и уже не обладало прежними финансовыми возможностями для давления на власть. Помогло и то, что меня так практически никто толком и не понял. Произошли события, весьма схожие с прошлой жизнью. Люди привыкают к моей вежливости, тактичности, стремлению договариваться, и оказываются в полном ужасе, когда я превращаюсь из ярко выраженного интеллигента в беспощадную машину для убийств. Эффект словно такой, что когда ты часами можешь рассуждать на приятные темы о науке и культуре, пить чай за одним столом с коллегой, и он будет казаться мягким и весьма покладливым... Но при пересечении незримой границы, пусть даже и всем известной, — внезапно этот коллега воткнёт вам в глаз нож. Подобную сторону моей личности не понимали и не принимали ещё в прошлой жизни даже в армии. Я был стойком от природы... Моя мягкость, уступчивость возможна до тех пор, пока не возникает угроза выполнению боевой цели, долгу либо в данном случае поставленной на кон жизненной задачи. В этот момент я становлюсь самой целью, — во мне исчезает всё человеческое, душевное, сомневающееся. В итоге ожидавшие моего прогиба и попытки пойти на очередной компромисс дворяне, попали словно под наезд многотонного бульдозера...

Важным моментом в поражении бывшего сословия стали и действия силовых структур. Надо сказать, что они превратились в достаточно эффективные ведомства. Здесь моё влияние было весьма косвенным. Я не понимал как должна работать полиция XIX века, не разбирался в механизме действий III Отделения. Да и как мог это знать? Ещё в прошлой жизни удивлялся, как в фантастических произведениях попаданец в прошлое мог буквально всё: учил оперативной работе, строил корабли, писал музыку... Ересь какая. Взять меня, к примеру. Сказать, что я прямо-таки обычный, среднестатистический человек нельзя, но в то же время даже мои возможности крайне ограничены. Да, я неплохо знаю гуманитарные науки, будучи в прошлом преподавателем, и могу поэтому проводить в жизнь государственные реформы. При этом мне помогает и огромное количество секретарей, юристов, которым я разжёвываю суть законов, а они уже прописывают детали. Разбираюсь я и в военном деле, но опять же ограниченно. Знание армии XXI века существенно отличается от ситуации данной эпохи. За всё время правления сумел только начать внедрение формы, отдалённо похожей на нынешнюю российскую ВКПО, ликвидировать военные поселения, да начать строительство некоторых крепостей. Работа с армией идёт медленно из-за отсутствия необходимых средств. Всё сжирают другие реформы. На мой взгляд, бесполезно переходить тут к масштабным изменениям из-за отсутствия прочной экономической базы. Так вот, даже я, будучи относительно подготовленным человеком, не мог контролировать всё. Вся моя деятельность с силовым блоком заключалась прежде всего в назначении туда преданных

мне, и что не менее маловажно, умных людей. Они разделяли мои убеждения в необходимости постепенных эволюционных изменений общества, верили в меня как лидера и всё на этом. Я не учил никого работать, потому что не знал сам, как это делать. Невозможно знать и уметь всё! Бред — это то, что пишут про попаданцев. Я лично просто подбирал и расставлял на места нормальные кадры. Хочется сказать, что тем не менее это сыграло свою роль. Попытки расшатать силовые министерства были, но они сразу же пресекались. В результате во время мятежа, полиция и III Отделение оказались полностью на моей стороне.

Сыграла свою роль и неуверенность привилегированного сословия в собственных возможностях. В ситуации с набирающим силу либеральным и революционным движением оно чувствовало себя находящимся между молотом и наковальней... В результате на общественной арене сложилась новая причудливая комбинация сил — правительство и противостоящие им радикалы. Борьба с последними намечалась крайне жестокой. Государю уже было доложено, что под предлогом защиты русской свободы, революционным организациям стало выделяться финансирование со стороны Англии, Франции и Швейцарии. В этих странах прямо издавались революционные издания, оказывалась материальная поддержка всем русским оппозиционерам. По сообщениям Шувалова, деятельность некоторых революционеров на данный момент стала направляться иностранными спецслужбами. Борьба таким образом продолжалась...

Очередной удар по власти был нанесён Петром Заичневским. Этот товарищ, находясь под заключением за свою антиправительственную деятельность, умудрился сочинить прокламацию «Молодая Россия» и передать её через одного распропагандированного им часовых. Текст этой листовки был весьма жёстким для власти.

«Россия вступает в революционный этап своего существования. Вы видите, что общество в настоящее время разделяется на две части, интересы которых диаметрально противоположны и которые, следовательно, стоят враждебно одна другой. Снизу слышится глухой и затаённый ропот народа, — народа, угнетаемого и ограбляемого всеми, у кого в руках есть хоть доля власти, народа, который грабят чиновники и царь, увеличивающий прямые и косвенные налоги и употребляющий полученные деньги не на пользу государства, а на увеличение распутства двора, на награду холопов, прислуживающих ему, да на полицию и войско, которым хочет оградиться от народа. Как бы в насмешку над бедным, ограбляемым народом, безвозмездно дарит бывшим помещикам казённые предприятия, увеличивает плату чиновникам и полиции, вся заслуга которых это немилосердный грабёж населения, осыпает милостями тех, которые умеют ловчее подать тарелку и налить вина, кто лучше льстит!»

Этот фанатичный молодой социалист предлагал свой путь решения данной, на его взгляд, ужасной ситуации в России.

«Выход из этого гнетущего, страшного положения, губящего современного человека и на борьбу с которым тратятся его лучше силы, один — революция, революция кровавая и неумолимая, революция, которая должна изменить радикально всё, всё без исключения, основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка. Мы не страшимся её, хотя и знаем, что прольётся река крови, что погибнут, может быть, и невинные жертвы; мы предвидим всё это и всё-таки приветствуем её наступление, мы готовы жертвовать лично своими головами, только пришла бы поскорее она, давно желанная!»

Ответ власти на эту прокламацию был настолько же безжалостен, насколько жесток

был и сам социалист. После выяснения, откуда вышла листовка, Заичневский был убит подговорённым сокамерником, а завербованного революционером охранника приговорили к каторжным работам.

Этот конфликт социализма и власти показывал на противоречие между сердечным желанием немедленного уничтожения несправедливости, объявления свободы, равенства и братства и доводами разума, требующего осознать, что всеобщего рая и счастья в земной жизни просто не может быть.

Надо сказать, что в то время зараза социализма охватила многих...Весьма показательны слова одного из молодых парней, сходивших на студенческую сходку, и вернувшегося потом домой в растерянности: «Я не знал, что лучше начать делать: распространять книги или убивать». Так, постепенно начала оформляться мода на нигилизм, своеобразную философию, ставившую под сомнение общепринятые идеалы, ценности, нормы нравственности, культуры, фундаментальные понятия.

Государь пытался предложить новым тенденциям общества альтернативу. Так, для социальной мобильности был сохранён Табель о рангах, правда, теперь в модернизированном варианте. Гражданин империи мог двигаться вверх по карьерной лестнице благодаря своим умениям, навыкам и даже получению образования. Все виды службы были поделены на две категории: военная и гражданская служба. В новой версии документа исключалось присвоение дворянского состояния, зато более весомо стали поощряться профессиональные навыки. Отныне не было никаких границ для социального роста, и это в определённой степени смягчало общественную напряжённость. Каждый знал, что гипотетически может достичь любых вершин, а главным способом этого выступали всего пять возможностей: 1. образование, которое можно было получить с определёнными условиями и бесплатно, 2. выгодный брак, 3. служба в армии, в которой убрали жёсткую привязку офицерского звания и дворянства, 4. гражданская служба, 5. материальный успех (например, в нынешнее время, бывшие крепостные могли распоряжаться своими финансами сами и по своему желанию). Все пытались для себя найти собственный путь, но в то же время осознали, что теперь потомственные заслуги не играют никакой роли. Да, не всё было гладко. Элита по-прежнему могла получать более качественное образование, имела значительный стартовый капитал и связи, но теперь её преобладание не было столь подавляющим, как прежде. Постепенно менялось и её поведение. Александр хоть и не отказывался от дворцов и прислуги, но начал жить скромно. Внезапно придворные поняли, что государю не нравится, когда чиновники кичатся роскошью. Не было никаких постановлений правительства, но тем не менее император вдруг отказывал в карьерном росте чрезмерно выделяющимся в материальном плане господам. Чуткие до тонких знаков, чиновники перешли к показной скромности. Неприличным вдруг стало ношение чрезмерного количества дорогих украшений, содержание слишком большого дворца и огромного числа прислуги.

Глава государства породил совершенно иные стремления. Его увлечение книгами привело к массовому подражанию. Внезапно стало иметь хорошую библиотеку признаком статусности. Коллекционирование редких изданий находило всё большую популярность в обществе. Другим невероятно занятным фактом стало открытие фитнес-клубов. Эта новомодная гимнастика в сочетании с банями, саунами и бассейнами поначалу просто шокировала общественность. Первый фитнес-клуб был создан по проекту и требованиям самого императора и был открыт для посещения только для членов императорской фамилии.

Тем не менее буквально через несколько месяцев стали возникать подобные же заведения по всей России. Уровень этих клубов был совершенно разный: от элитного до самого убогого, но суть их была одна — здоровье и физическое развитие народа.

Парадоксальным выглядело и отношение Александра к вредным привычкам населения. Неожиданно пьянство и курение стало ограничиваться. Началось всё с того, что государь внезапно запретил курение во дворце. Пошли слухи, что император якобы ненавидит запах сигарет. Чиновники передавали друг другу слова государя, что он не терпит, когда от человека прёт куревом и перегаром. Гибкая верхушка власти перестраивалась быстро, а за ней неожиданно подтягивались и остальные. Алкоголиков внезапно перестали терпеть, как было прежде, и выгоняли не только с хорошей работы, но и с уважаемой компании.

Массово стал развиваться спорт в Российской империи. Александр организовал и провёл первый футбольный матч в стране. Что-то подобное было и в Англии, но в России он стал более организованным. Играли везде и всегда, невзирая ни на какую погоду. Настоящим удивлением стало появление хоккея, быстро полюбившегося всем. В добавление к русской борьбе и кулачным боям появились и разные единоборства в стране. Император первоначально лично организовывал и соревнования разного уровня. В итоге в Россию потянулись мастера боевых искусств практически всех стран.

Была, к сожалению, и обратная сторона данной медали. Бурным цветом рассвело букмекерство, — ставки на спорт стали явлением буквально массовым. Кроме того, сразу же обозначилось расслоение на богатые и бедные виды спорта. Экипировка, хороший тренер стоили серьёзных денег и были доступны не всем. В итоге элита стала отличаться не только своими финансовыми и интеллектуальными возможностями, но ещё и физическим состоянием, а также знанием боевых искусств.

Поменялся и отдых...Пьянство в ресторанах, разгул с гулящими девками постепенно уходил на обочину интереса высших слоёв общества. Под влиянием государя, интересовавшегося искусством и наукой, возникал всё больший интерес к творчеству художников, писателей, поэтов, музыкантов. Незаметно сами русские люди становились другими, — им теперь казалось важным то, что раньше они ранее считали никчёмным, и наоборот. Стали удивительными споры, считавшееся прежде невозможными. Теперь часами могли дискутировать из-за содержания какого-либо произведения, ругаться из-за известных спортсменов и даже выяснять отношения по поводу какой-то научной теории. Да, такими были далеко не все, но их становилось всё больше.

Дети государя в этом плане ничем не отличались от остальных. Они также занимались спортом, учились, играли, спорили из-за спортсменов или героев книг. Особенно в этом плане выделялся наследник императора Николай, пытавшийся начать писать свои первые наивные книги в новомодном тогда жанре фантастики. К слову сказать, в этом он не был одинок. Если до эпохи Александра этот жанр имел больше религиозную направленность по типу фантастических произведений Гёте или Гофмана, то теперь возникло совершенно иное. Император написал пару фантастических рассказов о летающих кораблях и, буквально, взорвал общественность. Поначалу люди подумали, что это на самом деле правда. Многие пытались узнать, где можно посмотреть на эти чудо-корабли, но когда выяснили всё-таки, что это на самом деле вымысел, то вместе с разочарованием неожиданно для себя открыли новое чувство. Так, у целого поколения родились мечтания о покорении воздушного пространства, и даже о посещении других небесных светил. Но чем сильнее Россия менялась внутренне, тем ожесточённее становилась внутренняя борьба. Словно символ этого

противостояния стали пожары...

Пожары в столице начались в мае и продолжались больше двух недель, охватив Большую Охту и центральные районы. «Московские ведомости» так описывали эти события. «В 2 часа утра начался пожар на Малой Охте, в Солдатской слободке, которая и сгорела вся до основания (40 домов). Около половины четвёртого пополудни загорелось в Гороховой между Семёновским мостом и Садовой. Сгорело много лошадей в конюшнях. Государь приехал на пожар в десятом часу утра, братья Константин и Михаил позднее. Пожарные выбивались из сил. Им помогали добровольцы из офицеров, студентов, чиновников, которые поодиночке и, образуя вольные команды, вытаскивали людей, их жалкий скарб, рубили перекрытия, чтобы затруднить распространение огня. Горели жилые дома, лавки, магазины, амбары, трактиры, постоянные дворы, министерства, Пажеский корпус, Апраксин двор».

Красный дым вился над кровлями. Стёкла трещали, сыпались, пылающие брёвна падали, раздавались жалобные вопли и крики: «Горим. Помогите, Помогите!». Именно эту картину наблюдали очевидцы данных событий.

Обер-полицмейстер Аненнков в это время издал распоряжение следующего характера: «Пожары, волновавшие в течение последних дней весь город, выходят из разряда обыкновенных несчастных случаев, и по гибельным своим последствиям, требуют самых деятельных и энергичных мер к отвращению подобного зла на будущее». Власть призывала усилить внимание за своими домами, указывала на запрет курения на улицах. Общественность не оставалась равнодушной, — в пользу погорельцев собирались значительные суммы, а сами несчастные размещались в палатках на Семёновском плацу и в армейских казармах...

Следственной комиссии удалось выявить несколько поджигателей. Выяснилось, что существовал единый план по поджогу Петербурга и ряда других городов. При расследовании дела была составлена вся ужасающая картина преступления. Началось всё с того, что на конспиративных квартирах, дачах и прочих местах собирались работники заводов, интеллигенция и студенты. На этих встречах распространялись социалистические, антирелигиозные и революционные учения, здесь же родилась мысль о необходимости толчка к народным волнениям. Но как его произвести? Социалисты решили воспользоваться опытом Французской революции. Там начавшемуся хаосу способствовали пожары. Дело казалось относительно несложным, — Петербург, да и остальные города империи были по большей части деревянными. Уничтожение жилья и имущества народа, несомненно, по мнению революционеров, должно было привести к общему возмущению, перед которым власть оказалась бы бессильной...

К чести полиции и III Отделения, надо отметить, что первоначальный план всеобщего поджога не сработал. Было арестовано множество пропагандистов, открыто говоривших в артелях о необходимости сжечь Петербург. Жандармы смогли захватить и несколько членов глубоко законспирированной революционной организации под названием «Земля и воля». Допросы с пристрастием раскрыли шокирующие планы этого объединения. Именно данная организация выступила вербовщиком множества недовольных для подготовки целого ряда пожаров по всему городу. Но что самое неприятное было, так это что данное мероприятие «Земли и воли» оказалось профинансированным некоторыми представителями крупной буржуазии, интересующимися скупкой нужной им земли по бросовым ценам. К сожалению, весь список «благодетелей» выяснить не удалось. Члены исполнительного комитета революционной организации, которые знали полную информацию, ещё не были выявлены.

В это же время, часть явно проплаченной прессы попыталась снять возникшее подозрение в революционерах, как ответственных за эти пожары. Так, в одной из статей известной в то время газеты говорилось: «Слава богу, пожары, кажется, прекращаются! Вместе с ними прекращается и то тревожное состояние умов, которое заметно было в последнее время... Но кто же эти злодеи? Какая цель такого страшного братоубийства? Грабёж, воровство, отвечают одни. Совершенно иные намерения видят во всём этом другие: они видят связь между пожарами и теми листовками, прокламациями и воззваниями, которые с некоторого времени стали распространяться в Петербурге. Они думают, что для успеха своих намерений бессмысленные агитаторы хотят создать пролетариат, которого у нас нет, и который легче всего идёт на обещания и посулы... Но мы отвергаем такое объяснение. Если есть поджигатели — это разбойники, воры, но не демагоги. События возбудили сочувствие к Государю на пожаре и ненависть к виновникам страшных бедствий... И этого не может быть! Мы не верим, не хотим верить, чтобы у людей, действующих во имя любви к ближнему, поднялась бы рука жечь на огне этих ближних, подвергнуть их страшным бедствиям, лишая их с семейством крова, имущества и средств к существованию».

Ладно бы, если эта пресса просто пыталась отвести подозрения от революционеров, — произошло гораздо хуже. Чернышевский в своём «Современнике» и Герцен в «Колоколе» стали недвусмысленно намекать на виновность самих властей. Последний с крайней наглостью вдруг написал: «...А в полиции виновных не искали? Не попробовать ли?» Но

если, находящегося в Лондоне Герцена было не достать, то Чернышевский получил своё... В этот момент данный автор выступал с откровенными революционно-демократическими лозунгами. Было и подозрение в его тесной связи с организацией «Земля и воля». По представлению Шувалова, государь дал согласие на арест Чернышевского и помещение его в Петропавловскую крепость. Само издание «Современника» было приостановлено. Остальным же оппозиционным газетам был выписан огромный штраф и вынесено предупреждение.

Государь столкнулся с новой проблемой, — ликвидировать ли совсем оппозиционную прессу? Он понимал, что в случае её прямого закрытия, она перейдёт в подполье. Вопрос был сложным и не мог быть решён грубым запретом. Император поручил цензуре усилить контроль над печатными изданиями и на этом всё. Приходилось мириться с альтернативными взглядами не только в высшем образовании, но ещё и в части журналистики.

Описывая характер «прогрессивно» настроенной молодёжи, выдающийся русский писатель Иван Сергеевич Тургенев в своём произведении создал образ Базарова как самого яркого нигилиста. Надо сказать, что этот противоречивый герой автора привёл к смешанной реакции общества. Часть радикально настроенного населения обвиняла Тургенева в мракобесии, а консервативные слои критиковали его за низкопоклонство перед молодым поколением.

В защиту правительства вдруг выступил Лесков. Своей эмоциональностью и силой его статья наделала большого шума. «Если ты не с нами, так ты подлец!» — таков «лозунг наших радикалов», — писал прозаик. «Держась такого принципа, наши радикалы предписывают русскому обществу разом отречься от всего, во что оно верило и что срослось с его природой. Отвергайте авторитеты, не стремитесь ни к каким идеалам, не имейте никакой религии (кроме тетрадок Фейербаха и Бюхнера), не стесняйтесь никакими нравственными обязательствами, смейтесь над браком, над симпатиями, над духовной чистотой, а не то вы подлец!» — отмечал автор. Лесков уважительно пишет об императоре-реформаторе, а также о его идеях постепенных преобразований. В статье отмечалось гнусность использования любых мер для «уравнения всех во всех отношениях» и «подчинения личной свободы деспотизму утопической теории о полнейшем равенстве дурака с гением, развратного лентяя с честным тружеником».

Александр тем временем решил нанести удар по радикалам их же оружием. Его приём шокировал общественность. В течение короткого времени все газеты и журналы по требованию государя напечатали итоги расследования пожаров. Были представлены убедительные доказательства причастности радикалов к поджогам, указаны конкретные имена и фамилии, названы даже некоторые заказчики из числа крупной буржуазии. Но если бы всё ограничилось только газетами... Внезапно по каждому российскому адресу почтальоны разнесли прокламации, содержащие факты многочисленных преступлений революционеров. Удар был страшный! Население было настолько потрясено шокирующими сведениями, что стало в ярости выискивать любого «нигилиста». В эти недели учёба в вузах практически прекратилась, так как мужики избивали каждого студента, попавшегося им на глаза. Были разгромлены и несколько редакций оппозиционных газет. Народная молва не только разнесла правительственные данные, но ещё и дополнила их в самых устрашающих вариантах. Революционеров стали обвинять, что они крадут детей, едят человечину, грабят сирот и служат самому дьяволу. Безумие, творившееся в эти дни в России, потрясло весь

мир. О событиях в империи писали в Европе и США, в Китае и Японии. Русские радикалы казалось бы, прославились на весь мир.

Но революционеров это не остановило! Невероятно, но факт! Они попрыгали, зализали раны, но не сдались! Их в крайней степени ожесточило подобное отношение и реакция общества. — Вы ответите у нас за всё! Мы перевернём этот мир! — заявляли фанатики. Озлобление радикалов было полным и именно в это время в их среде зародилась мысль о необходимости террора, который бы смел все преграды, стоящие перед революцией.

Жизнь тем временем входила в обычное русло. Столица восстанавливалась. Несмотря на все попытки полиции и жандармов остановить поджоги, радикалы смогли поджечь многие дома. Город был по большей части деревянный и в результате выгорела почти пятая часть Петербурга. Повсюду валялись обожжённые тела людей, стоял воздух, пропитанный гарью, дымились догоравшие дома... Катастрофа могла быть масштабнее, если бы Валуев не начал организовывать народные дружины, контролировавшие порядок на улицах и отлавливавшие поджигателей. Погорельцам было предоставлено временное жильё, роздана гречка и небольшие подъёмные. Гречка в эти дни спасла многих. Компактный, невероятно полезный, хранящийся до 20 месяцев продукт стал при Александре стратегическим. Власть стала на постоянной основе закупать эту крупу для её помещения на специальные склады. Результат был. Данный продукт позволил правительству и снабжать продовольствием казаков в далёкой Аляске и ликвидировать последствия недорода, и вот теперь снова гречка спасала людей...

Через бурных событий в России вызвала тем временем и усиление дипломатических контактов. Нежданно прибыла английская эскадра с дружественным визитом. Был принят сын английского короля, принц Альфред, недавно отказавшийся от греческой короны. Этот отказ был вызван сугубо политическими соображениями, но молодая Мари была поражена и прониклась почтением к благородству и бескорыстию принца. Он, в свою очередь, уделял ей большое внимание, что не осталось незамеченным в семье. Алёша и Володя подшучивали над сестрой, а старшие Николай и Александр улыбались. Маша не знала как ей реагировать на подобные насмешки над ней и её «женихом». После английского посольства прибыло и японское. Государь внезапно с удивлением услышал, что иностранное правительство желает изучить опыт российских реформ.

Разобравшись с неотложными делами, Александр вместе с семьёй отправился на пароходе в Новгород. Там задумывалось проведение специального праздника, посвящённого тысячелетию России. По замыслу государя, это мероприятие позволит подвести предварительный итог его первых реформ и отдать честь русской державе.

Путешествие было приятным. Императрица, несмотря на опасения врачей, чувствовала себя хорошо. Мария Александровна в последние годы стала разбираться в дворцовых и министерских интригах. Говорить о том, что она принимала активное участие в управлении было невозможно, но и отрицать её влияние было бы неверным. Она была знакома со всеми высшими должностными лицами империи, у неё были симпатии и антипатии. Государыня полностью доверяла Милютину и Валуеву, но с настороженностью относилась к Шувалову. Её беспокоили ужасные слухи об этом министре, якобы тайно убивающим революционеров, и она опасалась, что влияние данного чиновника на супруга будет лишь возрастать. Близкими же для неё оставались её фрейлины и по совместительству подруги Анастасия Мальцева и Анна Тютчева. Тёплые отношения у императрицы были и с отцом Тютчевой, Алексеем Толстым. Этот поэт посвятил первую свою книгу стихотворений именно ей.

Марии Александровне передавали слова Толстого в отношении императрицы: «Эта женщина, которую я люблю и уважаю всем сердцем. Я говорю и повторяю это во всеуслышание, и я не боюсь прослыть за льстеца».

Дети были вместе с родителями. В Новгород взяли всех, — такое мероприятие требовало участие всей семьи. Все держались хорошо, а Николай в последнее время серьёзно возмужал.

По прибытии в Новгородский Кремль императорская семья помолилась в Софийском соборе и разместилась в доме архиерея.

На следующий день государь встретился с крупнейшими промышленниками и чиновниками империи. Император произнёс речь:

— Поздравляю вас, господа, с тысячелетием России. Я счастлив, что мне суждено праздновать этот день с вами в древнем Новгороде, колыбели царства всероссийского. Пусть будет данная знаменательная дата знаком единства всего нашего общества перед общей целью — достижения благоденствия отечества.

Раздались всеобщие аплодисменты и радостные возгласы.

После встречи с деловыми кругами царская семья отстояла в Софийском соборе обедню. Крестный ход совершался пешком. Митрополит Исидор произнёс молебствие и прочитал молитву о счастье и благоденствии России, написанную патриархом Филаретом. При её возглашении все опустились на колени.

С отцом повсюду был его наследник Николай Александрович. В этот день ему исполнилось 19 лет. Он был высоким, стройным юношей с материнскими глазами и мягкой улыбкой отца, простым и отзывчивым. Юноша знал, что придворные говорят о его мягкости, уступчивости, но они не видели другого... Николай был стойким, как и его отец... Императорский долг, обязанности, о которых с малолетства твердил ему его отец, внезапно обернулись стальными основами в его душе. Он словно наследовал железное сердце Александра, и за его внешней мягкостью росла внутренняя безжалостная сила.

Знание истории, которое он получал от Кавелина, живые традиции, знакомство с жизнью России укрепляло его характер. С удивлением Николай заметил, что братья его стали относиться к нему более уважительно и уступчиво. Чувствовалось, что старший сын императора становится настоящим наследником.

Главным предметом же торжества в Новгороде был памятник в честь тысячелетия России. По замыслу Александра, он должен был выразить постепенное, тысячелетнее развитие государства Российского. Проект был выполнен скульптором, художником Микешиним. Этот монумент представлял собой колоссальную державу — эмблему царской власти, увенчанную скульптурами, олицетворяющими православную веру и Россию. Вокруг державы размещались скульптурные группы, символизирующие основные этапы отечественной истории от Рюрика до Петра I. Сам же пьедестал был украшен изображениями выдающихся государственных, церковных, военных и литературных деятелей. Общий вид монумента напоминал колокол, символизируя свободолюбивое новгородское вече.

После прочтения молитвы Исидором раздалась пушечная пальба, а занавесь упала. Памятник предстал во всей своей красоте перед собравшимися. Далее состоялся парад гвардии, награждение всех участников сооружения монумента.

Уже вечером произошёл торжественный ужин. Первый тост поднял государь:

— За благоденствие России!

Городской голова Новгорода Зимин поднял свой бокал:

— За здоровье их императорских величеств и государя-наследника!

Император ответил тостом:

— За благоденствие всего народа русского и новгородского!

Вечером следующего дня император посетил Рюриково городище, расположенный при выходе Волхова из озера Ильмень. Народ кричал «Ура!» и бросал под ноги государю свои шапки. По возвращении в Новгород императорская семья в открытой коляске объехала улицы города, раскланиваясь по обе стороны на приветствия горожан.

Торжества вызвали бурный восторг по всей стране и лишь Герцен в своём революционном издании язвительно иронизировал по поводу формы монумента, как будто есть только «лондонский колокол».

Спустя буквально пару дней императорская семья отбыла обратно. Император покидал Новгород с беспокойным сердцем. Ему пришло донесение, — всюю полыхала Польша. Требовалось срочное принятие каких-либо действий... Александр тем не менее решил не предпринимать быстрых эмоциональных ответов. Отправив необходимые указания главам силовых ведомств, он заехал по дороге в Москву.

На торжественной встрече с деловыми кругами государь заявил:

— Господа, этот год знаменует не только тысячелетие русской государственности, — он являет собой итог прошедших крупных, небывалых прежде в российской истории, реформ. Я уверен, что в ближайшие годы, мы все с вами сможем наблюдать последствия этих важных преобразований. Слышите меня?! Не верьте людям, говорящим, что царь и чиновники думают только о благе своём. Жизнь положу ради России, ради счастья её народа. Бог с нами, друзья!

После этого прошёл бал в Кремлёвском дворце, а затем отметили именины второго сына. Все запланированные мероприятия по знаменательному событию были проведены в полном объёме, и государева семья окончательно отправилась в Петербург.

Россия виделась Александру устойчивой. Возникающие волнения он считал неизбежными, но полагал себя способным справиться со всеми появляющимися проблемами. — Наследнику я оставлю самую сильную державу в мире, — думал государь...

Конец первой части.

Больше книг на сайте - Knigoed.net